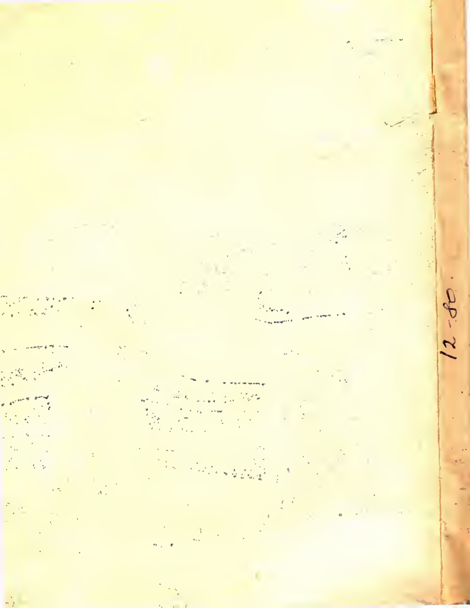

ВИКТОР
МОСОЛОВ
У КАМЕННЫХ
СТОЛБОВ
ЧАРЫНА

12-80

ВИКТОР МОСОЛОВ

У КАМЕННЫХ СТОЛБОВ ЧАРЫНА

РАССКАЗЫ

Алма-Ата
«Жалын»
1985

28.088
M81

Рецензенты В. Буренков, П. Мариковский

М $\frac{4803010102-172}{408(05)85}$ 159—85

I. ЗА СИНЕЙ ГОРОЮ

БОБРОВАЯ РЕЧКА

1

С самого утра лесник Ефим Шабуров косил у речки Углинки, и когда стало смеркаться, он даже обрадовался — устал за день и пора бы отдохнуть. Но оставался еще рядок.

— Закончу!— решил Ефим и снова принялся размеренно чиркать косой. Густая пахучая трава после каждого взмаха ложилась плотным рассыпчатым полукругом.

Кончив косить, Ефим оглядел оголившуюся, будто остриженную поляну, покрытую бугристыми зелеными валками — и остался доволен прошедшим днем.

Оставив на валке косу, Ефим пошел к речке, опустился на ствол поваленного дерева и с наслаждением закурил. Теперь спешить было некуда. Ефим смотрел на лес, окутанный дымкой, дышал сгустившимися к вечеру запахами трав и ему было хорошо! Усталость сама по себе проходила. Между темных стволов, повыше леса, светилась, угасая, вечерняя заря, негромко бормотала вода у левого крутого берега, да черный дрозд все никак не мог успокоиться, резко покрикивал в кустах...

Лес действовал на Ефима странным образом. Ефиму

было за пятьдесят, лицо уже прорезали глубокие складки, но такие детские мысли приходили в голову. Он не стеснялся их, а совершенно серьезно считал, что нет ничего лучше этих детских мыслей. Вот, например, думал он, хорошо быть осиной и трепетать под ветром. И дубом тоже — ронять по осени спелые желуди. Но лучше всего быть вольной птицей, тогда можно смотреть на лес и снизу, с земли, и сверху, и сквозь ветки. Кому хорошо, так птице... Но ему никогда не быть птицей даже мысленно, потому что всегда какая-нибудь подлая мыслишка помешает, с которой уже нельзя быть птицей. Но и подлую мыслишку не прогнать,— она такая липучая, как вот курево — и горько, и вредно, а тянет... Вот такие думки приходили и начиналась всяческая философия...

Река Углинка в том месте, где сидел Ефим, размышляя о птицах, делала крутой завиток и со стороны низинки образовался небольшой плес. По воде, заметил Ефим, разошлись круги... Что-то булькнуло! Не лягушка и не рыба сыграла. Такой звук могло произвести только большое и сильное тело...

Ефим насторожился. Ему даже страшновато стало. В далекие детские годы слышал он про водяных, которые якобы обитали в речке Углинке, и сейчас нахлынули на него эти жуткие представления. В сумерки наедине с лесом, да еще у воды невольно становишься суеверным. К этому располагают тишина, сумрачные деревья, узловатые ветки кустарников... Вот уж лет десять Ефим в лесниках, а все не может унять этого непонятного смятения перед сумерками в лесу.

Кто-то плыл по реке, плескаясь и отфыркиваясь. В темной воде плеса отражалась одинокая звездочка. Вот она колыхнулась, и Ефим различил на воде темный шар. Как будто человек плыл! У лесника поднялись волосы на голове! Шар приблизился и посветлел, сделался как бы седоватым. «Господи!— испугался Ефим,— старик!»

Где-то в этих местах лет пять назад действительно заблудился и пропал старик...

Едва унял Ефим первый порыв — бежать! «Может, зверь какой-нибудь?» — пришла спасительная мысль. Только такого странного зверя никогда не видел Ефим ни в воде, ни на суше, даже в книжках не видел.

— Бу-у-ах! — раздалось на воде, разошлись крутые волны, и седая голова пропала...

— Может, бобр? — прошептал Ефим. Но не было здесь бобров, это он точно знал, выдра попадалась изредка, а о бобрах даже старики ничего не слышали.

Тихо стало в лесу, и водная гладь успокоилась. Ефим взял косу и пошел к дому, оглядываясь... И все казалось ему, что кто-то смотрит с реки и видит его в темноте.

Через несколько дней Ефим снова появился на Углинке. Надо было сложить сено в копны. На этот раз управился быстрее.

Он заметил, что как будто поднялась вода, плес сделался шире. Прошелся по берегу и обнаружил плотину, сделанную из веток и какой-то травы. Она полностью не перекрывала реку, но отшибала течение в плес. На берегу лежали поваленные деревья. И пеньков оказалось немало, все срезаны ровно и красиво... Как он не заметил в прошлый раз?

— Да это бобры! — удивился Ефим. — Откуда взялись-то? Из большой реки, из Урала, видно, пришли, откуда еще?

Он долго сидел, покуривая и поглядывая на тихую воду бобрового плеса. На этот раз он подумал о том, что шкура бобра — это тебе не лисица и не ондатра, а куда дороже! И, слава тебе господи, никто про это место ничего не знает.

2

Седому бобру было больше двадцати лет. За свою долгую жизнь он не раз сталкивался с людьми, но ему, по-

видимому, попадались все хорошие и добрые люди, иначе как бы бобр дожил до столь почтенного возраста? Два раза его переселяли из одного водоема в другой, и бобр, кажется, поверил в то, что люди, в общем-то, звери безобидные и не так уж страшные, хоть бывает и причиняют всяческие хлопоты. Человек в его понимании был существом особым в мире природы, и его он опасался меньше всех. Видимо, такое отношение к человеку сложилось у Седого в течение долгой жизни в заповеднике. Сказывалось и то, что на бобров везде охота запрещена.

Охотоведы, занимающиеся акклиматизацией животных, конечно, знали, где нужно выпускать бобров. Речка, в которую привезли Седого и бобриху Бурую, была вполне нормальной рекой, с мелями и плесами, с лесом вдоль берега. Но, наверное, она в чем-то уступала тому водоему, где жили бобры прежде. Иначе как объяснить, что бобры ушли из нее прямо по суше? Быть может, они пытались отыскать свой водоем? Откуда им было знать, что родные места очень далеко и добраться до них невозможно? Никому точно неизвестно, когда и куда они ушли, но эта пара исчезла из-под наблюдения егерей, о чем и было записано в журнале учета...

Бобры поднялись вверх по течению насколько можно, и когда речка превратилась в узенький ручеек, Седой вышел на берег и направился в лес. Бурая шла за ним... Случись по пути волк, рысь или какой-нибудь другой крупный хищник — этот путь стал бы для них последним.

Ночью прямо над их головами раздался жуткий крик: ух-у-ух! Бобриха Бурая, забыв от страха, что она не на воде, шлепнула по траве плоским хвостом, так бобры подают сигналы тревоги. Оба бобра припали к земле и долго лежали без движения. Сверху с сухой ветки смотрел на них филин, выкатив круглые желтые глаза и поворачивая голову то в одну, то в другую сторону. Страшные звери! Таких в лесу он еще не видел!

Бобры шли по тропам, пробитым какими-то животны-

ми. На одной тропе они нос к носу столкнулись с барсуком. Седой щелкнул челюстями и приготовился к обороне, но осторожный барсук и не думал нападать на них. Свернув с тропы, он побежал и скрылся в лесу.

Чуткие ноздри Седого поймали сырой запах земли и болотной травы. Он торопливо повернул на этот запах. И Бурая пустилась за ним, она вся извелась от страха на этой неудобной и опасной земле, где некуда даже уйти от опасности; случись непредвиденное — пропадешь!

Лучше ли была Углинка той речки, которую оставили бобры? Вряд ли! Но бобры, уставшие, натерпевшиеся страху за время скитаний, и не помышляли о дальнейшем путешествии...

Речка, к которой случайно вывели бобров глухие звериные тропки, извиваясь, текла то по степи, то через лес. Местами она была быстрой и бурной, но в большей своей части текла медленно, огибая лесистые низины, журча по перекатам и совсем останавливаясь в глубоких омутах. В низинах росли березы, ольхи, осины.

Это была вода! Бобры плавали, плескались, ныряли, словно обезумели от радости! Успокоившись, они стали подыскивать место для поселения. Бурая ждала потомства! Бобры выбрали не очень глубокий плес. Левый берег реки здесь был крут и обрывист, правый — низкий. У самой воды теснились деревья, за ними зеленел луг.

В крутом берегу Седой и Бурая выкопали нору с выходом прямо в воду, жилое помещение располагалось выше уровня воды, в нем всегда было сухо и тепло.

Никогда прежде в Углинке не жили бобры, а теперь появились. В середине мая Бурая родила двух бобрят.

Ночью, чавкая по грязи копытами, приходил к плесу старый одинокий лось. На голове его черной корягой росли большие рога. Лось наклонялся к воде, сильно и громко дыша, пил... Напившись, долго стоял на берегу, и с губ его падали в воду звонкие капли.

Приходили табуном дикие свиньи, валялись в болот-

це, в самой грязи, после них плыла по воде черная илистая муть... Как-то раз Седой хлопнул хвостом по воде и свиньи, треща кустарником, понеслись в лес. Несколько раз Седому удавалось таким образом прогонять свиней, но в конце концов они привыкли к шлепкам и перестали обращать на них внимание. Напрасно старался Седой, изо всех сил бил по воде хвостом.

Под водой в любое время можно было видеть небольших рыбешек, сверкали пугливые стайки плотвичек, неторопливо ходили полосатые, черно-зеленые окуни. Иногда заплывала длинная щука, тогда Бурая очень волновалась и не спускала глаз с маленьких бобрят.

И еще здесь жил странный зверь с красивым пушистым мехом. На суше он казался неуклюжим и неловким. Лапы у него были короткие, он не шел, а как-будто перетекал с одного места на другое. Плавал же он быстро, ловко и бесшумно, как рыба. Хорошо нырял и мог подолгу оставаться под водой. Зверем этим была выдра! Вот такие соседи окружали бобров, поселившихся в речке Углинке.

Седой не только плавал, нырял, грыз деревья и шлепал хвостом. Ветки и куски тонких стволов он сплавлял и укреплял чуть выше переката. За короткое время он искусно перегородил часть реки, и зеркало воды в заводи увеличилось вдвое. Две маленькие звездочки отражались ночью в спокойной воде плеса, а в полнолуние плавал круглый голубоватый диск...

Однажды Седой уловил терпкий запах табачного дыма и видел — у поваленных деревьев то разгоралась, то меркла и падала вниз красная точка папиросы. Седой знал — пришел человек...

3

Волки явились после полудня и лежали под ольховым деревом в неглубокой западинке. Лежали тихо-тихо, будто дремали, положив головы на вытянутые вперед лапы.

Даже глаза их были прикрыты веками. Волки не двигались, чтобы не привлечь ненароком внимания сорок и соек. И только влажные ноздри трепетали, вбирая идущие из леса и от реки запахи...

Стало темнеть... Волк помоложе вдруг нервно вильнул хвостом, что-то почуял! Запах был близко, где-то у самого берега. На таком расстоянии волки берут добычу наверняка. Молодой хищник весь напружинился, изготовился к броску, но он не видел, кто пахнет... Он начал медленно приподнимать голову... Старый покосился на него и молча оскалился. Тогда молодой прижал к голове уши и затих.

Вдоль берега у кромки воды шел бобр, останавливался, приседал на задние лапы, вертел головой и принюхивался... Схватил зубами осиновую ветку и поволок ее в воду. И такой соблазнительный запах исходил от бобра, что по шкуре молодого волка пробежала нервная дрожь. Старый хищник все медлил, никогда еще не приходилось ему встречаться с таким странным зверем, это его и сдерживало...

Бобр уже шлепал по воде, под откосом берега торчала его круглая голова.

Молодой волк оттолкнулся задними лапами и взлетел в воздух! Еще один прыжок! Волк угодил в воду, как раз в то место, где разошлись круги. Но зверя нигде не было... Хищник с яростным недоумением вертелся и прыгал в воде — зверь исчез! Волк выбрался на берег, торопливо отряхнулся, отскочил от старика, скалящего зубы, и бросился бежать. На круглой лесной поляне он остановился, задрал голову вверх и завыл...

4

Если бы Ефим не косил, не сгребал, не складывал сено в копны, и если бы не зависело в какой-то степени от всего этого его благополучие, то он бы, пожалуй,

просто очень удивился тому, что увидел... Вода разлилась по всей луговине! Несколько копешек еще стояли, скособочившись, насквозь пропитанные водой, другие повалились, кое-где у кустов и коряг плавали ошметки сена. Увидев это, Ефим не просто удивился, а расстроился и обозлился.

— Ну сейчас я вам задам!— сказал он скорее жалобно, чем грозно. Он понимал, что никакая месть ему не поможет, сено все равно придется где-то доставать, чтобы прокормить зимой скотину. А была уже осень...

— Дурак! Дурак!— выругал он себя.— Надо было думать раньше. Не догадался, что к чему...

Он вышел на берег, постоял, повздыхал, покачал головой... Плотина была построена недавно, об этом говорили свежие погрызы на ветках и коротких бревнах, что лежали сейчас поперек реки, скрепленные илом, глиной и травой, и сдерживали натиск воды.

Ефим наклонился и потянул за комель бревна — оно подалось довольно легко. Поднатужившись, он сбросил его в реку. Короткое бревно шумно упало, окатив берег и кустарник брызгами, и тронулось вниз по течению. Ефим примерился к другому комлю и вдруг услышал плеск воды и чей-то вдох. По лесу в зыбких струях пара плыл бобр, голова его походила на человеческую и отливала сединой. Бобр плыл прямо на него с какими-то угрожающими намерениями.

— Кыш! Поди отсюда!— замахнулся Ефим на зверя, но тот не нырнул, не повернул назад, а громко шлепая по воде хвостом, злобно сверлил маленькими глазками непрошеного гостя. Бобр считал здесь хозяином себя, и не без оснований.

Оглядываясь на бобра, Ефим сбросил второе бревно.

— Ничего,— говорил он торопливо.— Построишься в другом месте! Эту полянку тебе не отдам!

Ефим швырял куски древесины и коры, сталкивал рука-

ми и ногами. Ветки, пружиня, хлестали его, брызгали в лицо липкой грязью. Через плотину хлынула вода, помогая разрушительной работе, нехитрое сооружение бобров разваливалось под ее напором.

Седого бобра нигде не было видно. Ефим смотрел на мутный водопад, устремившийся вниз по Углинке, и подумал, что таким потоком унесет не только плотину, но и самих бобров. Но мысли эти не радовали Ефима. Он присел покурить, с сожалением смотрел на ошметки уплывающего сена и опять обругал себя:

— Дурак! Ну дурак же!

Вконец расстроенным возвращался домой Ефим Шабуров, что-то бормотал про себя. И бобров жалко, и погубленного сена, вообще было очень нехорошо и обидно...

Приснился Ефиму странный сон, будто идет он ночью по лесу, выходит на поляну, где косил сено. Поляна вся залита, как море блестит под луной,— глазам больно! Копны по воде плывут, а на них бобры сидят и скалят зубы, будто смеются.

Обычно сны к утру забываются, а этот не забылся.

— К чему бы это?— подумал Ефим.— Схожу, посмотрю, что там делается.

Пришел, глянул — вода кругом! Снова построили бобры плотину. . Он даже обрадовался на этот раз.

— Бог с ней, с плотиной... Буду косить в другом месте. Но добыть одного-другого надо... Дорогой зверь, кто тут про что узнает...

5

Вода в бобровом плесе отстоялась, стала спокойной, прозрачной, таинственной... Прямо с берега видать, как ходит, поблескивая чешуей, рыбная молодь. Большая щука, как неживая, застыла под черной корягой. Когда поднялась вода, щука стала жить в плесе и никуда не

уплывала. Не раз Седой пытался прогнать ее и даже поймать, но щука легко уходила — где ему тягаться с ней...

Подул ветер, сорвал с деревьев охапку разноцветных листьев и бросил в речку. Бобровый плес сделался ярким и пестрым. Присядут на воду отдохнуть пролетные утки, да разойдутся круги — выглянет усатая физиономия с выпученными глазами, и улетят испуганно утки искать себе место поспокойнее.

Часов в пять вечера пришел к Бобровому плесу Ефим. На этот раз с ружьем. Ефим привалился спиной к самой толстой осине и приготовился ждать...

В сумерки Седой неожиданно вынырнул у самого берега, но так близко, что и стрелять нельзя — всю шкуру испортишь. Да Ефим и не спешил стрелять...

Седой ухватил зубами ветку, потянул ее в воду и поплыл к высокому яру на противоположной стороне речки. Вот уж отплыл настолько, что и стрелять бы в самый раз, но любопытно стало Ефиму — куда он ветку потащил? И сомнение взяло, что это он все светлоголового видит, один он тут, что ли? Бобр между тем доплыл до берега и нырнул. Ветка стала медленно погружаться под воду... «Заготавливает!— удивился Ефим.— На зиму провиант!»

Лесник не ошибся, бобры действительно готовились к зиме, затапливали ветки и укрепляли неподалеку от входа в нору.

«Так что же, он один, что ли?»— сомневался Ефим. Но вынырнула бурая бобриха, и Ефим убедился, что бобр не один. «Значит, пара»,— решил он и понял, что стрелять никак нельзя, так ведь одним выстрелом и погубишь семью. Побыв еще в своей засаде, Ефим выяснил, что в Бобровом плесе действительно семья: бобр, бобриха и два бобренка...

Встал Ефим, отряхнулся и пошел домой, усмехаясь над собой, над своей нерешительностью.

Но лес пел ему свою песню. По кронам шуршал ветер, сыпал листья. Листья падали на плечи, касались лица...

6

Бобровый плес покрылся льдом. Но повыше, где вода текла и пенилась, темнели промоины и полыньи.

Зимой у бобрового плеса жила выдра. Здесь было глубоко, много рыбы, берега в кочках и валежинах — самое подходящее для выдры место. Не один раз Седой видел в воде ее гибкое длинное тело.

Под корягой, как всегда, стояла сонная щука. От холодной воды она сделалась вялой, лишь изредка бросалась на проплывающих мимо окуньков и плотвичек.

Однажды под черной корягой взмутилась вода и два сильных тела сцепились в жестокой схватке. Одно тело было темное, покрытое мягким шелковистым волосом, второе гладкое, пестрое, в чешуе, с напряженно раскрывшимися перьями плавников.

Борьба длилась долго. Черные хлопья ила поднялись со дна водоема и заволокли место схватки. Потом из полыньи на лед устало выбралась выдра и выволокла огромную щуку, еще дергающую хвостом...

Примерно в это же время по заснеженному лесу шел медведь. Вот уж вторые сутки он бродит по лесу. Ему едва удалось уйти от охотников и собак, поднявших его из берлоги, но застрявшая под шкурой пуля, как раскаленный уголек, жжет спину. Кругом снег и нечего поесть, ни грибов, ни ягод, ни травы. Идет медведь, раскачивается и видит перед собой белые, как призраки, деревья. Все больше злится и свирепеет зверь. Страшный он в эту пору — кого не встретит, на любого бросится!

А по снегу — рыхлый след! След тянется через поляну в молодой осинник. Медведь тычется носом в пахнущий лосем снег, рычит от голода и бессилия. Не догнать, да и не справиться ему зимой с сохатым. Все же он идет

по следу. Просто так, идти куда-то надо... Медведь вздыхает и начинает лапами разгребать снег. Под снегом прелые листья, зеленые ростки, сухие веточки... Медведь жует листья и жалобно бурчит... Поглодал коры с молодой осинки. Все это не то, голод не проходит...

Со стороны речки потянул ветер, принесло теплый приятный запах. Хищный зверь поворачивает голову, ноздри его шевелятся, трепещут... В глазах разгораются искорки надежды. К реке он идет медленно, крадучись. Вот опять в ноздри ударило теплым сытным духом. След не след, а какая-то пахучая извилистая борозда вьется среди валежника. По этой борозде медведь выходит на лед Бобрового плеса.

Выдры на льду уже нет, она первая заметила медведя... Но все кругом забрызгано рыбьей кровью, на снегу краснеет разорванная выдрой щука. Медведь жадно набрасывается на рыбу, урча и давясь, съедает ее за минуту. Этого, конечно, мало большому медведю. Он идет по следу выдры, как будто надеется найти что-то еще. А там полынья! Лед трещит, но медведь тянется к полынье, стараясь ступать помягче. Трахт! — взрывается плес и медведь обрушивается в холодную воду. Течением тянет в чёрную пропасть... Но медведь силен! Сокрушая лапами лед, выбирается на берег. Отряхивается и бредет в лес...

У медведя есть запасная берлога, приготовленная еще осенью. Напуганный выстрелами, он как будто забыл про нее. Именно сейчас, когда страх улегся, включилась память. Собаки и охотники были далеко, за днями и ночами, за прошедшим снегом. Пришло решение, и в походке медведя появилось нечто новое — уверенность.

Медведь еще раз отряхнулся — зазвенели льдинки на слипшихся от воды завитках шерсти.

Ветер усилился. Замело, закружило... И медведь пропал в бесконечной колеблющейся сети снежинок.

7

На сосне, растущей на высоком берегу, на самой макушке сидит черная в белых точках птица размером с галку, напряженно вытягивает шею... и чуть слышный хрипловатый звук вырывается из ее горла — это кедровка славит весну! Птица поет усердно, старательно, а звука почти никакого...

В низинах еще глубокий снег и прохладно, а на буграх зеленеют проталины. На буграх тепло, но вдруг прилетит откуда-то шальной ветерок и ужалит ледяным прикосновением.

«Весна еще в намеке», но она уже здесь: в деревьях и кустах, в низко проплывающих облаках, в крови всего живущего на земле. Ночью бобры выходят на лед, играют под звездами, томятся, вдыхая легкий весенний воздух. Седой утоптал лапами снежный бугорок и обрызгал «бобровой струей». Это весенний ритуал.

Со своего бугра он первым увидел длинную живую тень... Бобры бросились к полынье. Ухнула, плеснула вода, разошлись круги. И снова тишина...

Тень остановилась на мгновение и поплыла дальше. Скользнула по льду Бобрового плеса. Рыжая шерсть лисицы в лунном свете казалась голубоватой. Так же бесшумно прошла еще одна тень. Было время гона — лисицы тоже дышали запахом талого снега и весенним туманом. Вот из леса вышел третий, очень крупный лис. Обнюхал следы, взвизгнул и понесся длинными прыжками. На лунной поляне лисы-самцы в ярости бросились друг на друга. Схватились! Покатились рычащим клубком! Крупный лис загрыз самца, оказавшегося слабее... Высунув красный язык, стоял победитель. Грудь его поднималась и опускалась, в легкие с хрипом врывался густой воздух, пахнущий кровью и весной. Подбежала лисица. Звери обнюхались. Лисице уже вторые сутки не везло с охотой. Она приблизилась к поверженному самцу,

с которым играла час назад и вдруг впилась зубами в его горло... Крупный лис помог ей растерзать теплую еще тушку. Когда от убитого лиса остались только кости и клочки шерсти, самец и самка принялись играть: нападали друг на друга и отскакивали в стороны... Потом ушли в глубину леса, следуя друг за другом: лисица впереди, а за ней лис...

На Углинке, наконец, сломался лед. Поднялась вода. Рыхлые льдины поплыли вниз по реке, застревали у коряг и перекатов, образуя заторы и нагромождения.

Куда делось зимнее безмолвие! Гогочут над Бобровым плесом пролетные гуси, тоненько и печально посвистывают кулики. А на берегу шуршит молодая трава, пробиваясь сквозь прошлогодние листья...

8

Прошло половодье. В сумерки и ночами Седой только и занимался тем, что заделывал щели и укреплял плотину. Никогда еще не было в Бобровом плесе такого высокого уровня воды. Быть может, старый бобр предчувствовал безводное лето?

А год и вправду был очень сухой, год Кояна[1], как говорят старики-казахи.

Бурая весной принесла еще трех детенышей. Теперь в семье было семь бобров.

Наступили жаркие знойные дни, дождей не было совсем. Речка превратилась в маленький ручеек, ключи перестали источать воду. И все же Бобровый плес был полон до краев. Седой внимательно следил за плотиной. Вся жизнь бобров заключалась в этой воде.

И они пережили бы сухое лето, если бы не медведи...

В этот сухой год к Бобровому плесу потянулось на водопой множество диких зверей. Приходила и семья

---

[1] Коян — заяц.

медведей. Их было трое: медведица-мать, маленький медвежонок и еще прошлогодний-пестун. Когда купалась эта троица, вода перехлестывала через плотину. Но это бы не беда! Только медведи придумали и вовсе несуразное. Самый маленький становился под плотиной, а старший-пестун раскидывал ветки и бревна, пока водопад не обрушивался на медвежонка. Визг и рев играющих зверей потрясали лесную тишину.

Напрасно подплывал Седой и с угрозой хлопал своим плоским хвостом по воде — медведи не обращали на него никакого внимания.

Медведи, наигравшись, уходили, и бобры каждый раз принимались заделывать повреждения. Так повторялось изо дня в день.

Бобровый плес все мелел, пересыхающая речка не успевала наполнять плотину. Вход в нору всегда начинался под водой, а теперь оказался намного выше. Жить стало неудобно и опасно. Оставалось одно — уходить! Уходить вниз по реке. Только там, может быть, еще остались плесы и глубины...

В первую же ночь пути погиб один бобренок. На перекате, когда семья перебиралась по скользким камням, бесшумно подлетел филин... Взвился вверх и вскоре затих пронзительный визг бобренка. Ни Седой, ни Бурая ничем не могли ему помочь...

Бобры продолжали свой путь вшестером. Изредка попадались неглубокие маленькие омутки, но в них было тесно семье бобров, и они шли дальше...

Река Углинка петляла, петляла и привела наконец к Большой реке. Там, где Углинка сливалась с Большой рекой, стояла браконьерская снасть. Седой, Бурая и двое старших бобрят порвали сеть и освободились, а младшие остались в ней навсегда...

9

В этот сухой год и Большая река обмелела, но все же течение в ней было сильным. По реке проплывали пароходы, ночью на них горели огни, иногда звучала музыка. С треском проносились моторные лодки, расходились крутые волны и заплескивали на берег. Иногда на берегу разжигали большой костер, слышались человеческие голоса — рыболовы выбирались на реку в выходные дни.

Однажды Седой увидел плывущего человека. Тот плыл неуклюже, бултыхая руками и ногами, отдыхал в воде, лежа животом вверх. Бобр не хотел пугать человека, он просто вынырнул перед ним и легонько хлопнул хвостом.

— Ай!— закричал человек, хлебнул воды и закашлялся. Он часто замахал руками и быстро поплыл к берегу. Люди всегда убегали от старого бобра...

Когда человек выбрался на берег, там затопали, забегали, и кто-то все повторял одно и то же слово:

— Где? Где? Где?

На этой реке не было ни медведей, ни волков, не приходили на водопой лоси и кабаны. И выдру Седой не видел ни разу. А рыба водилась крупная, намного больше той щуки, что жила в Бобровом плесе.

Седой не любил эту реку за плеск и шум, за обилие воды и сильное течение, которое всегда сносило вниз. И за то еще, что не видно ни конца, ни края этой Большой реки. Бобры не выкопали себе нору, а жили, перекочевывая с место на место, сегодня здесь, завтра там. Так было лучше, безопасней...

В сентябре пошли дожди и пересохшие речки пробудились. В Большой реке вода помутнела и заметно поднялась.

Ночью, когда все вокруг смолкало, Седой выбирался из воды на берег и смотрел на реку. Звезды сверкали в небе, отражались в воде. Вся ночь была истыкана звездами, но глаза Седого видели только две искорки, что

отражались когда-то в Бобровом плесе... Его влекло туда, в лесную глушь, где каждый звук слышался далеко и ясно.

Бобры нашли устье Углинки. Здесь текла вода, много воды! Засуха кончилась!

Они, не раздумывая, не колеблясь, повернули в родную реку.

Шел дождь, теплый дождь, туман окутал лес, реку, кругом хлюпало и плескалось. Впереди были перекаты, плесы, мели, новые опасности...

Бобры плыли туда, где осталась их нора с теплым гнездом, где в спокойной чистой воде светились две маленькие блестящие звездочки...

ДАНИЛЫЧ

(Рассказ егеря)

Снежные сугробы оплыли, сделались тяжелыми и вязкими. С мокрых деревьев расслабленно свесились ветки. Пушистые ольховые сережки, похожие на живых гусениц, покачиваются под легким ветерком, иногда отрываются и падают... Лежат на снегу, скорчившись, как-будто от холода. Во всем лесу еще не распустилось ни единого листика, а ольха уже цветет, пылит. Курится рыжеватым дымком.

Лучшее время года. Снег то растает, то схватится твердой коркой наста. Вокруг какой-то мягкий блеск. И запах, запах... Пахнет прелью и свежестью. И во всем этом едва уловимое, но уже властное торжество весны.

Солнце опускается за деревья и во все небо разливается малиновая заря... Но вот и она угасает. Зато ярче обозначается незаметный прежде лунный диск. И снова

блеск! То тут, то там вспыхивают льдинки, отполированные солнцем и холодом. Кто-то днем проехал по дороге на санях, и след, прихваченный вечерним заморозком, двумя светящимися линиями уходит в темноту... За поворотом светятся теплые огоньки поселка. Там дом Данилыча и мой дом...

И по работе мы с ним соседи. Кончается мой участок, начинаются владения Данилыча. Он всю жизнь провел в этих местах. А какой он следопыт! В погоне за зверем иногда бросит след и уйдет в известном только ему направлении, а получается, что наперерез, и настигнет добычу раньше всех. Каким чутьем ориентируется — никому не понятно.

— Как это у тебя получается, Данилыч?— спросит кто-нибудь из охотников.— Ты уж не секретничай, откройся...

Данилыч, седой, сутуловатый, но крепкий старик, улыбнется не без самодовольства и ответит:

— Никак,— говорит,— не могу объяснить. Само собой выходит. Не учен я, чтобы преподавать... Вы почаще в лес ходите, да смотрите получше, может, и освоите...

Как-то раз шли мы со старым егерем через поляну, засеянную для подкормки животных овсом. То и дело стайками пролетали тетерева.

— Погоди-ка,— сказал он, остановившись, и поднес к губам пальцы. Раздался звук, и я невольно задрал голову вверх. Казалось, ястреб несется, рассекая воздух, чтобы выбить из стаи тетерева. Крылья свистели все ближе, тетерева метнулись вниз к елке. Но никакого ястреба не было. Стоял Данилыч и хитро улыбался в бороду...

Однажды случился с Данилычем, по его собственному выражению, «конфуз». В лесах Борового нет оленей. Может быть, когда-то они здесь жили, рассказывают, что действительно жили, но давно исчезли, еще до рождения Данилыча. Не удивительно, что старик плохо знал этих животных...

И вот решили запустить в хозяйство оленей. Сначала построили в лесу большую вольеру, огородили участок земли жердями, примерно гектаров десять. Здесь олени должны были привыкнуть к новым условиям, их можно и подкормить, если потребуется. А когда привыкнут — выпустить в лес.

Следить за новоселами было поручено Данилычу. Он быстро освоился с новым делом, узнавал почти всех оленей «в лицо». Был у него любимец, вожак стада, громадный рогач по кличке Буян.

Осенью в лесу стали раздаваться могучие крики рогачей, похожие на звуки медной трубы,— начиналось время гона... Однажды егерь увидел на холме Буяна. Олень, задрав вверх голову, громко трубил.

— Что это с ним?— встревожился Данилыч.— Неужто заболел?

Достал из кармана ломоть хлеба, посыпал солью и направился к своему любимцу. Олень все ревел! Увидев Данилыча, вдруг наклонил голову и пошел на него.

— Ты что, Буянушка?— проговорил растерявшийся Данилыч, но взглянув в налитые кровью, бешеные глаза рогача, испугался и спрятался за стоящие рядом три березы. Долго гонял олень Данилыча вокруг деревьев, пытался достать рогами, брызгали слюной, рыл копытом землю...

— Каждый зверь свои законы соблюдает, — говорил потом Данилыч.— И тут мешаться не следует...

— А ведь можно было и прочитать об этом,— протягивал я ему книжку по биологии.

— Это вам, молодым, учиться надо,— отвечал старик.— А мне уже ни к чему...

Просыпаюсь рано и выхожу на крыльцо. Мартовское утро прохладно. В похрустывании наста и в розовости неба намек на приближающееся весеннее буйство природы.

Гремя пустым ведром, по соседнему двору идет бабка Марья доить корову. О дно подойника ударяются тугие струи молока, и я слышу приглушенный шепот:

— Зоринька моя! Умничка моя...

И опять наплывает такое, от чего на душе становится тревожно, свободно и радостно... Это весна!

Сегодня едем с Данилычем в вольеру. А вот и он! Впереди саней легко бежит Карька, весь окутанный паром, как паровоз. Вот поравнялся. Почти на ходу запрыгиваю в повозку... Жеребец, похрапывая, бежит по узкому проселку, сани плавно скользят, наст скрипит... Зеленые строгие сосны и мягкие нежные осины проносятся мимо.

— Эй! Косой! Не растопчи! — кричит Данилыч выскочившему из-под куста перепуганному зайцу. Голос его раскатисто разносится по лесу, снег не приглушает звуки. Заяц уже не белый, а какой-то пегий, пришла пора менять зимнюю шубку на летнюю.

— Смотри!

У дороги, вытянув вверх чуткие головы, стоят косули. Замедленными прыжками они отрываются от земли и уходят в чащу.

У большой белой поляны Данилыч останавливает лошадь. Здесь нужно высыпать на снег овес для куропаток. Из-под ног, разбрызгивая снег, вырывается трескучий фонтан. Тетерев! Вытянув шею, он взмывает над лесом и в одно мгновение исчезает за деревьями...

Показалась изгородь вольеры. На белом снегу четко вырисовываются силуэты оленей. Ждут. С одной стороны поляны рогатые самцы, с другой — самки и молодые.

Нагружаем сани высушенным донником, открываем ворота — олени весело несутся навстречу. Сейчас начнутся ссоры, драки... Раскладываем сено в разных местах, чтобы все были сыты. Налетели откуда-то снегири, синицы, чечетки... Старик щедро подбрасывает им овса.

Потом Карька везет нас мимо Лысой горы. Все это

обход Данилыча. Вдруг старик вскинул голову, нахмурился и, сняв шапку, стал прислушиваться...

— Еще косулю порвали,— сказал он.— Слышишь?

Со стороны посадок кричали сороки. Соскочив с саней, мы полезли сквозь колючую поросль, увязая по колено в снегу. С поляны пестрым фейерверком взлетело с пол-сотни сорок. Рассевшись по деревьям, они закричали еще громче. На просеке лежала уже закоченевшая косуля с распоротым животом и выеденными внутренностями. Остальное сытые волки оставили сорокам. Данилыч ходит по сугробам, разглядывает следы и рассказывает, как охотились хищники.

За кустом волк поджидал добычу. В снегу остался четкий отпечаток его тела. Видно, что зверь лежал без единого движения, даже хвостом не шевелил. По снегу бежала косуля, преследуемая вторым волком. Он направлял жертву прямо на сидевшего в засаде напарника. Обезумевшая от страха косуля несется длинными прыжками навстречу гибели. Вот уж десять метров отделяют ее от спрятавшегося хищника — волк выскакивает и мертвой хваткой вцепляется в бок животного. Косуля пробежала еще метров десять и упала...

Ровная цепочка волчьих следов уводит в березняк, потом в сосны и дальше через хребет. Ищи их теперь...

Возвращаемся молча — старик расстроен. Когда въезжаем в село, он вздыхает и говорит:

— Почти каждый день по косуле... Перед весной вроде исчезла куда-то... Думал совсем, а она опять здесь, да еще волка привела... А хитра-то, бестия, ох и хитра...

Матерая — огромная волчица черного цвета, уже не первый год обитала в нашем хозяйстве. Она уходила из оклада через флажки, никогда не трогала отравленной приманки, все охотники знали, что ставить на нее капканы — пустое занятие. И в то же время она часто, словно издеваясь, показывалась на глаза, когда человек был без оружия.

Больше всего волчица разбойничала в обходе Данилыча. Он знал это и ничего не мог поделать. Старик стыдился, хмурился, когда вспоминали о Матерой, а говорили о ней часто, даже на общих собраниях. Тогда егери прятали глаза и украдкой посматривали на Данилыча — выручай... Легко сказать — выручай!

В последние годы развелось много косуль, и волки стали появляться целыми стаями. Борьба с ними велась жестокая. Редкому хищнику удавалось продержаться больше двух месяцев. Матерая же была неуловима. И Данилыч побаивался волчицы. В его отношении к Матерой появилось что-то такое, чуть ли ни суеверное...

Мне тоже пришлось встретиться с Матерой. Я шел по краю леса, как раз там, где начинается степь, и вдруг увидел вдалеке темное подвижное пятно. Трудно было различить — собака это или дикий зверь? Присел за куст и стал наблюдать... Животное подбегало все ближе и, наконец, я узнал Матерую. В зубах она несла волчонка. Подбежав к балке, волчица огляделась и скрылась в ней. Через несколько минут она снова побежала обратно. Было ясно, что волчица переселяется со своим потомством в другую нору.

На следующий день я рассказал о том, что видел, Данилычу. Нельзя сказать, чтобы он очень обрадовался. Долго ходил по двору взад-вперед, курил, думал и молчал. Все же мы договорились — ехать в балку, разыскать и забрать волчат, раз уж представился такой случай.

Утром, еще до восхода, прихватив с собой ружья и лопаты, мы отправились на мотоцикле туда, где я встретил волчицу. Сухая балка начинается у леса и идет в степь. Со дна ее выбивают небольшие ключи, образуя ручей. Ручей то разливается широко, превращаясь в омуты, в которых плавают красноперые окуни, то вообще исчезает. Потом, ниже, новые ключи рождают новый ручей и так далее.

Логово мы нашли быстро, даже удивились, что Матерая на этот раз так оплошала. Но лопата вошла в землю сантиметров на пять и уперлась в камень! Стало ясно, что достать волчат будет нелегко — ход в нору шел между огромных валунов.

Время уже близилось к полудню, а мы выкопали всего один камень. Большой длинный камень. С трудом подняли его за один край и спустили по склону балки. Работу нужно было закончить сегодня. Поэтому, несмотря на усталость, мы продолжали копать. Иногда мне казалось, что сзади кто-то пристально смотрит в спину. Оглянулся — волчица! Черная, как уголь, голова высунулась из кустов, глаза большие, желтые, как яичные желтки. Я за ружье, но куда там — волчицы уже не было. Данилыч все видел, но продолжал молча ковырять землю, как будто ничего не произошло...

Наконец нам стало понятно, что как ни торопись, а работу придется отложить до завтра. Матерая, конечно, попытается спасти волчат, унести их на новое место. Что делать? Ночевать у логова не хотелось — заснешь с усталости, а кто знает, что на уме у волчицы?

Мы принесли большой камень и плотно забили вход в нору, здесь же побросали свои потные майки, чтобы запах отпугивал зверя. По совету Данилыча я принес банку бензина и всплеснул около норы... Усталые, измученные мы отправились домой.

На следующее утро я едва поднялся. Все тело ныло, спина не гнулась. Но медлить нельзя. Завел мотоцикл и поехал к Данилычу. Он, покуривая, сидел на крыльце — ждал меня. Скоро мы были в Сухой балке. Там нас ждало разочарование... Оказалось, что, несмотря на наши уловки, Матерая прокопала под камнями ход и унесла всех волчат. Я удивлялся безрассудной храбрости волчицы, а Данилыч спокойно сказал:

— Мать она, потому и не побоялась...

Долго после этого я не встречался с Данилычем. Но однажды в конторе лесхоза мне сказали, что приходил егерь, искал меня, хотел о чем-то поговорить.

Вечером я был у него. Данилыч, усмехаясь, провел меня в сарай и осторожно приподнял крышку деревянного ящика. Я посветил фонариком и увидел двух волчат. Один, поменьше, спал, свернувшись клубком, второй, покрупнее, вскочил и оскалил белые зубы. Глазки его поблескивали довольно злобно.

— Потомство Матерой,— сказал Данилыч.— Двух удалось добыть.— Я тебя позвал вот зачем,— продолжал он.— Мотоцикл на ходу? Сможешь приехать завтра? Попробуем взять волчицу...

— А где нора?

— Увидишь после... Задумал я одно дело. Может, и не совсем это честно — играть на материнских чувствах... Да и неизвестно еще, получится ли?

В условленное время я подъехал к дому Данилыча. Он вышел с ружьем, засунул в карман ватника горсть патронов. Потом вынес из сарая мешок, в котором сидели волчата...

И вот на маленьком «Ковровце» мы с треском несемся в сторону леса. Здесь уже совсем темно. Около большого скрипучего дерева оставляем мотоцикл, дальше идем пешком. Легкий ветерок чуть слышно бормочет в листьях, да где-то далеко монотонно трещит козодой. Данилыч шагает быстро и бесшумно. Часа через полтора спустились в широкую балку. Под ногами какие-то мягкие кочки и провалы, ноги утопают по колено в сухом мху.

— Вот здесь и будем ждать...— прошептал Данилыч.

Мы устраиваемся в яме возле вывернутого из земли корня. Время тянется томительно медленно...

Взошла луна и осветила ровную площадку, окруженную черными стволами деревьев.

...Из глубины леса потянулся длинной тоскливый вой... В мешке шевельнулись волчата. Потом донесся другой голос, грубее и ниже.

— Теперь замри,— Данилыч приложил палец к губам, хоть и сидел я, не двигаясь. Он подвинул к себе мешок и вытащил волчонка, того, что побольше. Взял одной рукой за шею, второй стал дергать за ухо...

Теперь я понял замысел егеря. Но волчонок не хотел визжать. Ему было больно, но он только сопел и кряхтел. Это был отчаянно упрямый и терпеливый волчонок.

Опять раздалась невеселая песня, сначала волчицы, потом волка. Я представил себе — где-то там, за деревьями, на холме, они выли, подняв головы к усыпанному звездами небу — два загадочных неясных силуэта...

Данилыч снова полез в мешок. Теперь он вытащил маленького волчонка, дернул его за ухо... пронзительный визг распорол тишину. Вой волков оборвался. Данилыч застыл с волчонком в руках. Сделалось тихо... Только сердце зашлось гулкой болью.

Волки шли к нам. Матерая услышала вопль своего щенка, которого мучили, причиняли ему боль. Забыв осторожность, страх перед людьми, не выбирая дороги, черная, страшная, с горящими лютой ненавистью глазами, она неслась сквозь заросли и валежник. Выскочив на поляну, она поняла — здесь! На мгновение замерла, осматриваясь, готовясь к прыжку...

Блеснуло пламя, раскатисто прогремел выстрел, волчица прыгнула и судорожно покатилась по траве.

Мы подошли к убитому зверю. Данилыч был очень взволнован, в лунном свете лицо его выглядело мертвенно-бледным.

— Я должен был...— бормотал он,— я был обязан...

Я удивленно смотрел на него. Что с Данилычем? Разве ж это первая его добыча? Что он так переживает?

— Ты что, Данилыч? Жалеешь, что ли? Сколько она косуль порвала, сколько нам крови попортила...

— Ладно, ладно,— проговорил он, не слушая меня.— Ты уж сам займись ей...

Он повернулся и пошел туда, где мы оставили свой мотоцикл...

ОШЕЙНИК

1

По узкой тропе шли двое. С ружьями... Один пожилой, лет пятидесяти, седобородый. Второй вдвое моложе. Шли спокойно, не торопясь, негромко переговариваясь.

Высокие и густые деревья росли в этом лесу. Такие густые, что редкий солнечный луч проникал сквозь кроны, а если и падал где-нибудь на землю, то там будто огонек загорался или редкостный цветок расцветал. Одна из собак, бежавших впереди людей, приблизилась к солнечному зайчику, понюхала его и долго разглядывала.

— Смотри, Максимыч!— улыбнулся молодой охотник.— Найда как будто удивляется...

— Божья тварь...— пошутил Максимыч.

— Божья не божья, а ведь что-то она подумала, а? Может: «вот какое красивое пятнышко...»

— А как же? Подумала... Только не скажет...

Был конец лета. В воздухе стоял чуть сыроватый и терпкий запах хвои и щипало в носу от табачного духа преющей листвы.

Впереди в два голоса залаяли собаки!

— Опять белку нашли,— проговорил Максимыч.— Хорошо работает твоя Найда! Кучум слишком горяч...

— Тоже хорош!— возразил хозяин Найды.— А голос какой... Колокол...

Охотники не стреляли белок. Они вышли в лес, чтобы попробовать молодых лаек, охотиться еще не наступил

сезон. Собаки то убегали в лес, то неожиданно возвращались, как будто для того, чтобы убедиться — здесь ли хозяева?

Максимыч вдруг остановился, стал прислушиваться, и лицо, его, до этого момента веселое и добродушное, нахмурилось...

— Худо, Алешка! Худо, брат!— побледнел он.

— Что? Что такое?

— След медведя взяли... Теперь не отстанут...

— Бежим?

И оба охотника, где бегом, а где шагом, отдуваясь и едва переводя дыхание, поспешили в ту сторону, откуда доносился этот визгливый и как-будто истеричный лай...

В тот же день медведица вывела свое потомство, состоящее из двух медвежат, на тихую лесную поляну. Здесь росли грибы и ягоды, попадались муравейники. Медведица внимательно поглядывала по сторонам, прислушивалась к звукам леса. Все вокруг было спокойно. Где-то далеко барабанил по сухому стволу дятел, да перед самым ее носом сердито цокала белка, уронившая в траву гриб..

Часть лесной поляны занимал водоем — небольшое озерко, окруженное зарослями тростника и толстыми корявыми ивами. Среди кочек, обросших мхом, бродил, шлепая по воде, один из медвежат. Мамаша бросала на него недовольные взгляды, словно раздумывала —пойти прогнать от воды, чтобы не шумел, или не трогать — уж очень ему там нравилось... Да и справлялся он со своим делом неплохо. Вон вытащил огромную кучу водной растительности и выбирает из нее черных жуков... Сообразительный малыш! И медведица принялась за свои ягоды. А медвежонок сопел, совал в воду лапу, что-то выискивая под берегом.

Вдруг хрипловатый визг оглушил медведицу, подбросив ее кверху. Медвежонок прыгал по мокрой траве и вопил изо всех сил! К лапе его прицепился черный клешнястый рак! Медведица прыжками понеслась к своему орущему испуганному чаду, коротко взмахнула лапой, и незадачливый детеныш кубарем покатился по земле от крепкой затрещины. Мамаша смотрела сердито: ловить лови, но не ори на весь лес...

И снова стало тихо на поляне. Обиженный звереныш как ни в чем не бывало принялся расправляться с муравьями, а мать пошла на свое место, сердито ворча и покачивая головой.

Вдруг она села, уши ее приподнялись, а шерсть на загривке встала дыбом. Метнула злой и растерянный взгляд в сторону медвежат, а выражение ее глаз говорило: ай-яй, плохо дело, ай как плохо... Она отчаянно рявкнула и в несколько прыжков скрылась за кустами. Медвежата, словно их подбросило пружиной, покатились за ней.

Прошло немного времени — на поляну выскочили две большие пегие собаки, обнюхивая землю, покрутили хвостами и с визгом, и рёвом понеслись дальше — взяли след...

... Не успели охотники! Мощный, широкогрудный Кучум уже остывал, на темном сухом носу свернулась алая полоска крови. А Найда, злобная до любого зверя и верная человеку, лежала, царапая землю, вырывая когтями хвою и траву.

Ахнул Алексей, бросив взгляд на эту печальную картину, но тут же со страхом попятился, срывая с плеча ружье,— большой зверь на толстых приземистых лапах наступал на него!

— Максимыч!— крикнул он в лес и послал в наседающего зверя заряды из двух стволов. Медведица споткнулась и рухнула, подминая под себя кустарник. Лапы ее разъехались в стороны, голова приподнималась и падала,

в глазах стекленело выражение муки, злобы и обиды на несправедливость жизни...

Охотник, еще бледный от пережитого волнения, перевел взгляд на собак.

— Найда! — проговорил он дрогнувшим голосом.— Ай-яй-яй-яй...

Подошел Максимыч и тоже застонал:

— Ай-яй-яй-яй...

Погоревали охотники, покурили — очень жалко терять молодых способных собак в начале сезона, да ничего не поделаешь...

Принялись разделывать медведя.

— Медведица! — сказал Максимыч.— Должны быть где-то медвежата. То-то она лютовала!

Он прошелся краем поляны, оглядывая кроны деревьев.

— Вот они!

Медвежата сидели высоко на дереве, обхватив лапами тонкую верхушку ствола.

— Сейчас мы их снимем...— Максимыч ударил обухом топора по дереву. Дрожь ствола дошла до медвежат, и они, как по команде, немного спустились. Максимыч стучал и медвежата с каждым ударом съежались все ниже.

— Вот я тебя, звереныш! — Максимыч схватил за шиворот медвежонка и встряхнул его. Тот скалил зубы и норовил укусить.

— Держи его, Алексей!

Второй медвежонок, пока люди возились с первым, полез наверх и мигом оказался на вершине. Но Максимыч снова застучал по дереву, спустил его...

В деревне медвежата прожили до глубокой осени. Тот, что достался Алексею, оказался очень добродушным и покладистым. Он веселил всю деревню. Научился переворачиваться через голову и протягивать лапу за кусочком сахара или хлеба, выходил бороться с желающи-

ми. Второй медвежонок не был таким общительным. А однажды он куда-то запропастился и одновременно исчезли из сарая Максимыча все тринадцать уток.

Стали искать... Заглянул Максимыч в кладовку, где хранил плотницкий инструмент, а там в углу здоровенная куча соломы, а на ней что-то темное. Медвежонок! Ближе подошел Максимыч — рычит звереныш, а с места не сходит! Недолго думал охотник, дал ему пинка, порылся в соломе, а там все утки... с перекушенными шеями. Нашлась пропажа! Принес Максимыч тонкий прочный ремень из сыромятной кожи, капроновый шнур от рыболовной сети и стал мишка жить на привязи. Тише стал, спокойней и угрюмей. А второй медвежонок все развлекал деревенский люд.

Осенью приехал представитель из зооцентра и купил обоих. И они уехали в клетках, где сидели и другие, скупленные по лесным деревенькам, медвежата. Все они просовывали лапы между прутьями решеток и глядели па поседевшую от первых заморозков землю, мокрую стынущую дорогу и темный лес, начинающийся сразу за сельскими огородами. Было сумрачно, пасмурно, в сером небе, покачиваясь, повисли редкие тонкие снежинки...

2

Пассажиры, едущие поездом через станцию Курортное, всегда удивляются... Только что были степи, степи и вдруг — леса, озера, горы! Но быстро промелькнет все это, как видение, и снова бесконечные степи.

В старинной легенде говорится так: бог создавал землю и уже заканчивал свой труд, в мешке его остались только степи, и вот неожиданно на самом дне, в уголке, обнаружил он горсточку озер, лесов и гор. Бросил бог эту горсть и образовался среди бескрайнего однообразия живописный уголок...

В окрестностях Курортного водилось много всяких

зверей и птиц: косули, белки, тетерева. Местные охотоведы завезли из других лесов оленей. Говорили, что в прежние времена водились здесь и медведи. Да давно перевелись. Последний медведь, рассказывают, напал на быка и обезумевший от страха бугай влетел в поселек с косматым зверем на спине. Выскочили из домов люди, дивясь и ужасаясь невиданному зрелищу. Ну и, конечно, прикончили медведя...

Старожилы хорошо помнили все это, а любители природы и охотоведы с ведома и разрешения областного начальства решили завести в Курортное медведей — пусть фауна будет полной, как когда-то в добрые старые времена, а то, что это за лес — без медведей...

Привезли зверей, но на зиму в лес выпустить не решились — голодно, молодые еще, как бы не пропали. Решили подержать их в клетках. Медведей подкармливали егеря и, конечно, курортники. Времени у отдыхающих предостаточно, и они частенько толкались около клеток. Звери все больше привыкали к людям, выпрашивали подачки — и были они уже не совсем дикими. Только один не протягивал лапу, а иной раз даже бросался в ярости на решетку, если кто-нибудь подходил слишком близко. Был этот медвежонок темнее других цветом и лопатки его горбом.

— Поосторожнее с ним,— предупреждали какого-нибудь новичка.— Этот горбатый злой и может укусить!

— Мишка! А ну кувыркнись!— слышались голоса.— Покачай головой! Высунь лапу!

И бросали хлеб, печенье или конфету. И сердились, если случайно попадало Горбатому. Так и звали его — Горбатый! И никто не понимал, почему Горбатый так злобен и угрюм. В нем уж не узнать было того веселого медвежонка, который когда-то испугался рака и визжал на весь лес. И может, он тоже стал бы легкомысленным попрошайкой, как его брат, которого он и не различал среди других зверей, если бы не ошейник! Веревку тогда

отрезали, а про ошейник забыли. Тонкий и очень прочный, он утонул в густой шерсти и был незаметен. Но беспокоил все больше. Медвежонок не мог проглотить большой кусок пищи. Давил, душил его ошейник! Заснет Горбатый и вдруг вскочит, кажется ему — задыхается! Начнет рвать когтями шею, но прочная кожа ошейника не поддается. Все муки его были связаны с человеком, поэтому не любил он людей и не выпрашивал подачек, а те, что приходили к клеткам, платили ему той же монетой.

Наступила весна, мягче, теплее становились дни. Поплыл снег, вздулся и поломался лед на озере, и вот однажды утром запели, затрещали непривычно, по-чужеземному вернувшиеся из дальних стран скворцы.

И спохватился один из егерей Григорий:

— Что же мы делаем-то? Не надо бы приучать медведей к людям. Ни к чему это...

Пришла пора выпускать медведей на волю. Погрузили клетки на машину, повезли в лес. Среди лесных работников устроился фотокорреспондент, обвешанный аппаратами,— нельзя было упустить такой случай, пофотографировать медведей, к тому же без всякого риска.

В назначенном месте машина остановилась. Егеря стали опускать на землю тяжелые клетки, а фотокорреспондент торопливо устанавливал на штативе свой самый дорогой фотоаппарат.

Поочередно открывались двери клеток. Звери втягивали трепетными ноздрями вольные запахи талой земли. Смотрели недоуменно — что же будет? Одни неуверенно уходили в лес, другие топтались на месте. И было досадно, что же вы не идете? Ведь это свобода! И жалко — свобода может оказаться трудной, голодной...

Фотокорреспондент снимал азартно, и лицо его было счастливым! Открыли клетку Горбатого! Он вышел уверенно, без всякого замешательства, видно, его не мучили сомнения — уходить или оставаться? Но он не просто уходил на свободу, а, по-видимому, решил, что наступил

самый подходящий момент свести кое с кем счеты. Он рыкнул, блеснув снежно-белыми зубами, и направился к самой заметной фигуре — фотографу! И когда Горбатый подошел метров на шесть, фотограф заволновался. Он оторвался от окуляра и замахал руками:

— Кыш! Поди прочь, косолапый!

Но медведь шел прямо на него, не обращая внимания на угрозы. Тогда фотограф подхватил штатив и побежал. Горбатый за ним! Фотографу было нелегко, шею его оттягивали тяжелые камеры, мешала и тренога. Егеря смеялись... Фотограф бежал вокруг машины, а Горбатый, который теперь был ростом с крупную собаку, преследовал его по пятам. Вот он ухватил зубами за край плаща, и плащ затрещал, расползаясь. Половина его осталась в пасти зверя. Фотограф прибавил скорости, но и медведь не отставал. Он ухватился зубами за штанину и оторвал кусок до самого колена.

— Что же вы сидите?— закричал фотограф дурным голосом.— Помогите!

Егеря и сами поняли, что дело нешуточное. Двое спрыгнули с машины. Горбатый развернулся на них и люди с необыкновенной легкостью взлетели в кузов. Фотограф замешкался и не смог воспользоваться минутной передышкой. Горбатый снова погнался за ним.

— Палки берите!— слышались тревожные голоса. Вооружившись палками, люди сошлись с медведем. Горбатый был зол и смел! Он встречал и отбивал удары, ревел от боли, но лез вперед. Наконец до него дошло, что биться дальше бесполезно и глупо, и пора, пока не поздно, уносить ноги. Он круто развернулся и побежал в сторону леса. Егеря в азарте гнались за ним. Горбатый влетел на пологий бугор и с разгону прыгнул на одиноко стоящую сосну. Он подпрыгнул так высоко, что уцепился за ствол метрах в трех от земли. Дерево было высокое и толстое, нижние ветки начинались на высоте метров в шесть. Добравшись до них, медведь ухватился лапами за ветвь и

стал смотреть на людей, которые, потрясая палками, стояли под деревом. Так он провисел довольно долго, поглядывая вниз и скаля зубы. Но, по-видимому, устал. Тогда он перехватился за ветку зубами и опустил лапы. Взрывом хохота был встречен этот невиданный трюк!

— Вот этот настоящий зверь! — сказал Григорий в обходе которого и выпускали медведей.

Когда вернулись к машине, оказалось, что медведи мало-помалу разбрелись и только два медвежонка плелись за людьми, не желая оставаться наедине с лесом.

— Что-нибудь надо сделать, Григорий! — сказал старший охотовед.— Так их нельзя оставить, еще в поселок притащатся...

Машину загрузили клетками, и она ушла. На поляне остались Григорий и два медвежонка, с которыми надо было «что-то сделать», а попросту — как-то отделаться от них...

Григорий шел по тропе, а следом, поскуливая, бежали медведи. Прошли уже километра два, а они не отставали.

— Ну хватит! — остановился Григорий.— Разбегайтесь, косолапые!

Не тут-то было! Они и не думали разбегаться. Их нисколько не манил лес, они забыли, что такое свобода. Единственной их заботой было не отстать от человека, идти туда, куда идет он. Человек стал для них всем, ничего другого они не знали и не хотели знать...

Григорий направился вверх по ручью, берущему начало из Светлого ключа. Ручей местами был широк и топок, выше по течению начинались обрывистые берега, не очень высокие, но довольно крутые. Здесь Григорий по бревну, перекинутому с берега на берег, перешел на противоположную сторону. Медвежата, потоптавшись у начала мостка, тоже перебежали по бревну и быстро догнали егеря. Тогда Григорий свернул с тропы и пошел по крутому склону, по самой осыпи, цепляясь за крепкие ветки кустарника,— только так и можно было здесь удер-

жаться. С трудом забравшись на верхушку сопки, он смотрел, как отчаянно карабкаются по его следам медвежата. Вот один оступился и поехал вниз. Второй покатился следом. Оба медвежонка исчезли в облаке пыли...

Григорий спустился по противоположному склону сопки. Он шел к своему кордону, жалел глупых медвежат и чувствовал себя в чем-то виноватым...

Горбатый забрался в развилку ветвей, и отдыхал, испуганно оглядываясь. Он видел, как люди полезли в кузов, груженный клетками. Потом машина заурчала, тронулась и скрылась за деревьями. Горбатый видел, как ушел егерь в сопровождении двух толстеньких медвежат. Когда все стихло, успокоилось, Горбатый разволновался. На него надвигались тревожные запахи темнеющего леса, из-за холмов, поросших курчавыми соснами, тянуло пронизывающим холодом. Уже смеркалось, где-то поблизости слышалось старческое поскрипывание дерева, длинными переливами звучала песня дрозда. Вдруг Горбатый вздрогнул — позади негромко стукнуло, прошелестели сухие листья. Он повернул голову, стреляя глазами по сторонам.

Медленно шла косуля. Приближалась... Она только что запнулась о ветку и слегка прихрамывала. Голова ее была высоко поднята, влажный нос шевелился. Горбатый замер и облизнул губы. Ему захотелось зареветь от страха. Он втиснулся как можно глубже в развилку, блестящие глаза неотрывно следили за влажными ноздрями косули, которые беспрерывно двигались, настороженно втягивая сырой воздух леса. Но вдруг какой-то иной инстинкт пробудился в медведе. Не сознавая, что делает, Горбатый вытянулся вдоль ветки и прыгнул на остановившуюся под деревом косулю. Как тяжелый мешок шлепнулся он на землю, но передняя лапа, описав дугу, угодила в шею животному, и острые когти порвали сонную артерию. Косуля бросилась зигзагом: вправо, влево, но далеко не ушла...

Медведь пошел по следу, пахнущему кровью, и скоро обнаружил мертвую косулю. Он хотел взреветь, напряг горло и... волна ярости ударила в голову! Ошейник! Он не давал ему реветь, не позволял дышать полной грудью, впиваясь в горло все глубже и глубже... Горбатый рванул по шее когтистой лапой, замычал, упал на землю, катался по траве, выдирая с груди, головы и горла клочья шерсти... И вдуг ему сделалось легко. Он поднялся, набрал полную грудь воздуха и огляделся кругом. Наконец он освободился и от ошейника, и от людей. Переваливаясь на лапах и низко к земле опустив голову, Горбатый пошел к убитой им косуле...

3

Лес после половодья стоял еще совсем голый, продутый весенними ветрами. Эхо весело отзывалось на барабанные трели дятлов. Обнажилась на земле прошлогодняя листва и хвоя, прела, источая крепкие запахи. Сквозь прель просовывались острые, как шпаги, зеленые ростки. Некоторые из них разворачивались в затейливые фигуры: звезды, прямоугольники, овалы. У других ростков уже можно было различить наметившуюся форму листа: гладкого, зубчатого, округлого или продолговатого...

Лес был красив, звонок и пуст.

Дикие обитатели этих мест знали, что ранняя весна самое трудное для жизни время, но по-своему приспособились к ней: нелегкой ценой добывали скудную пищу и, худея с каждым днем, с нетерпением ожидали великих перемен.

Над верхушками деревьев плыл ястреб, высматривая добычу. Вот он, покрутив головой, стал быстро снижаться, ловко лавируя между стволами. Раздался мягкий шлепок! Острые когти глубоко вонзились в пушистую спину белки, широкие крылья накрыли зверька. Сосновая

шишка, помеченная беличьими зубами, с шелестом покатилась по сухой листве в балку...

Один из двух медвежат, бредущих не спеша по склону балки, подпрыгнул и ударил шишку лапой, припял за мышь... Нонюхал — нет, не то, и побрел дальше. Мыши шуршали в прошлогодних подсохших листьях, но сколько медвежата ни гонялись за ними, не могли поймать ни одной. От голода они принимались жевать сухую траву, но с отвращением выплевывали — она была жесткая и горькая. В одном месте они набрели на кучку ячменя — это люди позаботились о них. Медвежата с жадностью набросились на еду, отталкивая друг друга. Подрались! Ели, торопясь и давясь, пока на земле не осталось ни единого зернышка. Тогда, сразу помирившись, припялись бегать, играть, кувыркаться...

4

Пришло лето. В поселке Курортное и его окрестностях стали замечать не то чтобы невероятные, но довольно странные вещи. Например, кто-то из отдыхающих видел, как на скамье около санатория сидел, развалясь, медведь, а еще видели человека в шляпе, прогуливающегося с медведем, как с комнатной собачонкой... Когда Григорий слышал такое, лицо его морщилось, принимало недовольное выражение, острая иголочка неприятно и больно укалывала в грудь.

Григорий в этот сезоп был освобожден от лесопосадок, и от сенокоса, и от всех других работ.

— Твое дело — медведи! — сказал ему лично директор лесхоза Иван Дмитриевич.— Следи, собирай сведения, записывай... А то... черт те что говорят!

Как заправский детектив ходил Григорий по домам отдыха и санаториям, расспрашивал о медведях, прислушивался к разговорам, подолгу разбирался в следах. Не все он мог объяснить из того, что видел и слышал. Мед-

ведь всегда казался ему зверем серьезным, осторожным и опасным. Увидеть медведя непросто, а увидеть — значит коснуться большой лесной тайны. А тут... Цельный медвежий образ распался в его представлении. Медведь вел себя до безобразия неприлично: кувыркался, копался на свалке как бездомный пес, ходил с протянутой лапой — клянчил конфеты. До чего дошел — тьфу! Григорий растерялся...

Однажды за домом отдыха выстрелил он по медведю холостым патроном, чтобы прогнать. Медведь убежал, а Григорий услышал за спиной такие слова:

— Что делают работники леса? Безобразничают! Уж кому, как не им следует беречь природу, охранять...

— Да он просто пуганул медведя.

— А зачем его пугать? Это природа идет к нам, людям... А мы ружьем да дубиной! Эх, люди, люди...

Ушел Григорий, не сказал ни слова. Устал он от этих медведей, в голове туман. Присел на поваленное дерево, раскрыл свой дневник — много написано. Стал читать записи: «... По следу вышел на трассу Лещевск — Курортное. На обочине стоял медведь и вид у него был такой, точно он хотел, да и не мог насмелиться перейти через асфальт на другую сторону. Показалась машина! Медведь отошел с дороги и затаился в кустах. Как только машина прошла, он снова выбрался на асфальт. Так и забавлялся — то прятался, то выходил на дорогу. Я крикнул! Медведь испугался и побежал прыжками...

... Медведь ходит на трассу — это ему нравится. Находит на обочине то конфетку, то печенье, что бросают пассажиры автобусов.

... Он привыкает к машинам. Сегодня шел автобус, а он не спрятался. Люди выглядывали из окошек, пока автобус не скрылся за поворотом. Кто-то успел бросить полбулки и медведь подобрал. Один из шоферов остановил машину и стал подзывать медведя, дразня его колбасой. Медведь посмотрел, посмотрел, повернулся и спо-

койно пошел в лес... Этого, можно сказать, совсем приручили...»

Григорий подошел тогда к шоферу.

— Зачем зовешь медведя?

Водитель, молодой парень, засмеялся:

— Скажешь, тоже, батя,— зову! Как будто медведь мне приятель, ха-ха! Да как не позвать? Я ведь каждый день медведей на дороге не вижу? Может, думаешь, стрельнуть хочу? Нет. Я просто так. Интересно! Есть, конечно, такие, им хоть слон на дорогу выйди — не остановятся... А мне интересно... Он не из цирка убежал, а, батя?

Ну что он ему мог сказать?

Шли дни, исписанных страничек в дневнике становилось все больше: медведей видели то на дороге, то где-нибудь у кочегарки, то в рыбацкой лодке. Интересно — где Горбатый? О нем Григорий ничего не знал.

Каждый понедельник егерь заходил в контору лесхоза.

— Ну как медведи?— спрашивал директор, копаясь в своих бумагах.

Григорий рассказывал, показывал дневники.

На этот раз Иван Дмитриевич отложил бумаги и посмотрел на Григория озабоченно.

— Отдыхающую на пляже медведь напугал, это правда?

— Было такое... Она лежала на спине, загорала и читала книгу. Рыжеватый один подошел и хватил лапой по книге! Ну, понятно, визг, шум, смех! Прогнали медведя палками...

— Я слышал, уже и в автобусы заходят. Было такое?

— Да,— кивнул Григорий.— Я за одним давно слежу. Сначала он появлялся на дороге изредка, с опаской. Услышит машину — и в лес... А теперь ничего не боится. Автобусы отличает от других машин. Как автобус — он на дорогу! Вчера увидел автобус, стал на обочине и пе-

реднюю лапу поднял. Может, случайно так получилось, но прямо как человек...

Директор смотрел внимательно, и Григорий продолжил рассказ.

— Автобус притормозил, водитель, наверное, уже знал этого медведя... Открыл дверцу. Медведь походил около автобуса и махнул прямо в салон. Подхожу... Там шум! Медведь ходит среди пассажиров, выхватывает сумки, трясет, печенье сыпется, конфеты, мелочь звенит. А он сгребает съедобное в кучу — и в рот.

— А люди как? .

— Что люди... Кто визжит, кто смеется. Я к водителю: «Что же ты делаешь? Ведь это зверь! Вдруг поранит кого? Отвечать будешь!» — «Я их предупредил,— говорит,— сами захотели. Этот мишка добрый, я его знаю...» А одна дамочка говорит: «Как интересно. Где вы его обучали? Настоящий артист».

Вытолкал я медведя из автобуса, двинул ему под зад как следует, он рявкнул на меня недовольно, подхватил свое печенье и убежал.

Директор помолчал, пахмурившись, потом взглянул на Григория.

— А люди — то, заметил, рады! И по-доброму к медведю...

— Эта доброта не приведет к добру,— мрачно скаламбурил Григорий.

— Почему?— насторожился директор.

— Тот, в шляпе, что гулял с медведем, вчера пришел в порванном костюме... и шляпу потерял! Теперь не будет кормить пряниками медведей. Это уж точно...

— Да-да-да,— забарабанил ногтями по столу Иван Дмитриевич.— Ну да, посмотрим еще, посмотрим...

Григорий вышел, завел свой мотоцикл. Нужно было съездить в санаторий «Волна», там, говорят, ошпарили медведя кипятком.

В санатории он присел на скамейку отдохнуть и пос-

лушать разговоры. Напротив сидели две пожилые женщины и беседовали.

— Вы думаете, я здесь отдыхаю?— говорила одна ворчливым голосом.— Ничего подобного! Нервы себе испортила вконец.

— Да что вы?— возразила собеседница.— Здесь природа, воздух...

— Воздух? Подите в лес — каких там знаков понавешали? «Осторожно — в лесу медведи!» Вот вам и природа!

— А вы, простите, не из лесной охраны?— обратилась она к Григорию, взглянув на его форменную фуражку.— Объясните, пожалуйста, что же это получается? Мы приезжаем отдыхать, лечиться, а вы нас медведями травить?

— Никто вас не травит,— отвечал с досадой Григорий.— Сами и приучили!— он поднялся и пошел на кухню, а вдогонку несся скрипучий голос:

— Скажите, какой грубиян! Сами! Кому они нужны, ваши медведи?

На кухне было жарко, со всех сторон шипело, урчало, откуда-то со свистом вырывались клубы пара. Среди кастрюль и бачков сновал низенький круглолицый человек в белом колпаке. Шеф-повар был местный и знал Григория. Он помахал ему зажатой в кулаке тряпицей, что означало — подожди немного...

Григорий вышел на крыльцо.

— Привет, Григорий!— появился через минуту шеф-повар и протянул егерю пухлую руку.— Слышал: медведями интересуешься... А я, между прочим, первым их здесь увидел, да... Так как рассказывать, коротко или длинно?

— С самого начала.

— Дверь кухни, вот она, сам видишь, отворяется в сторону леса. Как-то вышел я и вижу — два медвежонка! Да не то, чтобы маленькие, а уже порядочные... Один стоял на четырех лапах, а второй вроде бы сидел, передние лапы держал у груди... вот так! Я еще подумал — вот бы сфотографировать! Сам-то я какой фотограф, а сосед

Черняев большой мастер! Вынес я полбулки хлеба, мяса и несколько картофелин. Медведи стоят, смотрят и не убегают. Бросил я им, а сам задом к двери... Смотрю в окно — потихоньку подходят... Один ухватил кусок мяса, второй давай отнимать... Смех! Сказал Черняеву, он пришел на другой день, фотографировал. Хорошие снимки получились. Потом уж и отдыхающие наладились сниматься около медведей. Нам-то они не мешают, копаются на помойке в картофельной шелухе и консервных банках... Некоторые работницы, правда, боятся...

— А кто же их кипятком?

— Вот этого я не видел. Не знаю... Или нечаянно, или кто-то со страха... Ты, Григорий, побывай у Алешки, что рыбу принимает. У них там тоже что-то было с медведем.

Алешка рассказывал так:

— В лесу машина остановилась, тромблер отказал. Мы возились часа два, я торопил шофера — жарко, как бы рыба не испортилась. «Все,— сказал Генка,— поехали!» Я зачем-то заглянул в кузов и отскочил! Там сидел медведь и ел рыбу. С хрустом так... Как его прогнать мы не знали. Генка завел мотор, медведь спрыгнул и побежал в лес. Сначала он припустил по дороге. Генка хотел развернуться и погнаться за ним, но я отговорил — зачем такое баловство...

Алешка советовал съездить в кочегарку, там, вроде бы, медведь опрокинул емкость с соляркой... Но Григорий уже не слушал, у него разболелась голова. «Оставлю на завтра»,— решил он.

Он ехал на кордон по лесной тропе и мерещилось ему: то тут, то там из-за дерева выглядывает медведь, машет лапой и строит рожи.

Утром Григорий вышел на крыльцо, огляделся и остолбенел! Мотоцикл его стоял, прислоненный к сосновому стволу, розовому в свете утра, а в седле сидел... медведь! Сидел, опершись передними лапами па руль! Егерь попя-

тился и протер глаза. Медведь весело поглядывал черными глазенками и качал башкой.

— А ну, пошел! — закричал Григорий. Схватил черенок лопаты и бросился на медведя с такой яростью, какой в себе и не подозревал. Зверь с ревом побежал! Григорий швырнул вслед палку, посылая проклятия всем прирученным зверям и всем тем, кто их приучил...

Судьба медведей была решена очень скоро. Директор созвал небольшое совещание. В лесхоз пришло очередное письмо, подписанное группой отдыхающих, которые требовали предоставить им нормальный отдых и не травить медведями. Копия письма, как оговаривалось, была направлена в областной центр. И хоть это было всего лишь письмо, Григорий ясно услышал тот скрипучий голос, что несся ему вдогонку в санатории «Волна».

— Вот такие дела, — сказал Иван Дмитриевич, протирая платком стекла очков и в голосе его чувствовалась неуверенность и виноватость.

— Надо отловить! — внес предложение старший охотовед. — И передать зоопарку.

— Поддерживаю! — сказал директор. — Не вижу другого выхода. Что скажешь ты, Григорий?

— Отловить... А как ловить будем?

— Думайте! Завтра обсудим!

Но назавтра был совсем иной разговор.

— Звонил в зоопарк, — сказал Иван Дмитриевич, и все насторожились, почуяв неладное... — Зоопарку не нужно... У них есть медведи...

Директор потупился.

— Пришло распоряжение... Думаю, что придется отстрелять...

5

Прошло несколько лет и про медведей стали забывать. Но рассказы о них сохранились, обрастали вымышленными эпизодами. Кто верил этим рассказам, кто нет. Отдыхаю-

щие жалели медведей и нередко можно было слышать разговоры о том, что вот были времена — дикие звери подходили прямо к человеку, а теперь все кругом пораз-гоняли, поуничтожили...

Один Григорий знал, что в его обходе живет медведь. В лесу иногда попадались разрушенные муравейники и вывернутые из земли валуны, да такие, что под силу только медведю. Самого же медведя увидеть не удавалось.

Но однажды случилось... Григорий шел на дальний участок обхода к озеру Лебяжьему, чтобы проверить го-голятники, почистить и подремонтировать, если нужно. Было раннее утро, птицы только начинали пробовать голоса, над низким кустарником повисла туманная дымка. В том месте, где тропа круто поворачивала, огибая болото, навстречу Григорию вышел огромный медведь. Медведь, как и егерь, не ожидал встречи, остановился в трех шагах и замер в растерянности. По-видимому, поняв, что таиться и бежать поздно, медведь угрожающе рявкнул.

Григорий оцепенел, не в силах отвести взгляда от маленьких блестящих глаз зверя... Это был Горбатый! Те же высокие лопатки, темная масть и низко опущенная голова. Но какой он стал большой! Лапа медведя, упершаяся в комель осины, не уступала по толщине стволу.

— Иди, иди, Горбатый,— невнятно и хрипло произнес Григорий. Язык его сделался неповоротливым.

Медведь медленно повернулся и пошел, мотая из стороны в сторону лобастой головой. По пути он наподдал лапой трухлявый пень, и тот разлетелся грязно-желтыми брызгами.

Григорий почувствовал слабость в ногах и опустился на влажную от росы траву.

«Вот это медведь! — стучало в мозгу,— это медведь!»

Прошла опасность, и страх прошел. Но осталась

горечь... Глядя на заросли кустарников, бесшумно поглотившие зверя, Григорий думал о том, что Горбатый остался один на весь лес, а это означало, что ему никогда не встретить медведицу и потомства у него никогда не будет.

Егерь не знал, как помочь медведю...

Взошло солнце. Светлые волны света побежали по листьям. Так хорошо было вокруг. Но лицо Григория оставалось насупленным и озабоченным.

КЫЗЫЛ-ЖАР

1

Машина пришла в двенадцать. Из низкого домика высыпала группа студентов с рюкзаками и «спальниками». Все побежали к грузовику. Чеков, не спеша, застегнул лямки рюкзака, вскинул его на плечо и так же неторопливо пошел через узкий двор, в котором едва размещались колодец и круглая глиняная печка-тандыр, к машине. Выглядел он в своем импортном джинсовом костюме совсем неплохо. Чеков ухватился за борт и легко вспрыгнул в кузов.

Приехал он в заповедник два дня назад в научную командировку — нужно было собрать насекомых. Он еще никого не знал здесь: ни студентов, ни сотрудников из других институтов и городов, да и не было настроения ни с кем знакомиться. Ехал он в эту командировку — в пустыню, в пекло — с неохотой. Радовало, что она недолгая, вот соберет материал — и домой! Несколько дней предстояло провести на егерском кордоне. «Что там за егерь?» — думал он, отмахиваясь рукой от едкой пыли.

— Вы бывали на кордоне? — спросил он у бледного, с жидкой бороденкой попутчика, сидящего напротив.

— Да, приходилось, — ответил тот.

— Он водку пьет?

— Кто?

— Егерь!

— А вы что, его поить едете? — не без иронии полюбопытствовал попутчик.

— Почему бы не выпить? — сказал Чеков. — Чтобы подружиться и наладить отношения...

— Не знаю, не знаю... — ответил собеседник с едкой усмешкой. — А вот продуктами запастись надо. Машины там бывают редко. Иногда по целым неделям не видишь транспорта. Имейте это в виду.

— Еды хватит, — ответил Чеков. В рюкзаке у него лежали две буханки хлеба, две банки тушенки и три — консервированной фасоли. Эта фасоль в городе считается дефицитом, а здесь, в поселке, продавалась свободно. «У егеря, наверняка, всякой там козлятины завались, — подумал он, — в лесу без дров не живут. Главное — наладить отношения. А к науке все они относятся с уважением...»

Машина бежала по пустынной дороге, расстилая позади море белесой пыли. К обочине из глубины подбегали заросли трав: пышно цвели кроваво-красные ремерии, дикий лук покачивал большими фиолетовыми головами. Студенты в машине то дурачились, подшучивая друг над другом, то принимались разглядывать и определять на ходу растения.

— Вот, смотрите, ферула! Вон та желтая! Самая высокая! У ней листья, как чаши! В них после дождя остается вода, приходят джейраны и пьют... — говорила маленькая носатенькая студентка, показывая рукой в степь.

Чеков поморщился. Ему не нравились некрасивые девушки, не нравилась и эта студентка, хоть была она очень живая, веселая и, когда он спросил, выпивает ли егерь, посмотрела на него с любопытством и улыбнулась.

— Смотрите! Смотрите! — щебетала она. — Это же

впадина Ер-Ойлан-Дуз! Совершенно неземной вид! Лунный пейзаж!

Чеков посмотрел в ту сторону, где неясно, будто в тумане, вздымались крутые скалы, далекие, со стертыми контурами, а внизу под ними поблескивала как бы присыпанная снегом равнина. На какое-то время у него перехватило дыхание — так это было здорово!

Чеков повернулся и стал смотреть вперед. Ветер бил в лицо, в глаза, степь впереди расплывалась, рябила, как диковинный ковер. Чеков опять подумал о егере, до кордона оставалось не так уж далеко...

Существует такой стереотипный образ егеря: человек пожилой или старик, неразговорчивый, бородатый или давно небритый. Взгляд у него внимательный, и проницательно-добродушный,— природа облагораживает!— брови выгоревшие, кустистые. Курит трубку или козью ножку. Ко всему модному относится пренебрежительно. Вот что-то в этом роде и представлял себе Чеков.

Егеря на кордоне не оказалось...

— Подождите... К вечеру он будет, а, может, и раньше,— сказал тот, худощавый, с бородкой.

Машина ушла, оставив Чекова одного. Дверь домика была заперта. Чеков прошелся немного. Ничего примечательного вокруг не оказалось: ровная желтоватая земля, куда ни глянь; только в стороне, метрах в пятидесяти от домика, возвышался бетонный колодец. Чеков подошел, зачерпнул и поднял воротом с полведра воды. Это был собственно не колодец, а резервуар, до половины наполненный привозной водой. Вода оказалась холодной и вкусной. В трещине стены Чеков заметил толстую ящерицу-агаму, какую-то необычную, с острыми, как колючки, щетинками на туловище и хвосте. Полез в рюкзак за фотоаппаратом — надо было сфотографировать этого маленького дракона с жабьей головой и флегматичным взглядом.

— Хороссанская агама!— услышал он голос и круто

повернулся. С минуту он изумленно и растерянно хлопал веками. Кого угодно он ожидал увидеть здесь, только не Герку, своего сокурсника по университету.

— Герка!— воскликнул он.— Ты ли это?

Да, перед ним стоял Герка Родионов... Он был почти черен от загара, в брезентовой, побелевшей от солнца куртке, в зеленых, с латками на коленках штанах. Те же, знакомые еще по университету, очки сидели на его облупленном носу, и глаза под очками улыбались, как всегда, приветливо и немножко растерянно. Чекову стало необыкновенно хорошо, все его сомнения по поводу егеря улетучились.

— Все-таки мир тесен!— сказал он весело.— Герка, ты, что ли, егерь здесь?

— Да, егерь,— ответил Герка.— Здравствуй, Чеков.

Они обнялись.

— Ну, дай я на тебя посмотрю!— говорил Чеков, отстраняясь и разглядывая Герку. Герка как бы подсох в жарком климате пустыни, морщинки на лице, особенно у глаз и губ, стали глубже и заметней.

— Возмужал,— улыбнулся Чеков.

В университете Герка был способным студентом, даже очень способным, но учился урывками, не обладая ни твердом характером, ни особым стремлением к хорошим оценкам, нередко оставался без стипендии. И все казалось, что он смотрел куда-то мимо текущих событий. Когда ему становилось туго материально, он неожиданно исчезал, не сказав никому ни слова. Возвращался посвежевший, обветренный и хорошо одетый. Ездил на заработки! Перед защитой диплома также исчез, вернулся с опозданием, за что и поплатился жестоко — пришлось сдавать госэкзамены на следующий год. Несмотря на свои способности, был он как-то очень уязвим, слишком простодушен и непрактичен. Чеков и, как ему казалось, многие другие относились к Родионову как к прогрессирующему неудачнику.

— Герка! — сказал Чеков, и Герка заметил промелькнувшее в его глазах знакомое, чуть презрительное и фальшивое выражение.— Герка! Я так рад! Но как ты сюда попал?

— Долго рассказывать,— ответил Герка беззаботно.— А ты откуда?

— Из Алма-Аты, старина. Переквалифицировался немного. Занимаюсь экспериментами...

Чеков рассказал о тех сокурсниках, с кем довелось свидеться: кто защитился и процветает, кому не повезло, а кто и вовсе забросил науку, но, в общем, все неплохо устроились.

— А сам-то защитился?

— Уже два года... Да ты о себе расскажи.

— Ты знаешь... Из лаборатории ушел. Во многих местах побывал: и трудно было, и интересно, и глупо — всяко! Сейчас вот здесь...

— Да-да-да...— кивал головой Чеков.

— Я не жалуюсь, ты не подумай. Мне здесь хорошо... Впрочем — ужинать пора. Ты ведь проголодался?

— Проголодался,— подтвердил Чеков.— А я подумал, здесь дед какой-нибудь, нудный, неторопливый... Тот, что смотрит из-под ладони на облака, крутит носом и говорит: «Однако, паря, гроза будет...»

Герка рассмеялся.

— Идеализируешь ты старичков. Тут и правда дед был — старый, да себе на уме. Вырубил саксаульник по склонам Кызыл-жара. Весь начисто свел. Верблюдов развел — целое стадо! В общем, жил, как маленький князек, выращивал и продавал на базаре скот, а заповедное дело — постольку-поскольку...

— Теперь на месте того деда квалифицированный специалист с высшим образованием! Это что, прогресс? Или как понимать?

— Это не так плохо, как тебе кажется.

Чеков промолчал, видимо, не мог сказать ничего тако-

го, что бы не обидело Герку, которому все не везет в жизни. Но лицо его непроизвольно приняло такое выражение, будто он разглядывал что-то не совсем понятное, но бесспорно мелкое и пустяковое.

— Поужинаем у костра?— сказал Герка весело.— Ты не против?

— Конечно, нет! Как когда-то на практике, в золотые времена... Помнишь?..

— Еще бы!

Герка ушел в домик и вернулся с закопченным чайником и кастрюлей, потом принес картошку и банку тушенки.

— Живешь среди природы и ешь тушенку?— удивился Чеков.

— А что же есть, Чеков? Животные здесь все редкие: архары, джейраны... Это тебе не практика, там шалили иногда...

Чеков сходил к колодцу, набрал холодный воды и развел спирт прямо в кружках.

— Умеешь разводить,— сказал Герка, трогая кружку пальцем.— Не нагрелся.

Пока возились у костра, солнце опустилось к горизонту, и наступило то короткое время в пустыне, когда спадет жара и становится так уютно, приятно и хорошо, как бывает только в Средней Азии. А из-за того, что здесь оказался Герка. Чеков чувствовал себя как дома, не надо было приспосабливаться к характеру хозяина, можно было говорить о чем хочешь и молчать сколько угодно...

— Тебе не скучно здесь?

— Не думал об этом...

— Еще не женился?— спросил Чеков просто так, наперед зная ответ.

— Нет... Может, потому я и здесь. А то бы — семья, дети, уж и не знаю, как бы все повернулось... Да еще потому здесь, что трудно схожусь с людьми... Но, впрочем, это не важно.

— Из гордости, что ли?— Чеков еще подлил в кружки.
— Что?— не понял Герка.
— Да с людьми не сходишься.
— Как сказать... Только не из высокомерия — этого во мне нет.
— Надо уметь жить с людьми,— назидательно сказал Чеков, и на его раскрасневшемся лице появилась важность. Лицо у него было выразительное; рот маленький, губы пухлые. Стоило ему выпятить нижнюю губу — лицо становилось высокомерным, а когда он ее втягивал, приобретало совсем иное выражение — детский, какой-то беспомощности, возникало желание погладить его по голове и сказать что-нибудь утешительное.
— С людьми надо уметь ладить,— повторил Чеков, выпятив нижнюю губу.
— Дружить, любить, быть просто вежливым — это я понимаю, а ладить — трудно и скучно,— проговорил Герка скучным голосом.
— У тебя тут тоже не весело,— Чеков огляделся. Слепило красное закатное солнце.— Сидишь... Хочешь к нам, я поговорю с шефом?
— Не надо. Расскажи лучше, чем занимаешься? Что нового открыл?
— Открыл? По-твоему, открыть новое все равно что... эх! Я защитился! А это не мало! По крайней мере, можно быть спокойным за свое будущее!
— Тоже скучно...— пробормотал Герка.
— Что именно?
— Да то... последняя фраза.
— А, ну тебя к черту! Давай-ка еще по одной!
Уже совсем стемнело. Костер затухал, над сизым пеплом вскидывались голубыми мотыльками маленькие плавные язычки. Герка подбросил дров, и пламя взметнулось в черное небо, осыпая сидящих у костра светящимися хлопьями. И от этого темнота сделалась такой плотной, что даже дом, стоящий в пятнадцати метрах от

огня, не был виден, а на фоне звездного неба образовалась пустота в виде черного четырехугольника с крышей.

Над миром сияли звезды. Два человека, запрокинув головы, молча смотрели в небо. И это созерцание звездного неба томило, и волновало. О красоте ночного неба читал каждый из них.

Звезды сравнивались со светящимися лампочками, с мерцающими драгоценными камнями, но сейчас, когда ночное небо, полное ярких звезд, нависло над их маленьким костром, все эти сравнения показались тусклыми и ненужными. Это было звездное небо и только, и ничего более. Никому не подвластное высокое небо и в то же время доступное любому, кто желал заглянуть в его глубину.

Чеков поежился и запахнул куртку.

Герка ковырял палкой в костре, оба молчали, слушая, как медленно течет над землей время. Но постепенно напряжение спадало: долгий разговор с звездами утомляет.

— Ты говоришь о благополучии,— вернулся Герка к земному.— Сейчас много говорят о своем благополучии, как будто это так важно...

— Вот какие тут ты проблемы решаешь,— усмехнулся Чеков.— Постой-постой!— воскликнул он, показывая рукой в ночь.— Кто это?

— Лиса,— спокойно ответил Герка.— Она часто приходит и не боится. Иногда ворует у меня хлеб и мясо.

Чеков включил карманный фонарик. Луч светлым конусом пронзил тьму и выхватил из нее серый пушистый бок, острые уши, чуть вздернутый нос и два ярких уголька — лисьи глаза. И казалось Чекову — там, за светящимися глазами, еще что-то копошится, затаилось во тьме и напряженно смотрит... Он провел лучом, но ничего не было, только комья земли, куртинки травы, да угол сарая выступил, как нос корабля. Лиса, длинная, легкая, скользнула бесшумно, как рыба. Остановилась, замерла, оглянулась. Чеков, светя фонарем, пошел за ней; она уходила

плавно, без боязни, две зеленые звездочки уводили в ночь, мерцая, подрагивая, маня. Наконец она прошумела жесткой травой и ушла совсем. Чеков как бы невзначай подумал, что промелькнуло мгновение жизни, и он запомнит его надолго, именно это мгновение... И так сделалось ему легко и тревожно, что захотелось петь. И он запел:

— Там звезда одна горит, яркая мучительно-о-о...

— Ну что ж, пойдем отдыхать,— поднялся Герка.

В комнате была только одна кровать. Чеков расстелил свой спальный мешок на полу. Герка зажег керосиновую лампу, стал раздеваться. Взглянув на его майку не первой свежести, Чеков почувствовал что-то вроде жалости к своему однокурснику.

— Возьми, Родионов, тему и защити диссертацию. Что тебе стоит?

Герка не ответил.

— Что молчишь?

— Да так... Не хочу.

— Ну и глупо. Есть такая вполне современная поговорка: «Ученым можешь ты не быть, а кандидатом быть обязан».

— Если ты шутишь, то некрасиво,— хмуро пробормотал Герка.

— О-о...Я молчу! Служи на своем благородном поприще! Ради бога!— обиделся Чеков.

— Ладно. Можешь считать, что мне крупно не повезло. А вообще, я считаю так — природу должны охранять знающие люди.

— Ловить браконьеров? Ты ведь и браконьеров ловишь?

— Если они сюда заглядывают.

— И заглядывают?

— Случается...

— Прости за нескромность, и за какую же плату трудишься?

— Да уж, ладно...

Чеков уснул быстро, но среди ночи отчего-то пробудился. Герка не спал, возился в темноте, чиркал спичками, наконец, зажег лампу. Закинул за спину ружье, прошел к двери, перешагнув через ноги Чекова. И только тогда Чеков различил гул приближающейся машины. Машина остановилась под самым окном, и в комнате сделалось светло от ее огней.

— Егерь Родионов!— услышал Чеков Геркин хрипловатый со сна голос. Хлопнула дверца кабины.

— Да смотрите, пожалуйста,— слышалось снаружи. Герка, видимо, проверял нет ли в кузове дичи.— Только осторожнее, там спят люди.

— Нет, нет, сюда нельзя,— опять Геркин голос.— Это овраг Кызыл-жар. Зона безлюдности. Держите левее.

— Ну, будь здоров, Родионов!— дверца гулко хлопнула, и машина тронулась.

— Зона безлюдности,— повторил Чеков, сворачиваясь в спальном мешке.— Значит, завтра будем в зоне безлюдности.

2

Утром Чеков поднялся с таким настроением, будто в этот день непременно должно свершиться чудо. День начинался яркий, желто-синий. Собирались недолго — выпили по стакану чая, наполнили фляжки водой, взяли с собой хлеб, тушенку, фасоль.

От кордона тропа скользнула вниз по незаметной вначале ложбине, которая все углублялась, и вот пошла между двумя пологими холмами. Чем дальше, тем выше и круче становились склоны, появились осыпи, потом зеленые холмы сменились розоватыми высокими обрывами, состоящими из глины и песчаника. Кызыл-жар в переводе на русский язык означает — Красный яр или овраг. Это был гигантский овраг, а скорее ущелье. По дну его зеленела пышная растительность, кое-что еще бурно цвело, у других растений зрели плоды. Ярко краснели кисти тамариска и похожие на плоские медные пятаки плоды ревеня

Максимовича. Высоко к солнцу тянулись толстые, пустые внутри, стебли ферулы с желтыми зонтиками цветов. К стеблям прилепились большие вогнутые листья, похожие на пиалы. Из этих листьев, как говорила та студентка в машине, пьют воду джейраны. Чеков заглянул в несколько таких чаш. Воды в них не было. Копошились медлительные черные жуки-усачи! Чеков собрал несколько и положил первый улов в морилку. Охота за насекомыми началась. Чеков то ловил насекомых, то присаживался отдохнуть и оглядывал окрестности. Ветер дул снизу, со стороны впадины Ер-Ойлан-Дуз, раскачивая терпко пахнущие пустынные травы, шлифовал шероховатые стены обрывов, похожие в утреннем освещении на полуразрушенные стены древних крепостей. Эти обрывы были высоки, и отвесны до жути, и довольно однообразны, но почему-то все хотелось смотреть на них, что-то отыскивая взглядом, будто там скрывалось нечто тайное, важное, исполненное глубокого смысла. Чеков шагал с трудом, отдуваясь, преодолевая впившуюся в его тело невидимыми коготками апатию и поглядывал на Герку, спокойного, такого же привычного здесь и своего, как трава, птицы и обрывы.

Герка смотрел вверх в бинокль. На одном из чинков[1] виднелся странный силуэт, похожий на обломок скалы. Вдруг он сдвинулся с места и направился по самому краю обрыва, и там возникли другие такие же силуэты и тоже задвигались.

— Архары!— крикнул Чеков, эхо отдалось от обрывов и повторило крик.

— Мы еще их встретим,— отвечал Герка.— Здесь их места...

«Архары, архары, архары»,— мысленно повторял с каждым шагом Чеков и все следил за удаляющимися силуэтами животных. Прежде он не видел архаров на свободе, и представлялось это ему иначе, как-то красивей, ярче, но и в этой простоте, обыденности их появления

[1] *Чинк* — высокий обрыв.

было что-то такое, что очень волновало его. И усталость его пропала, улетучилась апатия.

— Может, наверх выберемся?— предложил он.

— Можно,— согласился Герка.— Я видел там след гепарда...

— Гепард? Он ведь исчез в наших краях?

— Один раз я видел след. Тебе приходилось видеть гепарда?

— В зоопарке.

— Да. А здесь он есть...

По крутому склону, цепляясь за траву и кустарник, выбрались наверх. Здесь была выбитая архарами тропа. Мелкая и тяжелая, как цемент, пыль была разбросана копытами только что прошедшего табунка. Тропа вилась вдоль обрыва, иногда так близко к его ненадежному краю, что у Чекова кружилась голова и замирало в груди. И сойти с тропы было невозможно, потому что слева крутым горбом вздымался склон. Зачем архары ходят по такой крутизне? Герка вроде бы и не замечал высоты, он даже оборачивался и что-то рассказывал на ходу, но Чеков не слушал... Поднимая белую пыль пустыни, пробежал впереди оранжевый табунок архаров. Вдали от страшных обрывистых стен, там, где росли сочные зеленые солянки, архары остановились и следили за двуногими пришельцами, подняв головы.

— Если пойдем тихо, то можем застать врасплох какой-нибудь табунок. Мне удавалось подходить метров на двадцать.

— Я разуюсь,— сказал Чеков.— Натер ногу.

Герка остановился, чтобы подождать его.

— Вот там пещера, в ней иногда отдыхают архары, когда жарко.

Жара уже наплывала, небо бледнело, и пустыня выцветала на глазах. Тропа пошла вниз и привела на небольшую площадку, окруженную обрывами. С нее открывался прекрасный вид: желтые чинки и легкая

зелень покатых склонов, чередуясь, заполняли все пространство до самого горизонта. Здесь была уже не одна тропа. Та, по которой шли люди, оказалась главной дорогой архаров, а к ней, словно притоки к большой реке, стекались узкие, едва заметные тропинки. Они уводили в разные стороны, за крутые глиняные выступы, в самые тайные места, куда, пожалуй, человеку и хода не было.

Чеков остался на прямоугольной площадке, а Герка сунулся по тропе за поворот и пропал на некоторое время. Вот тогда и случилось! Послышался стук копыт и падающих камней, топот приближался так быстро, что не было времени сообразить, что это такое. Чеков стоял в растерянности.

— Ложись!— услышал он.

Табунок архаров вынырнул из-за кручи так неожиданно и близко... Выкатив от страха глаза, животные неслись прямо на него, как будто не замечали препятствия.

— Падай!— опять раздался где-то Геркин голос.

Чеков отскочил в сторону, поскользнулся и упал, прокатившись по земле. Архары пронеслись мимо, обдав его запахом пота и разгоряченных тел. Глаза у них были безумные, они бы столкнули Чекова с тропы, не уступи он дороги, потому что бежать им было больше некуда.

Стало тихо, необыкновенно тихо и тепло от близости горячей земли. Мелкие кусочки глины скатывались с тропы мимо лица Чекова. Он оглянулся, провожая глазами катышек, тот куда-то нырнул за его ногами. Второй кусочек глины также прокатился и пропал неведомо куда. Дрожь прошла по телу Чекова, словно он получил сильный удар тока. Во рту сделалось сладко, нехорошо, закружилась голова. Он лежал на краю пропасти! К тому же то, на чем он лежал, не было ровным, а понижалось в сторону обрыва, и ему казалось, что он медленно съезжает в пропасть и земля под ним колеблется, осыпается... Он судорожно ухватился за колючий жилистый кустик, не чувствуя боли от вонзившихся в пальцы острых шипов.

Он боялся отпустить этот куст, боялся встать, даже пошевелиться, так как от любого движения, думалось ему, отломится кусок обрыва и увлечет его с собой в бездну.

— Двенадцать штук было,— где-то близко разговаривал сам с собой Герка, а может, он был далеко, да так обострился слух.— Запишем... И чего они так испугались? А может, кого?

— Герка!— хрипло произнес Чеков. Зов получился слабым, он боялся кричать громко.

— Сейчас,— ответил Герка. Он все же услышал, но почему-то не торопился.

— Герка!— злым, отчаянным шепотом звал Чеков, пока не увидел лицо Герки с округлившимся глазами и побелевшим кончиком носа.

— Сейчас!— сказал Герка.— Сейчас! Подожди чуть-чуть.

Он сбросил на землю рюзак, покопался в нем и вытащил кусок веревки. Спустился к Чекову.

— Чуть-чуть потерпи, старик...— быстро затянул на его руке калмыцкий узел, снова полез наверх, и Чеков напряженно следил за ним. Герка искал глазами, к чему бы привязать веревку. Как долго он искал... Не нашел ничего такого. Стал ножом ковырять склон. Как мучительно долго он делал это, но вот выкопал две ямки в земле и уперся ногами. Лицо Чекова сделалось бурым. Герка натянул веревку.

— Отпускай!— сказал он, но Чеков не сразу выпустил куст. Веревка натянулась, тело как-будто стало легче, исчезла свинцовая скованность. Чеков медленно пополз вверх, ощущая уже мозгом, мышцами, кожей бурную радость спасения. Нога нащупала трещину, он с силой оттолкнул предательский ком земли... Позади ухнуло, содрогнулось, сразу едко запахло пылью.

— Давай! Давай!— весело говорил Герка.— Ну и тяжел ты, старик...

3

Они вскарабкались по склону на самый верх, туда, где начиналось ровное плато. Здесь Чеков лег, мягко распластался, прижался животом, грудью, щекой к горячей земле, к ее мелким соринкам.

— Ты полежи, успокойся,— сказал Герка.— А я посмотрю, откуда взялся этот бешеный табунок. Мне очень хочется посмотреть...

Чеков не ответил, ему было не до Герки и не до табунка.

— Я только взгляну, где они лежали,— повторил Герка.

Чеков отвернулся, чтобы не смотреть, как он идет, прижимаясь телом к отвесной стене, вздыбленной над узкой тропой. Герка пропал из виду... Чеков весь сжался, вспоминая то, что случилось несколько минут назад. «Неужели так можно?— думал он.— Глупый случай — и прощай жизнь! Так просто расстаться со всем, что доставалось трудом, усердием, болью. Глупый случай и нет ничего того, чем он уже гордился, что давало спокойную уверенность в себе. Неужели так можно? И никто не возмутится такой несправедливостью?»

Вернулся Герка сияющий.

— Это гепард!—кричал он.— Я видел следы! Гепард испугал архаров. Он все-таки есть!

Чеков смотрел на него, ничего не понимая. Гепард! Что такое гепард в сравнении с тем ужасом, что пережил он. Как можно радоваться чепухе? Слова Герки звучали, не трогая его. Он видел только знойное синее небо, желтые обрывы и глаза! Безумные глаза бегущих архаров, в которых ужас и отчаянная жажда жизни. Они, эти архары, хотели жить под синим знойным небом и ради своей бессмысленной жизни готовы были столкнуть его в бездну, с его статьями, диссертацией и вполне определенным

положением в обществе... И Герка, Герка вернул ему все это. Как хорошо!

— Герка!— сказал он, приподнимаясь.— Спасибо, Герка!

Герка улыбался, все что-то говорил, и каждая фраза начиналась словом «гепард». Потом он показал пальцем вверх.

— Что-что?— переспросил Чеков. Он уже сидел на земле, глядя прямо перед собой. Ему стало лучше.

— Нечет,— говорил Герка.— Да и время к обеду. Еще немного пройдем, а там хороший спуск. На сегодня достаточно приключений...

И две фигурки — очень маленькие в сравнении с большой, налитой зноем пустыней,— направились вдоль оврага. Шли теперь по равнине, по плато, а тропа вилась внизу — узенькая изломанная полоска. И Чеков время от времени бросал туда взгляды, смотрел сумрачно и тревожно, не мог не смотреть.

Цепь обрывов прервалась зеленым травяным склоном, круто устремляющимся вниз. Это был тот самый спуск, о котором говорил Герка. Через несколько минут они были на дне оврага Кызыл-жар. Здесь было так же знойно, как и на плато. Близился полдень, тени были такими короткими, что пришлось устроиться под высоким обрывом, чтобы спрятаться от солнца.

— Что, если этому отростку надоест висеть и он оторвется?— посмотрел Чеков на висящую глыбу.

— Оторвется именно в том момент, когда мы нашли здесь приют? Это было бы, по крайней мере, непорядочно... Она этого не сделает.— Герка провел рукой по шершавой скале.— Если долго не вижу — мне снятся эти обрывы и чудится запах глины...

— Боюсь, мне будут сниться... архары!

— Вот ты послушай...

— Что?

— Ну, прислушайся...

Чеков огляделся в недоумении. Ах, вот оно что... Действительно! Синь неба, желтизна глины, блеклая растительность — все это сочеталось таким образом, что казалось, звучит негромкая тягучая мелодия... И это было так естественно, что не удивляло. Герка прищурил глаза и покачивал в такт головой.

— Ты слышишь?

— Да, слышу,— ответил Чеков.

— Вот так всегда...

В раскаленном воздухе, как маленькие реактивные самолеты, носились белобрюхие стрижи. Они ловили каких-то насекомых, выписывая на полной скорости немыслимые траектории, и когда круто меняли направление, в воздухе раздавались гулкие хлопки. В обрыве, истыканном норами, гнездилось множество разных птиц. Вот уж в который раз прилетал скалистый поползень, держа в клюве какое-нибудь насекомое. Прежде чем влететь в гнездо, он садился на корешок, торчащий из обрыва, и внимательно разглядывал людей, будто размышляя — зачем здесь эти большие существа? Уж не хотят ли достать птенцов? Может, затаиться на время, бог с ними, с саранчуками... Да по всему видно — не опасные эти двуногие. Успокоившись, поползень кричал «сит-сит», срывался с корешка и летел к гнезду, чтобы накормить тех, кто давно выказывал нетерпение энергичным писком, приглушенным толстыми глиняными стенами.

Неподалеку от скалистого поползня жил каменный воробей, степенный и важный. Желтое пятнышко на его груди светилось, как модная безделушка. Неслышно подлетал он к своему гнезду с добычей в клюве, поглядывая на людей не то что спокойно, а даже с чувством превосходства.

— Экий невежа!— сказал Герка воробью.— Надо же иметь такую нахальную физиономию!

«Кийип, кийип!» — пронзительно вскрикнул воробей,

и кто знает, что означало это «кийип», может быть, похуже, чем невежа...

Герка, раскрыв блокнот, что-то писал, Чеков лежал на спине и вяло размышлял. Здешняя природа казалась ему жесткой, суровой и какой-то бездушной, и все эти живущие в норах воробьи, удоды, поползни вызывали в нем сочувствие и уважение.

Послышался едва заметный свист, будто кто-то дул в тонкую трубочку. Герка оторвался от блокнота и посмотрел в небо; свист приближался, и Чеков тоже увидел темную точку в небе, она близилась, росла прямо на глазах, превратилась в стремительный черный ком. Черный ком грозился вонзиться в желтую стену обрыва, и никакая сила не могла этого предотвратить.

— Гриф! — произнес Герка с восхищением. — Черный гриф!

Гриф развернулся как парашют и закачался на огромных крыльях, медленно опускаясь на выступ обрыва.

— Я этого гнезда не знал.

На большой высоте, на неприступном выступе устроили черные грифы свое гнездо. Тот, что только прилетел, был, по-видимому, самцом, а над гнездом, подняв зонтом крылья, сидела другая птица, оберегала от солнца детеныша. Наверное, не один час провела она так, подняв над птенцом крылья. Тот, что прилетел, наклонял голову без перьев в темном пуху и отрыгивал пищу. Потом он отошел от гнезда и долго сидел без движения на краю уступа, поглядывая вниз — лысый мудрец, ни страха в нем ни волнения... Но вот он упал в бездну, развернулся и поплыл широкими кругами, набирая высоту.

Герка сказал, покусывая травинку:

— Посмотришь вокруг — здесь все так естественно — веселая и суровая игра... Безрассудная жизнь и так близко смерть! Всё своим чередом. Мне хочется написать обо всем этом: о скалах, о птицах, о ветре...

Чеков помолчал, подумал и сказал:

— И все же это не то. Можешь написать, а можешь и нет... Если не получится, что тогда?

— Что тогда?— усмехнулся Герка.— Ну, если птица решила перелететь через море, но не долетела... утонула. Что тогда? Разве она виновата?

Чеков не ответил, он только усмехнулся про себя и подумал: «Бедная птичка...»

Сверху упал кусок известняка, хлестко ударил по расстеленной газете.

— Архар ходит,— поднял голову Герка.

Чеков посмотрел вверх и увидел в ста метрах над собой рогатую голову архара.

— Черт возьми,— пробормотал он.— Что за удовольствие стоять на краю пропасти? И как у него голова не закружится?

— Это от натуры зависит,— возразил Герка.— Кому стоять, а кому не стоять. Ого-го-го!— крикнул, приложив ладони ко рту.

Крутые рога качнулись, архар исчез, сыпанув сверху пригоршней твердых глиняных шариков.

— Пойдем дальше?

— Пойдем!

— Где же конец этого оврага?

— К вечеру дойдем.

Тропа вилась по самой середине оврага Кызыл-жар. Крутые, обвалившиеся, истыканные норами, щелями, гнездами, облитые белым птичьим пометом, древние, морщинистые, прокаленные солнцем обрывы смотрели в небо...

4

Ночь еще не наступила, но близилась, обещая отдых уставшему телу, покой уму, который в течение дня искал, жаждал разгадок и объяснений. Место для ночлега Герка выбрал удачное: была видна большая впадина,

поблескивающая белизной соли, затуманенная обрывками стелющегося тумана. Три скалы поднимали вверх остроконечные головы, тускло сиющие в свете заходящего солнца. Это было то самое место, о котором студентка в машине сказала «лунный пейзаж», только значительно ближе.

— Лунный пейзаж!— повторил Чеков ее слова, глядя на каменные вершины и насмешливо — на Герку.— Вот так и пиши — лунный пейзаж видели мы перед собой...

Герка собирал сухие стебли ферулы, срубал топором колючие кусты, оставляя все живое, способное расти. Чеков относил топливо туда, где решили разводить костер.

— Это, брат ты мой, не так просто,— оглянулся Герка на слова Чекова.— Это как «каменней цветок».

Большая птица молча пролетела по багровому небу. Уже шла темнота, блики света от костра пробегали по лицам, одежде. Чеков взглянул, и очень значительной показалась ему фигура Герки в свете костра, будто это был кто-то сильный и мудрый, а не Герка, знакомый еще по по студенчеству, с его чудачествами, и, как выяснилось, невысказанностью. Чеков в душе был рад, что у него не было ничего такого, попусту томящего и раздражающего. Ему казалось, что и природу он чувствует иначе, спокойнее и добротней.

— Как хорошо!— Чеков поудобнее устроился у костра. Было очень тихо, только костер потрескивал, да хрипло и зло тявкала лисица. Ночь была темная, звездная, безлунная. Над костром вились какие-то насекомые, изредка прилетали крупные и страшные на вид медведки, да летучая мышь несколько раз дерзко влетала в светлый круг на своих бесшумных перепончатых крыльях.

— Фарят!— тихо и спокойно произнес Герка.

— Что? Где?— встрепенулся Чеков.

Герка молча кивнул за его спину. Там по ночному

небу бродил светлый луч прожектора, кидался из стороны в сторону, пропадал и снова возникал. Что-то искал этот луч, настойчивый, суетный, жесткий. Он вызывал тревогу, он был ненужен в этом простом мире, скрытом ночной темнотой от чужих глаз.

— Что им надо?— Чеков ощутил холод внутри живота.

— Джейранов ищут!

— Сволочи!

Герка усмехнулся неприятно и невесело.

— А что?— посмотрел Чеков.— Ты обязан их ловить?

— По мере возможности.

— Но какие же у тебя возможности? Где машина? У тебя даже лошади нет!

Прожектор то удалялся, то приближался, иногда ветер приносил едва слышное гудение мотора.

— Это не люди!— возмущался Чеков.— Это варвары!

«Бум, бум»,— прозвучали вдали выстрелы. Герка смотрел в костер, смотрел слишком уж сосредоточенно. Жужжание мотора близилось, браконьеры подъезжали. Костра они видеть не могли, они гонялись за дичью на плато.

— Совсем близко,— голос у Герки был такой, что Чеков, поежившись, застегнулся на все пуговицы.

— Устал я сегодня,— проговорил он.— Чертовски устал, как никогда.

— Пойду посмотрю.— Герка поднял с земли свою старую одностволку, потоптавшись у огня, шагнул в ночь.

— Ты не долго там!— сказал Чеков, кутаясь в куртку.

В темноте, среди звезд и запахов степных трав, прошуршали и смолкли шаги. Чеков прикрыл глаза, вытянул затекшие ноги. Решил поспать, но сон как рукой сняло. Машина где-то там гудела, и стали представляться Чекову злобные физиономии браконьеров. «Он только выберется на плато, посмотрит и вернется,— думал он, стараясь успокоить себя.— Не пойдет же он один на

машину с браконьерами? Но почему же не спится? Ведь так устал...» Не спалось... Он вытащил из рюкзака морилку и стал просматривать насекомых. Всех перебрал, а Герка все не возвращался. Машина жужжала где-то близко, и сноп света все чертил небо. Вдруг хлопнул выстрел, захлебнулся мотор и пронесся далекий протяжный крик. Чеков похолодел. «Что это? Нет, нет,— промелькнуло в мозгу.— Ничего не случилось! Они не посмеют!» Потом все стихло. Не гудела машина, прожектор не резал небо. Посвистывал ветер, раздувая угли потухшего костра. Чеков не разжигал его, как осторожный пугливый зверек, сидел он у едва тлеющего огня, не зная, что предпринять. Усталости как не бывало. Он мог бежать, карабкаться в гору, прыгать, но он сидел, затаившись. Прошло два часа, а может, больше.

— Э, эй, э-э-э!— послышался голос, и опять раздался выстрел из ружья.

— Эй, Че-е-ков!

— Эй! Эй!— радостно закричал Чеков, вскакивая с земли. Подняв охапку сушняка, он бросил ее в костер, чиркнул спичкой. Пламя пробежало по самым тонким веточкам, перекинулось на те, что потолще охватило всю гору веток, взметнулось в небо ярким цветком.

— Вот ты где,— вошел Герка в освещенное пространство.— Ты что, спал?

— Спал, да...— Чеков наклонился к костру, чтобы достать горящий прутик и прикурить сигарету.

Герка с сомнением посмотрел на его склоненную спину и устало упал на землю.

— Костер совсем погас. Я кричу — попробуй-ка отыщи в темноте.

— А что с браконьерами?— поинтересовался Чеков, глядя в огонь.

— Попались...

— Что? Попались?— Чеков в изумлении раскрыл рот и выронил сигарету.

— Влетели в промоину. Машину разбили. Один, похоже, сломал ребро.

— Так им и надо! Так и надо браконьерам!— Чеков чувствовал, как горят его щеки, он люто ненавидел сейчас браконьеров за свой ночной страх, за стыд, за то, что эта чудная ночь у костра превратилась черт знает во что...

— Двух джейранов убили,— говорил Герка сонным голосом.— Утром пойдем к ним.

— А как они там до утра?

— А что они?

— Акт составил?

— Да, конечно.

— А ружья?

— Завтра ружья...

— Какие все же негодяи!

Герка через минуту посвистывал носом, постанывал во сне, а Чеков все не мог уснуть, время от времени поглядывал на красноватое в свете костра Геркино лицо с прямой, глубокой складкой между выгоревшими бровями. Он подумал, что зря не пошел с ним, все закончилось быстро и благополучно, было бы о чем рассказать в институте и не было бы этого неприятного чувства неловкости, вроде бы, пустяк, а не уснешь по-человечески. Но он тут же устыдился своей мысли.

5

Овраг Кызыл-жар наливался светом. Первым встал Чеков, разбуженный острым утренним холодком. Потянулся, поморщился, вспомнив ночное происшествие.

— Вставай!— потряс за плечо егеря.

Костер разжигать не стали. Позавтракали холодными консервами и, закинув за плечи рюкзаки, пошли туда, где были люди, ночью преследовавшие джейранов. Молча поднимались на плато по крутому склону, рассеченному едва заметными звериными тропками... Чеков

шел хмуро и тяжело, пропало настроение праздничности. Дикая природа не радовала его. Да ничего здесь и не было такого привлекательного. Вставало пустынное солнце, обещая в скором времени зной, усталость, жажду... Герка тоже молчал.

— А вон и машина...— увидел Чеков.

Возле машины были двое. Один сидел, прислонясь к колесу, и виновато улыбался. Второй, серый и злой, с ввалившимися блестящими глазами, лежал на ватнике и то стонал, то ругался. Оба были измученные.

Герка поздоровался.

— Здравствуйте,— ответил тот, что сидел у колеса, а второй лишь покосился белыми от боли и ярости глазами.

— Где же остальные?

— Пошли за машиной, выбираться надо.

— Вода есть, егерь?— спросил лежащий.— У нас фляга протекла.

Герка подал фляжку. Тот начал жадно пить, напившись, протянул посудину своему товарищу.

— Спасибо,— отглотнул второй и возратил фляжку Герке.

Все курили и молчали, дымя сигаретами.

— Из-за тебя ведь влетели,— нарушил молчание человек, лежащий на ватнике, и покосился на Герку. Голос у него был такой резкий и густой, что, казалось, и сила должна быть нечеловеческая.

Герка посмотрел на него и ничего не сказал.

— Рад, что премию получишь? Не дались бы тебе, если бы не канава...

— Да, пожалуй!

Басистый затянулся сигаретой и закашлялся.

— Я — учитель,— виновато произнес тот, что сидел у колеса.— Виталий Иванович.

— Я почему-то так и подумал,— ответил Герка.

— Какой догадливый!— приподнялся на локте пострадавший.— А кто же я?

— Браконьер! Матерый!

— Браконьер, браконьер. Завгар я по должности. Если по уму, могли бы и подружиться,— он снова опустился на ватник.— Сколько же ты с нас слупишь за этих козлов?

— Сколько положено... Все вам известно. Не козлы это, а джейраны!

— Я случайно попал в эту компанию,— сказал учитель.— Хотелось посмотреть, почувствовать охоту. Я не предполагал, что это так жестоко! Не думайте, что оправдываюсь, испугался... Не в том дело... Стыдно...

— Что же вы им не сказали, что это жестоко? Джейраны вот-вот совсем исчезнут! Кому об этом говорить, если не вам?

— Да что говорить, если в одной компании...

Завгар все сверкал глазами. Он хотел сказать что-то резкое, но махнул рукой и выругался.

— А ты охотник, егерь?— спросил он, успокоившись.

— Охотник, не охотник... Ведь это джейраны!

— А-а, тебе не понять... Пыль, кровь, азарт! Что там говорить! Буду охотиться, пока жив и пока есть на что! И больше не попадусь, егерь! И ты не попадайся!— он захохотал и внезапно смолк.— Шучу, шучу. Это не для протокола...

Вдали показалось облачко пыли. Герка поднялся, прищурил глаза.

— Вам повезло...

— Повезло, как утопленникам,— пробормотал завгар и плюнул в пыль.

Через час машина, оставив у кордона Герку, Чекова и ружья нарушителей, укатила в поселок. Чеков тоже хотел уехать, но в машине были браконьеры, общество их тяготило. Кроме того, тот завгар снова съязвил:

— А ты где ночью-то был, красивый?

И Чеков утешил себя тем, что ребро сломал именно завгар, а не кто-то другой.

Чеков остался на кордоне, но настроение было испорчено, и он ждал случая, чтобы расстаться с Геркой.

Опять вечером горел костер и бродила лисица, сверкая глазами. И звезды заполнили небо. Но разговора не получалось...

На другой день с попутной машиной Чеков уехал. Герка помахал ему рукой, сидя на завалинке.

— Приезжай! — крикнул Чеков из кузова машины.

Герка не расслышал. Он рассеянно улыбнулся. В стеклах его очков горело утреннее солнце.

Машина вышла на укатанную дорогу и скоро пропал из виду домик егеря. Чеков облегченно вздохнул. Ему хотелось остаться одному и подумать о чем-нибудь значительном, отвлеченном. Но вспоминался ему только овраг Кызыл-жар, красавцы-архары и этот яркий сноп света в ночи. Машина прыгала, и степь прыгала, и весь мир прыгал в его глазах. Чем дальше отъезжал он от кордона, тем спокойнее чувствовал себя, тем ближе была привычная жизнь, а Герка, уже далекий, оставался где-то в тумане воспоминаний. Вряд ли он с ним увидится, у него свой мир, у Герки — свой, и не очень чтобы завидный. Но в глубине души он был недоволен собой. «Но ничего, ничего,— мысленно успокаивал он себя.— Все нормально. Поживем увидим...»

ЗА СИНЕЙ ГОРОЮ

Легко быть зверем и легко быть богом,
Быть человеком — это тяжело.

Е. Винокуров.

Тысячи лет текла мутная вода. Зимой река была скована льдом, замолкала и как бы отдыхала. Но летом она звучала! То здесь, то там отрывались от берега и шлепались

в воду тяжелые комья глины или раздавался где-нибудь посередине реки громкий всплеск, расходились круги, всхлипывали на разные голоса волны. Иногда доносился далекий и какой-то печальный гул — то пели пески!

Егерь Василий Петрович стоял на берегу, на глинистом, заросшем колючим кустарником полуострове, выдающимся в реку наподобие утиного носа. Смотрел, как течет вода. Был Василий Петрович худощав, невысок ростом, из-под старой фетровой шляпы выбивались еще очень густые, но совершенно седые волосы. Брови тоже были седые, сдвинутые к переносице, между ними проходила глубокая морщина, придающая лицу егеря выражение глубокой сосредоточенности.

— Ах, ты господи, ах, боже мой...— негромко приговаривал Василий Петрович, не мог иначе выразить то смятение, что возникало в его душе, когда он смотрел на бегущие волны реки. Вот так, почти всегда, проезжая мимо, сворачивал он на Утиный мыс, чтобы посмотреть на реку и послушать плеск воды. «Как давно она течет, боже ты мой, как давно и боязно заглядывать-то в такую даль...»— думал старик.

Уже третий год пошел с той поры, как поселился Василий Петрович на кордоне. И говорить стал, сам замечает, как-то неторопливо, по-деревенски, что ли? Да и не удивительно, он и есть деревенский, это уж потом стал на заводе работать. Частенько вспоминал Василий Петрович прошлое, чего-чего, а времени, чтобы повспоминать хватало... Особенно помнится, мальчишкой еще был, как кулаки зарывали в землю хлеб. Случайно увидел. Рассказал об этом в сельсовете. А потом подкараулили дюжие мужики, привязали к дереву и били кнутами. Думал насмерть забьют, да ничего, отошел... В пятнадцать лет стал секретарем сельсовета, сам полуграмотный, а большинство в деревне и вовсе неграмотные. Переехал в Москву, стал рабочим, потом мастером. Что говорить — дело свое знал хорошо. Война началась! На фронт не взяли, хоть и про-

сился — отправили с заводом в Алма-Ату. Было не по себе — товарищи сражались и погибали, а он в тылу... Но и в тылу было тяжело, работал с темна до темна, да еще обучал подростков и женщин, фронту нужно было много снарядов. Знал и холод, и голод. Черепах ели — привозли во время войны в заводскую столовую. Он и теперь с уважением смотрел на черепах, а тогда, в трудное время, многих они спасли. Мясо у них вкусное. И сейчас бы иной раз поел, да жалко, не убивать же ее, когда она смотрит, как старушка, поджав губы...

Вышел на пенсию — скучно, не привык отдыхать. Предложили егерскую службу в Семиречье. «Живи,— говорят,— тут тебе и горы, и пустыня, река. Природа, воздух, рыбалка». А вышло так, что непростая эта работа, тут надо по совести поступать. А делать что-то не по совести он не привык.

Вот уж и кордон. Почти к самому дому подступает пологий склон горы, ровный и голый, кое-где виднеются редкие кусты колючего шиповника, а за домом пустынная равнина, кустарник боялыч да местами куртинки тамариска. В горном ущелье, где течет ручей из родника, растет неопалимая купина, жгучая травка с фиолетово-розовыми цветами. Зажжешь тихим вечером спичку или лучше скрученную газету над такой травкой и вспыхнет фонтаном синее пламя, а цветкам хоть бы что, ни один лепесток не обгорит. В горах водятся архары, козероги, в пустыне — джейраны, птиц много: кеклики, бульдуруки. По вечерам кеклики взлетают на камни и давай кричать: ке-ки-ли-ки, ке-ки-ли-ки. Прямо выговаривают свое название. Любит их Василий Петрович — веселые, общительные птицы. Зимой подкармливает овсом и просом. Он и разговаривает с ними, ведь так много длинных дней, когда хочется поговорить, да не с кем. Немало рассказал он кекликам о своей жизни. О том, как праздновали победу. Вот это был праздник! Жизнь пошла легче, да особенно легкой она для него не была. Опять цех, план, аврал! Но

не обижается Василий Петрович на свою жизнь, ничего в ней было такого, чего бы он стыдился. Пенсию себе заработал хорошую — сто двадцать рублей. Ну, а здесь... Новая чудная для него жизнь. Простор, природа. Эта жизнь была по душе Василию Петровичу, так легко ему здесь дышалось и думалось... Закат — во всю степь, восход — лучистый краешек солнца из-за гор. Дух захватывает, так хорошо!

Лошадь ему дали, корову купил и несколько кур — вот и все хозяйство. Жаль, что уже стар и порой ворочается в груди и ноет сердце, будто предупреждает — побереги себя, пора бы уже. Но не хочется признавать себя старым. Наоборот, вроде бы, только самое зрелое время наступило. Отошло все пылкое, глупое, хвастливое, что свойственно молодости, осталось лишь желание думать, рассуждать и поступать по справедливости. И даже жалко было Василию Петровичу, что так поздно обрел он этот душевный покой и равновесие...

Вот солнце заходит и томит что-то душу, и слеза наворачивается на глаза. Что это, отчего? Почему раньше не смотрел так и не томился? А сейчас сядет Василий Петрович на лавку и смотрит. Заходит солнце, все ниже и ниже опускается, трава пустынная золотится, так и сверкает, а дальняя гора сделалась синей и все больше темнеет. Вон вдали джейран пробежал и пыль за ним, будто и не пыль вовсе, а золотой туман стелется. А там кеклик ударит свое ке-ки-ли-ки. И позабудет бывший заводской мастер про все на свете и сделается на душе его так легко, что сидел бы, смотрел, слушал и ничего больше от жизни не надо. Разве что вспомнить что-нибудь из прошлого. Вот как они пели «Вечерний звон»... Приходил начальник цеха Мальцев, контрольный мастер Ивушкин, чудак был и выпивоха, и они пели «Вечерний звон». Руководил хором и запевал Мальцев. Василий Петрович сидел на табуретке и повторял монотонно «бом, бом, бом, бом»,— такова была его роль. И на фоне этого сопровождения лил-

ся чистый высокий голос Мальцева... Заходила соседка Ксения, охала, утирала рукавом слезы и повторяла:

— Ишь ты, что выделывают...

Сашка, сын,тогда еще мальцом был, а сейчас научный сотрудник в институте. От отца заметно откачнулся. Обидно, конечно, да были бы молодые счастливы — это главное! Что-то не так у них, на его стариковский взгляд. Хмурый Сашка, невеселый, будто не по своей воле женился. Спросил как-то у него Василий Петрович:

— Ты по любви женился, сын, или по расчету невесту брал?

— По расчетливой любви, отец,— ответил Сашка чьими-то чужими словами.

Как-то раз говорили сын и сноха о работе, об отъезде своего начальника-профессора за границу по обмену опытом.

— Должно быть, большой человек?— полюбопытствовал почтительно Василий Петрович.

— Карьерист!— отвечала сноха с презрительной гримасой.— Ни одной статьи не пропустит, чтобы себя в соавторы не поставить. Оттого у него больше трехсот работ...

— Неужели так бывает?— изумился Василий Петрович.— Я много рацпредложений подавал и ничего такого...

— То на заводе!

— Почему же вы не скажите ему...

— Это у вас на заводе можно, оттуда не прогонят.

— А у вас? Так сразу и прогонят?

— Да нет, сам уйдешь, если захотят. У нас иначе... «Свято место пусто не бывает». Нет, батя, с шефом надо жить мирно.

— Тогда сам уйди, Саша, разве так можно?

— О!— с удивлением посмотрел Саша.— Что ты говоришь, отец? Сам-то ты хорошо жил?

— Да жил, как мог...

— Какую же специальпость посоветуешь? Токаря или жестянщика?

— Чтоб с радостью работать, Саш...

— Где же я найду такое дело?

— Да поискать надо.

— Нет, буду нести свой крест,— шутил Сашка.—Каждому свое! Богу богово, кесарю кесарево!

Что это я учу его, сомневался Василий Петрович. У сына-то слава тебе господи, грамота, а это большая сила... Вот сам-то, и правда, что знал? Работал, да работал всю жизнь. Но с интересом работал, даже с радостью бывало. И сколько всяких планов выполнил и перевыполнил за свою жизнь — месячных и годовых — трудно сосчитать.

2

Ранним утром Василий Петрович оседлал Парнишу и поехал к Климу Совенко. Клим был старшим егерем и наведаться было нужно — может, из города какие распоряжения пришли, у старшего егеря была рация. Конечно, Клим и сам бы приехал, если нужно, у него и машина есть «ГАЗ-69», но давно что-то не появлялся, наверное, хозяйство не отпускает. Клим всегда в делах: то погреб роет, то картошку возит, то забор ремонтирует, всегда с пилой, рубанком или автогеном. Но надо съездить — вдруг там из города что, может, весточка от сына пришла по рации.

Парниша, всхрапывая, стучит копытами по твердой земле. Сизые круглые кустики полыни блестят капельками росы. Свежо утром в пустыне! Жаворонки вьются над пригорками, часто так машут крыльями и журчат — как какие-нибудь маленькие заводные машинки. Медлительные черепахи невозмутимо поглядывают из-под брони панциря и работают челюстями. А вон удавчик блеснул,

как струйка жидкого металла, тычется плоским носом в куртину полыни, прячется, почуяв своим долгим телом приближающийся стук лошадиных копыт.

Дорога пошла, петляя, среди кустов цветущего чингила, здесь же на песчаных холмах росли светло-зеленые селитрянки с загнутыми круто вниз колючими ветками. Парниша, играя или стараясь досадить седоку, семенил ногами и, если попадалось на пути крепкое деревце, норовил пройти так близко, чтобы Василий Петрович зацепился ногой.

— Не балуй!— крикнул егерь и дернул повод. Парниша фыркнул, сердито повел глазом, но пошел ровнее. Дорога шла теперь тугаем: то выбегала к самой реке, к обрывам, заросшим лохматой и жесткой растительностью, то выводила на широкие поляны, покрытые ровной зеленью.

За небольшим болотцем открылся вид на усадьбу егеря-соседа, заботливо огороженную выкрашенным в голубой цвет забором из штакетника. Из болотца с хрюканьем выскочили три огромные свиньи, обляпанные грязью, за ними, виляя задами, шагало целое отделение розовых вислоухих поросят. За штакетником гуляли куры: белые, пестрые, черные. Нигде не видел Василий Петрович такого скопища домашней птицы. У стены сарая на солнечной стороне важно восседали на толстом стволе поваленного дерева индюки. Высокий мужчина стоял перед индюками и взмахивал рукой, словно дирижировал оркестром.

— Здравствуйте, граждане индюки!— услышал Василий Петрович, подъезжая.

— Бурль, бурль, бурль!— кричали индюки, тряся головами с красными подбородками.

— Поздравляю вас с праздником!

— Бурль, бурль, бурль! — так же слаженно отвечали индюки.

«Что за праздник?— подумал Василий Петрович и усмехнулся.— Дурачится Клим!»

Смеясь, мужчина обернулся.

— Петрович! Заходи, сосед!

Когда Василий Петрович перешел на егерскую службу, его стали называть только по отечеству. Так уж по должности положено, что ли, думал он, или возрасту обязан? Он скоро привык к этому обращению и даже ощущать себя стал не Василием Петровичем, а Петровичем, что было вовсе не одно и то же. Там в городе был мастер Василий Петрович, к которому обращались по работе и по всякому другому делу, вплоть до того — что делать с пьяницей мужем? И он всегда, он обязательно принимал решение. Это был Василий Петрович! Петрович же мог говорить и двигаться не спеша, никто не ждал от него никаких срочных решений. Этот Петрович вызывал уважение, как человек проживший долгую жизнь, и в то же время беззлобную усмешку, одним словом,— Петрович...

— Из города ничего нет?— спросил Василий Петрович, слезая с коня.

— Ничего,— отвечал Клим.

— Что это ты индюками занялся? Или дела никакого нет?

— А видишь, как ладно отвечают,— засмеялся Клим.

На вид Климу лет тридцать пять. Лицо у него крепкое, обветренное, красное, чуть оплывшее, такая же крепкая в складках шея. Улыбается Клим простовато и как бы по-свойски, но за улыбкой угадывается что-то хитрое или самоуверенное. Себе на уме мужик.

Василий Петрович еще в городе думал о том егере, что живет на кордоне среди природы. Он думал о нем с почтением, он думал — у того егеря должны быть добрые глаза, добрые руки. Представлял себе, как с робостью впервые перешагнет порог его дома; он, конечно же, не поймет по своей грубости всех тонкостей его отношений

с пернатым и звериным царством. Перепелка, или там соловей, поет, скажет тот, настоящий егерь, и скажет как-то иначе, чем, например он, Василий Петрович, мастер железных дел. «Но ведь я тоже человек,— думал Василий Петрович,— подучусь, пойму». Он пошел в книжный магазин, чтобы купить что-нибудь о природе, но ничего подходящего не подобрал.

— Мне, знаете, очень нужно,— сказал он.— Я егерь.

— Сходите на книжный рынок,— посоветовала ему молоденькая продавщица.— Там найдете!

В воскресенье он пошел на книжный базар. Книги здесь были очень дорогие, но все же были. И он купил себе несколько хороших книжек о животных. «Буду осваивать новое дело»,— думал Василий Петрович.

Когда он впервые увидел егеря Клима, то, хоть и не подал вида и еще ничего не понял, но уже где-то в глубине души оскорбился и разочаровался. И уклад жизни егеря оказался значительно проще, чем он предполагал.

— Самое главное — устроиться с жильем!— говорил ему Клим, и его плутовская физиономия принимала выражение поучительной серьезности.

В этом была своя правда. Без хорошего жилья и подсобного хозяйства трудно жить в безлюдье, продуктов достать негде.

— От голода не пропадешь,— учил Клим, когда познакомились поближе.— Подстрелил пару кекликов — вот тебе суп или жаркое.

— Зимой-то подстрелю, а летом?

— Да кто ж тебе здесь контроль?

— Как?— удивился Василий Петрович, все еще думая, что Клим просто смеется над ним.— Да как же я подстрелю, когда у птицы может быть гнездо с яичками или маленькие птенчики?

— Сколько тебе пенсию платят, Петрович?

— Сто двадцать.

— Ну тогда, понятно... А как бы я прожил на свои восемьдесят, если бы не хозяйство?

— Да, пожалуй, трудновато...— говорил Василий Петрович, чувствуя себя просто Петровичем, и туго размышлял, наморщив лоб. Непривычный выходил разговор.— Если б хватало, я, может, тоже всю жизнь егерем был. Я природу очень люблю...

Клим молча курил, морщась от дыма и разгоняя его рукой.

— А дальше-то как будешь, дети подрастут?— спрашивал Василий Петрович.

— В город уеду!— отозвался Клим.— Поднакоплю деньжат, да уеду! Тоже пожить надо! Разве здесь жизнь? Только и мучаешься из-за скотины. Осенью продашь, кое-что выручишь... А сколько хлопот! Быки — те ладно, в горы угнал, там трава — сами нагуливаются. А птица, а свиньи, тут хоть как вертись — дня не хватит.

— Где же ты корм достаешь на такое хозяйство?

— Привозят, Петрович,— весело отозвался Клим, переходя на привычные темы.— Это можно! Хочешь, поговорю — тебе привезут... Да тебе ни к чему. На одну корову сам накосишь.

— Накошу... Я-то думал, у егеря одна забота — следить за своим участком, да охранять...

— Если бы так,— вздыхал и Клим, но как-то уж очень притворно.

Разговор затухал, становился все неприятней и скучнее.

Скрипнула дверь, на пороге появилась Томка, жена Клима, молодая, пухлая, сонная; пошла за дом, звеня пустым ведром.

— Томка!— крикнул ей вдогонку Клим.— Накорми индюков! Я тут с Петровичем.

Раньше, в первое лето, заходил Петрович чаще, все

хотел услышать от Клима что-нибудь интересное про птиц и зверей, сам расспрашивал не раз.

— А что про них рассказывать?— отвечал Клим.— Вот выберемся на охоту и посмотрим, где тут что живет. Самая дичь в твоем обходе: архары, теки, кеклики, а джейраны больше по равнине ходят. Здесь у меня фазаны да зайцы, джейраны держатся...

Больше ничего и не рассказал, а надеялся Василий Петрович на иной разговор: серьезный, обстоятельный, неторопливый. Но потом уж и не рассчитывал, понял, что другим обеспокоен сосед.

Где-то достал Клим раму автомашины да старый двигатель, а через два года собрал восьмиместный «газик» кофейного цвета. С «волговским двигателем», как говорил сам Клим. А однажды, когда Василий Петрович сказал, что слышал выстрелы у реки, Клим его успокоил:

— Ремзаводские приезжали, я разрешил.

— Разрешил?

Клим взглянул исподлобья, усмехнулся.

— Обязан, Петрович. Машину собирали вместе. А я на ней государственную службу несу. Личного транспорта не жалею для общего дела!

Тогда не сдержался Василий Петрович и сказал, что думал:

— Неправильно ты живешь, Клим! Со всех сторон неправильно. Когда службу несешь, если у тебя на уме скотина, да корм, да прибыль? В твои годы по-другому бы жить...

— Сначала надо материальную базу устроить, а уж потом...— Клим улыбался, откровенно потешаясь над Василием Петровичем.

— Потом? Что потом?

— А потом буду жить. Машина есть. Деньги есть. Я за рулем, но я не шофер, Петрович, нет. *Я* — частник.— Клим хохотал.

Насмеявшись, махнул рукой.

— Не надо, Петрович! Правильно, неправильно... Каждый своим умом живет. Акты я сдаю. Премию вот выдали — тридцать рублей. Как ее еще нести, службу?

— Пожалеешь ты, ох и пожалеешь,— повторял Василий Петрович, возвращаясь на коне к своему кордону.

Стояло такое пекло, какое, наверное, только и бывает в Средней Азии и на юге Казахстана, но дышалось на просторе легче, чем в прохладном, огороженном цветным штакетником, дворе Клима. Не скучно было у Клима, скучать там было некогда, и гостей у него бывало больше, чем у Василия Петровича, и смеялись там много. И все же там было душно. «Да ну его!» — отмахивался он от мыслей о Климе и смотрел на поникшие от жары тугайные заросли. Где-то там, невидимые среди травы и кустарников, обитали зайцы, дикие коты, змеи — все то, удивительное и значительное, что он обязан был хранить. И снова голубой штакетник вставал перед ним. Ведь сказал он «пожалеешь» не потому, что желал отомстить Климу, отыграться в свое время. Когда-нибудь Клим поймет, что жил пусто, только для себя, только для денег и горько ему станет, обидно...

Сам Василий Петрович никогда не имел больших денег, таких, чтобы можно было, например, купить машину. А ведь старался побольше заработать, ходил с заводскими «халтурить», крышу крыл, помнится, на кондитерской фабрике после работы в вечернее время. Многие так подрабатывали; удлинняя, в сущности, свой рабочий день. Эти «левые» деньги были нелегкими. Клим нашел иной способ жить хорошо. Только страшное и позорное это дело — спекулировать доверенной тебе жизнью природы. Рано или поздно Клим раскается, будет казнить себя. Но, может, и не раскается. Просто не поймет за хозяйственными заботами, за смехом, пьянками и быстрой ездой на собственной машине всего того, что творил. И не раскается.

Хорошая книжка есть у Василия Петровича — «Мали-

новые горы» Мамина-Сибиряка. Часто открывает он эту книжку, уж очень написано трогательно. Есть и ней такое — перед смертью старого браконьера преследовали кошмары: однажды собрались к нему все убитые звери и птицы, и старик дрожал от ужаса... Прочитал он Климу конец рассказа. думал, подействует. Но Клим смеялся:

— Не то время, Петрович, чтобы всякой ерунде верить.

— Верить-то можешь не верить, это как хочешь, а совесть говорить должна...

3

В стороне от тропы, по которой стучал копытами Парниша, росла одинокая, изогнутая и очень изящная туранга. От нее отделился желтый ком и покатился к кордону, распуская позади себя длинный шлейф белой пыли.

— Хромоножка!— крикнул вдогонку Василий Петрович. Но куда там! Пыль завилась еще круче под быстрыми копытцами.

Нашел он ее в Каменной щели, когда возвращался домой из обхода. Молодая косуля лежала на горячем камне и вместо того, чтобы пулей лететь в тростники, смотрела, как приближался он на своем Парнише, и в глазах ее не было ни страха, ни радости, глаза потухали. Василий Петрович сошел с коня, поставил косулю на ноги, легонько подтолкнул:

— Иди, что же ты?

Косуля сделала шаг и остановилась, ноги ее были словно деревянные, на бедре гноилась припухлая рана. Когда Василий Петрович подтолкнул ее, из раны стали выпадать крупные белые черви, они корчились на горячих камнях.

— Кто же это тебя так?

В сумке были йод, бинт и вата. Василий Петрович залил рану йодом и крепко перевязал. Косуля все так же тускло смотрела на него...

— Что будем делать-то, а? Возьмем ее, что ли, Парниша?

Так и попала она на кордон.

Хромоножка остановилась только во дворе кордона и тут уж спокойно дожидалась хозяина. Когда Василий Петрович спешился, косуля подбежала и ткнула его лбом в колено, играя.

Еще барсучонок был дома, этого Пират принес. Пес у него жил, старый Пират, гладкий, вислоухий, с рыжими умными глазами. Под зиму пропал Пират, может, волки порвали, может, сам ушел умирать... Но тогда он еще был. И в то утро стоял рядом, когда барсучиха вынесла своих крошечных барсучат погреться на солнце. Постоял за деревом и тихо ушел Василий Петрович, и собаку увел.

На следующий день услышал шорох за дверьми. Прислушался... Кто-то скребется. Отворил дверь. На крыльце стоял Пират, держал в пасти маленького полосатого барсучонка и повиливал хвостом. Желтые на выкате глаза Пирата спрашивали, что делать с ним, Петрович?

— Эх, Пират, Пират... задал ты мне, брат, задачу,— проговорил егерь. Взял из пасти собаки мокрого, но совершенно невредимого барсучонка,— Пират принес его, не поранив,— и побежал к норе. Потом сомнение взяло — если Пират побывал и похозяйничал, то, наверное, барсучиха унесла детей в другое место. Что ж оставлять-то несмысленыша? Принес снова домой, выпоил молоком, выкормил... Вырос барсук и мало-помалу дичать стал, стал уходить куда-то, а возвращался все реже...

— Ну и пусть,— думал Василий Петрович.— Все не зря его выхаживал. Тоже создание природное, посвоему видит и чувствует: и небо, и траву, и букашек всяких...

Рядом с домом в дупле старой туранги жила пара сычей. Потешный сыч, вроде бы, на вид, так забавно вытягивает шею, то, наоборот, подберется и превратится в круглую восьмерку, а то, смотришь, покачивается на

лапах с боку на бок и корчит рожи. Но такие необычные это птицы — скрытные, непонятные и смотреть на них отчего-то грустно... Проснется иногда Василий Петрович ночью, прислушается... «Ку-ить, ку-ить?» — разнесется водворе. Сыч кричит! Значит! Значит, все в порядке. А недалеко от протоки в норе гнездятся красные утки-огари. И опять есть над чем задуматься. Нора — это тайна! Молчит нора, глядя в небо черной дырой, а по следам видно: ящерица в нее вбежала, змея уползла, песчанка спряталась. Что там делается под землей — не понятно, но жизнь там идет.

Зимой, а то и в начале весны, если выпадал глубокий снег, приходили кеклики. Кормиться им в эту пору было трудно. Они были голодны, перья топорщились. Потрепанные, уставшие и уже равнодушные ко всему на свете, приседая на озябших красных лапах, они шли к человеку... Василий Петрович суетливо бежал в кладовку, приносил и высыпал на заранее расчищенных площадках зерно. Кеклики привыкали быстро. Поклевав, отдохнув, они улетали в горы, но ненадолго. Теперь уж до самых весенних дней избушка егеря становилась их приютом и спасением.

Начиналась весна, снег садился и стекал постепенно в низину, уходил с мутной водой реки к древнему озеру Балхаш. Земля обнажалась, появлялась зеленая трава, начинали подавать голоса кеклики. А потом уходили — цепочкой, дружно семенили вверх по склонам, исчезали в расщелинах среди камней. Везде, со всех сторон раздавалось: ке-ки-ли-ки, ке-ки-ли-ки.

— До свидания, до свидания,— говорил Василий Петрович.— Если что, приходите, я всегда здесь...

Кеклики все кричали, и ему казалось: «Мы бы остались, ты добрый дедушка, да свобода дороже!»

— Да, воля!— шепчет он растроганно.— Что же может быть дороже воли!

4

В начале лета потянулись вдоль дороги отары овец. Одна лавина пройдет, накатывается другая. Протяжное разноголосое блеяние висело в клубах пыли. Понимал Василий Петрович, мясо, шерсть нужны и городу, и деревне, а все же с досадой и неприязнью смотрел на движущуюся в горы косматую прожорливую рать. Там, где прошла она — все выедено и вытоптано, вместо зеленой травы бурые обгрызанные стебли и круглые катыши помета.

Вдруг увидел Василий Петрович, бежит по склону косуля, припадая на переднюю ногу. Хромоножка! Как она спешила, как высоко подпрыгивала, то исчезая за кустами, то появляясь на открытом месте. «Что такое?» — подумал егерь, напрягая зрение, и тут увидел большого вислоухого пса метрах в двадцати позади косули. Егерь сразу определил — пес опытный и хитрый, понимает, что косуля далеко не уйдет со своей покалеченной ногой, поэтому так уверенно преследует. Но он не знает, что косуля за обрывами свернет к кордону. В этом ошибка пса и, в конечном счете, проигрыш... Собака, по-видимому, была чабанская. Эти собаки хорошо помогают своим хозяевам пасти овец, но и вреда приносят немало зверью и птицам, беспрепятственно шныряя где им вздумается. Хромоножка круто повернула налево к кордону, всё правильно сделала, но пес, этого не ожидал Василий Петрович, кубарем скатился с крутого обрыва и помчался наперерез! Хромоножка заметалась. Бежать в гору она уже не могла, а впереди на пути к кордону неожиданно оказался этот страшный пес. Надо было спасать косулю. Василий Петрович вскинул ружье, прицелился и спустил курок. Грянул выстрел, и пес покатился по склону.

— Ай! Ай!— услышал Василий Петрович гортанный крик. И увидел верхового на рыжем коне, приближающегося к нему рысью. Как влитой сидел он в седле, и конь

его ступал мягко, пружинисто. Человек на коне был далеко не молод, темное обветренное лицо иссечено морщинками и выделялись на этом лице совсем белые усы и борода. Чабан соскочил с лошади и подошел к собаке. Попали две дробины: одна в лапу, вторая в грудь. Чабан внимательно осмотрел и прощупал раны и присыпал их серым порошком из пузырька. Только тогда он повернулся и посмотрел на егеря.

— Зачем стрелял собаку, аксакал?— спросил он спокойно.

— Пес догонял косулю,— ответил егерь.

— Елика?— переспросил чабан.

— Да, елика.

— Разве собака догонит елика? Зачем так говорить?

— Косуля хромая... В моем дворе живет.

Чабан промолчал.

— Выживет, как думаешь?— спросил Василий Петрович.

— Может, выживет...

— Даже не скулит... Серьезный пес.

— Аю всегда молчит,— вздохнул чабан.— На джайляу лечить буду.

— Чем ты раны-то присыпал?

— Это пепел,— посмотрел чабан на пузырек.

— Пепел?

— Да. Полынь сгорит — такое лекарство получается.

Василий Петрович пригласил старого чабана в дом выпить чаю. Тот согласился. Так и познакомились два старика. Пошли вместе. Алкыбай нес в руках тяжелого Аю, Василий Петрович вел в поводу его лошадь. Алкыбай рассказывал. Этой зимой Аю один сторожил отару, раньше была и другая собака, да под машину попала, не повезло... Аю был один, когда пришли волки, три крупных зверя. На другой день по следам узнали — был большой бой... Одного волка Аю задушил, два других ушли. И со-

баке досталось, спина и бок порваны. Присыпал хозяин раны пеплом — все зажило!

— До свидания! Спешить надо,— говорил Алкыбай, трогая коня стременами. На коленах его молча лежал Аю, глядя на мир мутными от боли глазами.

...В конце лета отары спускались с гор. От одной отделился всадник в лисьей шапке. Рядом с рыжим конем, прихрамывая, бежал вислоухий пес.

— Амансыз ба! Здорово, Петрович!— улыбался с коня Алкыбай.

— Здравствуй, Алкыбай! Живой Аю?

— Слава богу, живой. Хромой стал, да ничего — долго жить будет...

Аю, услышав голос егеря, поднял шерсть на загривке и зарычал. Василий Петрович невольно отступил назад.

— Неужто помнит обиду?

— Наверное, помнит.

Алкыбай привез с собой вина, он был весел, доволен прошедшим летом: овцы возвращались с джайляу сытые, тяжелые, и Аю, молодец, хорошо помогал.

И опять старики сидели, чаевали.

— Будь они неладны, твои овцы,— сказал между прочим Василий Петрович,— они все топчут и объедают. Это что за горы после них — срамота одна!

— Овец ругаешь, а мясо любишь!— засмеялся Алкыбай.

— Будь моя воля, я бы вовсе отказался от мяса, лишь бы не губили овцы природу!

— Мои предки кочевали по этой земле тысячи лет,— говорил Алкыбай, поглаживая рукой бороду.— Много было скота... И были птицы и звери, джейраны и куланы были...

— Куланы? Дикие кони?

— Были, да... Вот там,— он показал рукой,— от гор к реке идет глубокий сай... как по-русски не знаю.

— Овраг?

— Овраг, овраг... Правильно. Старики говорили — овраг сделали люди. Все заросло травой, кустами, но все равно видно — делали люди!

— Да, да,— заинтересовался Василий Петрович.— Я тоже замечал.

— Жил в этих местах богатый хан Шигай,— говорил Алькбай.— Сын его Каим был большой охотник. Только никак не мог выследить белого кулана, вожака большого табуна, уходил тот всегда от погони. Однажды на охоте заснул Каим неподалеку от родника. Проснулся, видит — стоит у воды белый вожак, а рядом много куланов. Пустил стрелу Каим, не знал он промахов. Заржал вожак, поднялся на дыбы и упал на землю. Засмеялся Каим, подбежал к поверженному кулану и стал вынимать стрелу. Вдруг ударил копытом белый вожак, так сильно ударил, что ханский сын тут же умер...

Разгневался и огорчился хан Шигай, узнав о гибели сына. И повелел прокопать глубокий и широкий ров от подножья гор до реки. Выполнили подданные повеление хана. Воины растянулись цепью по степи и шли, бряцая оружием. Испуганные куланы бежали, прыгали и падали на дно оврага, ломая ноги. А ханские слуги добивали их стрелами... Так отомстил хан Шигай за смерть своего сына. Много куланов погибло тогда, кровь текла по оврагу и красной была вода реки...

— Неужели так было?

— Кто знает... Рассказывали старики.

Подивился легенде Василий Петрович и будто открылась еще одна тайна древней земли Алкыбая.

— До свидания, Петрович, спешить надо...

Проходили отары овец, проходили дни, месяцы, утекала вода. Осенью шли дожди, а зимой дули ветры, иногда бывало наносили сугробы снега до самой крыши и тогда неделями не появлялся в этих местах никакой транспорт. Потихоньку пристрастился Василий Петрович к чтению. Первое время читал справочники да книжки о птицах и

зверях, что купил на книжном рынке, потом перешел на рассказы натуралистов — это было интересней, попадались прямо-таки живые страницы. Много было написано о стариках. То были иные старики, не похожие на него, все больше мудрые, да добрые, кряжистые и здоровые, никто не мог угадать их возраст, давали меньше лет. Далеко ему до тех стариков... Прочитал он одну книжку про старика, который ловил большую рыбу и очень жалел ее. Это был настоящий, живой старик, он будто говорил с ним, и на лице его, иссеченном глубокими морщинами, печально и непокорно улыбались в узком прищуре глаза. «Как хорошо,— говорил тот старик,— что люди не научились охотиться за звездами». Старику снились львы на желтом берегу, и он был счастлив. Василий Петрович тоже чувствовал себя счастливым. Он научился смотреть на цветок, на камень, на травинку, смотреть долго, часами. Каждый раз, уходя, он знал, что если бы задержался, постоял, то открыл бы в цветке что-нибудь интересное и трогательное и даже в камне нашел бы новое. Каждая травинка звала посмотреть на себя, остановиться. «Вот она какая роскошь, природа»,— замирало сердце у Василия Петровича. И казалось ему иногда, что одному и не справится с нахлынувшими чувствами и мыслями. А поделиться было не с кем. Разве что с Хромоножкой поговорит, когда она подходит к костру, пугливо поглядывая на пляшущие языки пламени своими большими влажными глазами...

5

Издалека увидел егерь хвост пыли, стелющийся за машиной. Зеленый «уазик» остановился у кордона.

«Санька!» — радостно подумал он. Санька был не один, на лавке сидел гость, молодой еще, полноватый, с сединой в волосах.

— Здравствуй, отец! — сказал Санька, идя навстречу,

и гость приподнялся с лавки.— Это заведующий лабораторией — мой начальник.

Санькин шеф, тот самый, которого они ругали со снохой за глаза, протянул руку и назвал себя:

— Павел Евгеньевич! Решили вот отдохнуть, развлечься... Не возражаете?

— Нет, отчего же? Отдыхайте, пожалуйста. Сейчас чайку заварим... Развлечений особых здесь нет, но природа особая — ее только понять надо, почувствовать...

— Спасибо,— вежливо отвечал Павел Евгеньевич. Он полез в машину, покопался там и вошел в дом со свертками, огляделся... В избе не было ничего такого, что бы говорило о характере, о каких-то установившихся привычках хозяина. В комнате было очень просто: две кровати, стол и полка с книгами. Была еще одна полка — хозяйственная, на которой поблескивал ряд стеклянных банок, наполненных ягодами шиповника, барбариса, селитрянки, на гвоздях висели пучки сухих трав. Василий Петрович любил угощать гостей витаминным чаем, многим этот чай очень нравился.

— Отец — пенсионер,— говорил Санька каким-то не своим голосом.— Пенсию приличную получает, а не хочет жить дома.

— Охотник, наверное, Василий Петрович?— спросил Павел Евгеньевич.

— Какой я охотник?— возразил Василий Петрович.— Кеклики прямо к дому прилетают, как тут будешь стрелять?

Василий Петрович, отметив простоту гостя, удивился себе — никогда прежде он не присматривался с таким вниманием к людям, как здесь, на природе. Что-то настораживало. Санька будто вылинял, говорил с натянутой улыбкой. Кто знает — может, стеснялся, что у него такой простой отец?

Василию Петровичу предложили выпить коньяку, но он, как всегда, отказался.

— У отца сердце пошаливает,— вступился за него сын.

— Я вам ухи сварю!— вспомнил Василий Петрович про утренний улов.

— Нет, нет!—запротестовал шеф.— Уху оставим на вечер. Уха хороша у костра!

К вечеру гость окончательно освоился, стал рассказывать о своих охотах, по-охотничьи привирая и смеясь, хвастал, как хорошо он стреляет и даже решил попробовать, принес из машины мелкокалиберную винтовку и действительно попал с тридцати шагов в банку, поставленную у костра. И Василий Петрович разговаривал с ним уже по-свойски и казалось ему, что никакой это не шеф и не начальник, а просто хороший парень подсел к огоньку и балагурит, чтобы повеселить компанию. На нем была зеленая полевая штормовка и выглядел он таким чудаковатым и бесшабашным молодцом. Он уже несколько раз сказал Василию Петровичу «папаша».

— А вы знаете, Василий Петрович, как бьет моя винтовка?

— Нет, пока не знаю,— улыбнулся егерь.

— Она бесшумная! Чик — только и всего...

К костру осторожно подошла, выплыла из тьмы Хромоножка и отпрянула — испугалась гостей.

— Иди, иди, глупая, никто тебя не тронет.

Хромоножка шла на знакомый голос, но косилась на приезжих, поводила настороженными ушами.

— Какая прелесть,— изумился гость.— Как вы ее приручили?

— Подстрелили охотники, вот у меня и живет. Куда ей теперь податься? В горах, в степи — волки... Собака однажды чуть не поймала.

— Как хорошо здесь,— Павел Евгеньевич повертел головой, оглядываясь по сторонам, посмотрел на небо.— Завидую, честное слово, завидую! Особенно ночи хороши! Какие звезды...

— Здесь всегда хорошо, в любую погоду. Надо только

уметь смотреть. Вот, к примеру, полынь — самая рядовая травка. А посмотришь на нее ранним утром, вдохнешь запах...

— Папаша, мы люди городские, встряхнуться бы нам, развлечься... Вот бы нам с Сашей, то есть с Александром Васильевичем,— гость улыбнулся,— немножко поохотиться? Никто ведь не узнает...

Василий Петрович осекся на полуслове. Вопрос прозвучал вкрадчиво и непринужденно, можно было подумать, что это всего лишь шутка. Но Василий Петрович уже знал — шеф приехал охотиться, он ехал двести километров от города не за тем, чтобы любоваться травками и слушать егерьские сказки. Не такой он человек, чтобы заниматься несерьезными вещами.

Можно было свести все к шутке и так же легко и непринужденно отказать. Но Василий Петрович тяжело молчал. «Вот вы как,— проносилось в его мозгу,— вот как? Обложили!» А гость будто не замечал ничего, все так же звучал у костра уверенный голос, слышался смех. Казалось, что вопрос был задан случайно, вскользь, все уже про него забыли и ответа не ждали. «Да понимает ли он, о чем просит?— думал Василий Петрович.— И чем он лучше Клима, этот красивый, образованный, имеющий и вес, и уважение в обществе? И Санька изо всех сил стремится стать таким же». И уже спокойная злость закипала в нем, ум просветлялся.

— Здесь не охотятся, тем более летом... Только по редким лицензиям... Для науки. Это место заповедное!— сказал он скованным голосом.

Павел Евгеньевич улыбнулся.

— Ну что ж. Нельзя так нельзя... А уха хороша!

— Да вы понимаете, о чем просите?

— Успокойтесь вы, папаша,— в голосе слышались удивление и жалость.

— Я вам не папаша!—повысил голос Василий Петрович. Хромоножка шарахнулась от костра в темноту.— У ме-

ня есть имя и отчество!— Василий Петрович окончательно расстроился, поднялся и пошел от костра. У него слегка покалывало в груди. Так вышло нехорошо. Можно бы и помягче, раскипятился, словно двадцатилетний. Некрасиво...

— Крутоват твой папаша — слышал он сухой голос сынова шефа. И подумал: «Саньке тоже нехорошо сейчас. Но что он-то может? Позволить этому противному и хитрому человеку стрелять дичь?» И опять с новой силой завладела им злость — взять бы ружье, шагнуть к костру: «А ну, уходи отсюда!» Не зря сноха говорила... Ветки хлестали по лицу, но Василий Петрович не чувствовал боли. Он вышел в степь — в вышине блестели мелкие тусклые звезды, пыль висела в воздухе. Стало знобить. У костра он сидел в одной рубашке, так и ушел, а здесь тянуло холодом. Летучая мышь металась крутыми зигзагами, будто не зная, куда себя деть. Сова плыла плавно, бесшумно и вдруг шарахнулась в сторону, испугалась чего-то. О разном думал Василий Петрович: о тех, кто приходил сюда стрелять, одни по недомыслию, другие хитро, расчетливо, но вот явился умный, образованный человек — и то же молчание совести...

— Вот когда совесть заговорит, вот тогда..,— произнес он, обращаясь к кому-то, кто мог понять его: к степи, к небу, к сове, шарахнувшейся за дерево. «Зачем же я так мучаюсь? Ведь не мне здесь жить, мне-то сколько осталось... Я же для вас... А для кого, для вас? Не для Павла же Евгеньевича? И даже не для Саньки, нет... Для кого-то еще. Кто придет в этот дикий мир, увидит эту воду, пыль из-под копыт джейрана! Увидит и прослезится...»

Он вернулся к дому, опустился на лавку, над которой нависла густая крона туранги. Слышно было, как в дупле дерева возятся сычи.

Скрипнуло крыльцо. Санька искал его.

— Отец, вот ты где...

— Ты не спишь?

— Нет.

Санька сел рядом, курил и молчал.

— Ну в какое положение ты меня ставишь, отец? Это мой шеф, от него во многом зависит — быть мне ученым или нет. Что тебе стоило... Если бы ты знал, как трудно пробиться без поддержки.

Василий Петрович помолчал, потом тихо произнес:

— Попросить прощения у твоего шефа?

— Ну что ты, отец...

— А что? Я попрошу ради тебя.

— Не надо, отец, что ты...

— Тогда и ты не унижайся, Саша. Есть талант — будешь ученым, а нет — не надо им быть. Только место занимать... Я так думаю.

Санька ушел, спотыкаясь в темноте, а Василий Петрович еще долго сидел на скамейке, подрагивая от холода. Потом пошел спать, но не спалось, все думал о сыне...

Утром он встал пораньше, чтобы развести огонь и вскипятить чай. На душе было пусто, нехорошо. Павел Евгеньевич, как только встал и умылся, подошел к Василию Петровичу.

— Простите меня и не обижайтесь,— сказал он.— Вы очень честный и принципиальный человек. И я вас уважаю, поверьте.

«Вы что, и приезжали за тем, чтобы проверить мою принципиальность?» — возникал вопрос, но егерь промолчал, так-то будет лучше.

Уезжая, шеф приветливо махал рукой и улыбался. И оставил Василия Петровича в растерянности: «И что за человек, бог его знает...» Так и не понял он Павла Евгеньевича, но очень не хотел, чтобы он приехал еще. Вот Санька... Машина давно пропала из виду, а егерь все сидел и смотрел на дорогу, на которой отпечатался четкий след новых шин.

6

В траве, в деревьях, в воздухе витало то душное и тревожное напряжение, что всегда предшествует непогоде. «Хоть бы дождь прошел»,— подумал Василий Петрович и посмотрел в насупившееся темное небо без единой звездочки.

Земля высохла, потрескалась... Хорошо бы дождь прошел.

Вдруг со стороны реки негромко глухо бухнуло. Дважды выстрелили. Василий Петрович прошел за дом на пригорок. Фарили где-то неподалеку от Климова кордона. Что он, в город уехал? Спит, что ли? Надо ехать! Где Парниша? Конь пасся недалеко от дома, у ручья. Василий Петрович надел на него узду, подвел к крыльцу и привязал за стойку. Привычный ко всему Парниша спокойно ждал, наблюдая умным глазом, как хозяин выносит потник, седло, потом выходит с ружьем.

... Цокая коваными копытами, конь нес седока в темень. Не с большой радостью ехал Василий Петрович на встречу с теми, кто шарил по темным кустам фарами. Век бы он их не видел, но они приходили и надо было ехать выручать все то, что спало ли, бодрствовало ли под покровом темной ночи и уж подавно не желало этого нежданного блеска в глаза. Разве можно не ехать? Как же не совестно тебе, Петрович, скажет трава или река, пришел вот смотришь, дышишь, говоришь, а где же ты был, когда зайцев стреляли...

Вот низина, и холодом пахнуло от реки, плеснула волна спросонок. И дрогнуло радостью сердце от этого знакомого плеска и сжалось от другого звука, что донес ветер. Дальний свет ударил в глаза, Парниша всхрапнул и попятился. Уж надо было подумать и о том, чтобы не получить шальной заряд — тряхнется машина на ухабине, дрогнет рука и полетит свинец в ночь, поющую, стонущую, живую... Машина близилась, подпрыгивая и гремя

на кочках. Это был крытый брезентом грузовик. Водитель не жалел государственную технику. Не жалел он и кустов, под которыми могли быть и птицы, и зверята, жуки и муравейники. «Ах, бессовестные!» — стиснул зубы Василий Петрович. Машина прошла в каких-нибудь двадцати метрах, и егерь подал коня назад, еще заметят не вовремя. Он видел, как заяц петлял в ужасе в белой прыгающей полосе света, и сам заяц был неестественно белым, как будто смерть уже коснулась его. Ударило сразу два выстрела, заяц продолжал бежать, растерянно приседая, потом еще грохнуло и зайца как подрезало. Машина остановилась. Пора! Василий Петрович тронул каблуками Парнишу. У машины гоготали изрядно выпившие охотники.

— Мазила! — кричал один. — Тебе только по привязанным стрелять!

— Давай пари! Кто больше набьет?

Охотник, несший убитого зайца, уставился на егеря круглыми от изумления глазами.

— Ты что, дед? Откуда ты взялся?

— Я егерь! — Василий Петрович был очень спокоен — пусть они смотрят на него недобро, пусть их больше в четыре или пять раз, ничего они не посмеют ему сделать, не в первый раз он останавливал браконьеров.

— Ружье тебе? А этого не хочешь? — матерно выругался кто-то в машине.

Василий Петрович спрыгнул с коня, подошел к человеку, державшему зайца, сжал пальцами теплые стволы, пахнущие сгоревшим порохом. Тот послушно отпустил ружье.

— Ты обнаглел, старик! — раздался тот же голос из машины. — Мы с разрешения Совенко! Клима не знаешь?

— Документы? — потребовал Василий Петрович, вглядываясь в белеющие в кузове лица: но только одного человека запомнил хорошо, того, что нес убитого зайца. И еще запомнился ему голос за спиной:

— На тебе документы, божий одуванчик!

Все поплыло перед глазами, закачалось, тупая боль пронзила затылок.

— Ух...— выдохнул он и повалился на траву.

Когда Василий Петрович пришел в себя, была еще ночь. Холодные капли дождя падали на лицо. Он пошевелился, потрогал ноющий затылок, вытер о штаны кровь с руки, усмехнулся... Ружье лежало под ним и больно упиралось в бок. Он встал, поднял ружье, подвигал затекшими плечами. Дождь шелестел по травам, по колючим кустарникам, земля намокла, и он выпачкался в грязи, поднимаясь.

— Вот так,— пробормотал он, вспоминая ночное происшествие. Тугай дышал ему в лицо свежестью мокрых листьев, от обрывов веяло теплым запахом глины. И будто силы, молодость несли эти запахи.

— Парниша!— позвал он. Конь отозвался звонким ржанием, ему уже хотелось домой, но он не уходил, ждал хозяина.

— Парниша! Спасибо, друг,— поблагодарил его Василий Петрович, с трудом влезая в седло.

Ночь была темная, тропы не видать, и Василий Петрович полностью доверился Парнише. Плескалась в темноте река, ноги задевали какие-то мокрые ветки, отовсюду летели холодные брызги...

Утром, только он успел почистить одежду, явился Клим.

— Здорово, Петрович! Как дела?

— Ничего,- отозвался егерь.

— Как ты тут? Давно не виделись. Жив, здоров?

Василий Петрович взглянул на Клима, что он действительно ничего не знает? «Знает, шельма»,— решил он, заметив с каким напряжением поглядывает на него Клим, словно чувствует вину и ждет чего-то неприятного.

— Разговаривал с городом...— сказал Клим.
Василий Петрович промолчал.
— Что это ты? Не интересуешься...
— Да так...
— Спрашивают, как с браконьерами у нас? Озоруют или тихо?
— Что же ты ответил?
— Да тихо пока.
— А вчера фарили.
— Да ну? Где?— подскочил Клим.
— Почти у твоего дома. Ты не слышал?
— В совхозе был, Петрович. Задержался, приятелей встретил, то да се, сам знаешь... Ты гляди, а? Будто знали, что меня нет.
— Сказали, что ты разрешил!
— Кто сказал?
— Браконьеры!
— Да ты что, поймал их?
— Не поймал, но одного у тебя видел...
— Это ты брось, Петрович! Никому я не разрешал! Мало ли чего набрешут, ты только слушай!
— Ты, помнится, и сам говорил...
— А я не смогу сболтнуть лишнего?
— Хитер ты, Клим, тебя в ступе толкачом не поймать.
И они встретились глазами, два человека, такие несхожие, чуждые друг другу. Пропасть лежала между душевным миром одного и другого.
— Ты нечестный!— выдавил из себя Василий Петрович, глядя в глаза Климу.
Круглое лицо Клима удлинилось, побледнело.
— А... честность,— заговорил он.— Что честность? Если бы все были честными, я бы тоже... А так — глупость... Да делай я по-твоему, ну и что? В рваных штанах ходил бы! И никто бы не заехал ко мне... Глупый ты старик. Глупый! Да пошел ты...

Клим сел в машину и уехал, не попрощавшись.

Лицо Василия Петровича выражало не злобу, не презрение, а растерянность и недоумение.

— Скатертью дорога,— неуверенно проговорил он.

...Осень накатывала, а все стояли теплые дни. Только по утрам, когда холодели щеки и от дыхания поднимался пар, видно было, что уже не лето. Давно никто не приезжал к Василию Петровичу. Заскочил как-то районный инспектор Худяков, да и то, как он выразился, прореагировать на сигналы граждан. Инспектор хорошо знал егеря, поэтому не счел нужным таиться.

— Показывай, Петрович, свою «ферму» диких копытных!

— Что показывать, разве ты не знаешь?

— Хромоножка?

— Был еще барсук, да ушел...

— Кто-то тебя очень не любит,— покачал головой Худяков.— Кто же, а?

— Известно кто, да соседей не выбирают.

— Слышал я об этом деле. Вызывали в милицию и Клима Совенко, и шофера. Отказались от всего, а свидетелей нет... Однако кончилась его спокойная жизнь. Крепко ты ему мешаешь, Петрович. Вон он и злится... Но погоди, я сам им займусь!

Посидел Худяков, поговорил, сказал даже такое:

— Хороший ты егерь, Петрович! И человек хороший! С тобой бы я работал с большой охотой.

И уехал.

И снова потянулись осенние дни, нескучные дни, наполненные работой, заботами и размышлениями. Как-то, копаясь в книгах, прочел Василий Петрович такие строчки: «В моей душе лежит сокровище, и ключ поручен только мне...» Поморщился — что за чушь? Но прицепились строчки... Долго он бился над ними, никак не мог понять. Опять же — не напишет большой поэт, ни взвесив, ни обдумав как следует? Нет, он так сказал не случайно. И

вдруг до него дошло! Сокровище! Да это то, чему служит он, это особая сила, доброта, способность понимать плеск реки, запахи трав и камней, а кто не владеет «сокровищем», тот пуст, и пустоту эту не заполнит ничто: ни слава, ни почести, ни богатство...

С Климом не очень-то поговоришь о «сокровище». Не надо ему! Санькиного шефа бы спросить, что он думает? Стихи, скажет, люблю, а про «сокровище», пожалуй, не поймет. Не в грамоте тут дело, а человека сразу видно. Вспомнил Василий Петрович сына — давно не приезжал, и загрустил...

7

Зима выдалась суровой и многоснежной. Чуть ли не целую неделю гудел ветер над крышей избушки, кружил под окнами снежную карусель. Но сникла непогода, утихомирилась и утром проклюнулось солнце.

Вышел Василий Петрович на крыльцо — ох, какой мороз! Бело и мертво кругом, только отблески утреннего солнца играют, переливаются на нетронутом снегу. Ни голосочка, ни писка пичуги — так непривычно тихо после затяжной метели. Тяжело сейчас и зверю, и птице. Взялся за лопату Василий Петрович. Только к вечеру и разогнулся... А вон уже кто-то там копошится на расчищенном... раз, два... восемь кекликов! И не заметил как прилетели.

— Здравствуйте,— говорит Василий Петрович, щурясь от яркого света.— Теперь рядом жить будем, поди уж до весны...

Рад, что кеклики прилетели, а то скучновато все же зимой. Собаки не хватает. Сгинул Пират неведомо куда. Умную б с собаку, чтоб не бегала зря где попало, не пугала птицу, чтоб поговорить можно...

Завтра надо на лыжах пройти, посмотреть, что там и как.

На следующий день опять хмурилось небо, будто снег

собирался. «Это куда же столько валит да валит, никакой меры не знает погода. Худо будет зверью, ох и худо...» — разговаривал сам собой Василий Петрович, скользя на лыжах вдоль пологого склона и поглядывая на низкие тучи.

По снегу узоры мелких следочков: мыши, горностаи, и ласки наследили — как ни злись зима, а жизнь идет... Снег взрыт, неровные борозды нетляют, то сходятся, то вновь разбегаются в разные стороны. Это джейраны шли от куста к кусту, обгладывали солянки, побеги тамариска, откусывали кое-где торчающие из снега верхушки полыни. Весь короткий зимний день они будут добывать свой нелегкий корм, а ночью залягут где-нибудь в прилавках под обрывом, укрывшись от ветра... А вдруг волки? Куда бежать по такому глубокому снегу? Последить за ними надо бы...

Две ровные линии пересекли снежную равнину. Лыжня! Василий Петрович подошел, остановился... Кто же это мог быть? Шел без палок. Человек был тяжел, лыжи глубоко проваливались, а снег ломанными ошметками разлетался в стороны. След повел на холм. На вершине человек остановился, потоптался на месте. Осматривал долину, размышлял... Он тоже видел борозды джейранов, может, высматривал табунок? Вот покатился вниз по тропе, полого сходящей в обход крутого спуска. Местность знает... Уверенно катится, без всяких предосторожностей. Матерый, видно, браконьер, такие просто не даются.

Донеслось далекое приглушенное «тук, тук, тук» То ли три выстрела, то ли эхо разнесло один хлопок? Опоздал! Прищурясь, напрягая зрение, он всматривался в ту сторону, откуда прилетел выстрел, но никакого движения, ничего живого на белой равнине, испятнанной ближе к горам куртинами невысоких курчавых деревцев. Где-то там притаился браконьер! Да это Клим, наверное! Ждет опять нужных гостей и решил угостить их мясом джейрана. Он! Больше некому!

Василий Петрович повернул по следу к балке и пошел быстро, широким шагом, легко отталкиваясь палками. Вот и кусточки показались: карагана, гречишка, что росли по крутым склонам. Старый егерь остановился, оперся рукой о ноздреватый камень, обжигающий холодом,— почувствовал усталость, где-то глубоко в груди легонько кольнуло. Балка просматривалась метров на пятьсот, где-то здесь и должен по его расчетам появиться браконьер. Это была та самая балка, ров, который выкопали по повелению хана Шигая. «До сих пор служит нехорошим делам...» — подумал Василий Петрович. Надо бы по следу назад вернуться... не сообразил сразу, не подумал, что это Клим... Там, у дороги, должна быть машина, у него сильная машина, ей и снег нипочем. Там бы и ждать. Да теперь уж поздно...

В заснеженной степи он вдруг увидел человека, скользящего на лыжах. Выходит, Клим заметил его раньше и теперь уходил другой стороной балки. Ну что ж... Он старался дышать спокойно, ровно, бежать ему было легко по чуть наклонной поверхности. Климу было тяжелей, за его спиной висел рюкзак с добычей. И палок у него не было. Расстояние сокращалось, только вот чуть покалывало в нижней части груди и это беспокоило Василия Петровича. Сердце... А что он сделает, если догонит? Этого он не знал.

Снег вдруг посыпал крупными хлопьями. Впереди что-то темнеет. Машина! Так ведь и уйдет Клим почти из рук.

— Стой!— крикнул Василий Петрович.— Стой!— сдернул с плеча ружье и выстрелил вверх. Выстрел ударил слабо, звук как бы застрял в густом снегопаде.

Клим неожиданно оказался близко, молча вырос в снежной пелене. В руке ружье. Усмехнулся...

— Что ты бежишь, Петрович? Или не узнал? Или акт хочешь написать на соседа? Не по-соседски это. Смешной ты старик, честное слово...

Василий Петрович побелел от гнева.

— Зачем убил?

— Надо!— отвечал Клим.

— Вот ты как?— задохнулся Василий Петрович. Он понимал, что говорить бесполезно, что здесь ему не придут на помощь ни жизненный опыт, ни книги, которые прочитал. Он позабыл все хорошие слова, злоба заполнила его. Рука впилась в цевье ружья так, что побелели пальцы.

— Не балуй ружьем, Петрович,— опять усмехнулся Клим.— Я ведь тебя знаю... Ты кеклика убить не можешь, где тебе в человека пальнуть... Да и зачем?

Клим был спокоен, даже снисходительно добродушен.

— Что ты на меня взъелся? Что я тебе сделал? Ты любишь джейрана, жалеешь... Что джейран? Надо, чтобы человеку хорошо было!

Клим повернулся, вразвалку пошел к машине. Рюкзак за его спиной снизу был красный.

— Пожалеешь ты, Клим!

— Ладно, Петрович, пока...

Хлопнула дверца. Машина тронулась. Темный квадрат кузова, удаляясь в снег, потерял очертания, стал кругом, а потом темным пятном.

Василий Петрович, уронив в снег ружье, смотрел вслед...

Постепенно злость его проходила, сменялась трудной думой, что теперь-то делать? В груди росла ноющая, тупая боль...

САЙКАН

Сайгачонок лежал в небольшом углублении под кустом тамариска и слышал, как долго, уныло и монотонно гудел ветер, играя жесткими, как проволока, ветвями. Постукивая копытами, подходила мать, он чувствовал приятное прикосновение ее теплого шершавого языка. Потом она уходила, шаги стихали, снова протяжно и долго свистел ветер.

Был день, когда он впервые раскрыл глаза и тут же испуганно сомкнул веки — по зрачкам ударила ослепительно яркая синева неба. Мир, окружающий его, состоял из протяжного гула и синего света...

Неожиданно послышалось: чек-чек-че-рек. Уши сайгачонка дрогнули — перед ним покачивались серовато-зеленые былинки, источая приятный и терпкий полынный запах. Чуть дальше лежал большой темный камень. Маленькая птица бегала по нему, размахивая крыльями. Вот она подпрыгнула, какое-то мгновение повисела в воздухе и пропала. «Чеканье» тотчас прекратилось. Выпуклые черные глаза сайгачонка блеснули, он моргнул и приподнял голову. Но птицу не увидел. Сайгачонок продолжал упорно искать ее, вертел головой в разные стороны, пока не утомился и не задремал.

К вечеру, когда стало прохладно, он очнулся. Та же земля кругом, те же кусты. Но что-то все же изменилось. Свет был не таким ярким, от большого камня на землю легла длинная черная тень. Ветки кустарников уже не раскачивались, и гула ветра не слышалось. Нечто сложное, переменчивое, непонятное окружало его.

Мать его вдруг испуганно всхрапнула и унеслась в степь. Сайгачонок, никогда прежде не слышавший сигналов опасности, все же распластался по земле. Голос матери разбудил рефлекс, который существовал в глубинах его мозга. Он слышал топот сотен копыт, запаленное дыхание животных, храп...

Потом все стихло, сайгачонок поднял голову, прислушался. Он ждал — придет мать, лизнет шершавым теплым языком и снова станет спокойно, уютно и приятно. Но она не приходила. Он ждал день, ночь. Наступил новый день, а матери все не было.

Но вот послышались голоса, тяжелые шаги; ком земли упал сайгачонку на спину. Малыш очень испугался и неожиданно для самого себя заревел низким басом.

— Ого, посмотрите на этого красавца! — раздался голос. Над сайгачонком склонились странные, незнакомые ему существа.

— Ну и урод! — говорили люди.

— Носище, что твой хобот!

— Худой какой!

...В тесном мешке сайгачонок скоро успокоился и даже задремал...

Так он попал в лагерь геологов и был назван Сайканом.[1] Человек, которого звали Марком, принес сайгачонка в свою палатку, открыл банку сгущенного молока, развел его теплой водой и поставил чашку перед носом Сайкана. Малыш понюхал угощение, подвигал длинным носом, попробовал. После еды он снова заснул. Среди ночи он иногда чувствовал легкое прикосновение руки человека, но это нисколько не беспокоило его,— рука напоминала ласковый язык матери.

Скоро сайгачонок окреп, освоился в новой обстановке. Собственно, он ни к чему и не успел привыкнуть за те несколько дней жизни на воле, все окружающее казалось ему естественным, таким, каким и должно быть. Ему не хватало матери, ее ласки, ее молока, но кто знает, может, так и надо? Он быстро научился отличать Марка от других людей. Тот всегда приходил с банкой сгущенки, и в шутку товарищи называли его кормящей матерью.

[1] Сайкан — шквальный, сильный ветер на Алакуле.

Однажды в лагере геологов появился инспекторский газик, приехал областной охотинспектор Иван Демьянович. Он был человеком веселым и общительным. Вежливо и даже с каким-то обаянием исполнял он свои обязанности охотинспектора, надо сказать, не всегда приятные. Стоило ему обнаружить, как он выражался, «факт браконьерства» — наказывал по всей строгости.

— И что за человек? Вчера сидели вместе, шутили, а сегодня — акт составил,— обижался кто-нибудь из тех, кому довелось попасться с незаконной добычей.— Он на родного брата акт составит!

— А это что такое?— увидел Иван Демьянович Сайкана.

— Сайгак...

— Вижу, что сайгак. Кто поймал?

— Я поймал...— подошел Марк.

— Зачем?

— Ну, любопытно, Демьяныч... Посмотреть на него вблизи...

— Чем кормишь? В поселок за молоком ездишь?

— Сгущенкой обходимся...

— А ты знаешь, что ловить и содержать в неволе животных запрещено?

— Да я не выслеживал его, капканов не ставил. Он был худой, как скелет. Пропал бы, наверное...

— Как знать, как знать,— Иван Демьянович тяжело сел на заскрипевшую под ним раскладушку и погладил сайгачонка.— С чего бы ему так отощать?

— Не веришь? Ну, что ж, уплачу штраф! Если предъявишь!

— Погоди, не кипятись! Ты что, с собой его хочешь забрать?

— Нет, оставлю, пусть пока с нами поживет...

— Он все равно погибнет. Приучишь ты его к молоку, к хлебу, какой это будет дикий зверь? На воле — борьба за существование, и все такое...

— Не погибнет...

— Сам не умрет, так первому хищнику достанется.

— Он бы уже не жил, Демьяныч! А вот живет...

— Ладно,— сказал инспектор.— Пусть живет!

Сайгачонок рос, люди радовались, глядя, как он проносится на полной скорости возле палаток или нападает на кого-нибудь, играя.

Однажды Сайкан умчался далеко в степь, словно его неожиданно стеганули камчой. Он бежал долго, следом стелилась сизая пыль. Решили — сбежал.

— Знаете, что такое зов предков?— глубокомысленно изрек за обедом молодой шофер Костя.— Вот то-то и оно! Услышал он этот самый зов и ушел, куда глаза глядят. Теперь в наш лагерь ничем не заманишь. Умрет, но не вернется...

Сайгачонок бежал, равномерно постукивая копытами по сухой земле и время от времени высоко подпрыгивая. Степь, без конца и края, похожая на зеленый туман, лежала кругом. Воздух пьянил, неведомые прежде силы вливались в его мускулы, он в восторге летел как птица, без цели, без направления. Но вот он споткнулся о камень, расшиб в кровь ногу и, пробежав еще несколько шагов, остановился. Затуманенный взгляд прояснился, и сайгачонок вновь почувствовал себя маленьким и беспомощным.

Здесь ландшафт был иным — до самого горизонта простиралась равнина, покрытая щебнем и редкими кустиками полыни и биюргуна. В возрасте Сайкана сайгачата живут под опекой матери, которая и кормит их, и заставляет затаиваться в случае опасности. А он был один посреди большой пустынной равнины. Ему стало страшно, и малыш закричал своим грубым, низким голосом. Никто не отозвался. Из-под ног шмыгнула серая тень, качнулся куст полыни — на сайгачонка уставились неподвижные глаза ящерицы-агамы. Он боязливо попятился от странного существа... Высоко в небе проплыл черный

силуэт беркута, но орел пролетел далеко и не заметил сайгачонка.

Темнело... Оранжевый свет на западе сменился темно-малиновым, потом фиолетовым. Сайгачонок побрел в сторону заката, туда, где еще не совсем погасли отблески солнца. Но вот позади возникло новое зарево — всходила огромная красная луна, какая бывает только в пустыне. Сайкан развернулся и пошел к луне. Так, меняя направление, бродил он очень долго. Идти было легко, луна поднималась над землей, бледнела и равнина сделалась белой с редкими темными пятнами невысоких кустарников. Сайгачонок набрел на колею дороги и направился по ней. Далеко-далеко блеснул огонь костра, яркий цветок, который он видел так часто...

— Сайкан! — послышался голос. — Смотрите, вернулся!..

Навстречу, шурша сапогами по гравию, двинулась знакомая фигура... От сладкого запаха молока кружилась голова; сморщив нос, он торопливо ловил губами соску — резиновый палец от перчатки, натянутый на бутылку, — наконец поймал и стал жадно, захлебываясь, пить...

Прошло три месяца. Ослепительные, раскаленные дни сменялись темными свежими ночами, когда светили яркие звезды и ветер приносил терпкий запах полыни. Сайкан окреп, на голове его появились маленькие черные рожки. Его уже не кормили молоком, он ел траву — полынь, типчак, биюргун, надолго уходил в степь и снова возвращался. Однажды он прибежал возбужденный, испуганный, по коже пробегала дрожь, глаза блестели. Сайгак высоко подпрыгивал и все оглядывался назад. Далеко, на холме, стоял волк, подняв свою лобастую голову. Постоял, повернулся и ушел за бугор.

Между тем все сильнее ощущалось приближение осени. Люди надели теплую одежду. Сайкан раздувал ноздри — порой он ловил непонятно знакомые, зовущие за-

нахи своих сородичей. Антилопы начали откочевывать на юг. Сайкан, конечно, не помнил, что у него была мать — молодая стройная сайга: он знал одно — степь, ветры, днем горячие, ночью холодные, и спасительное пристанище — около палаток.

Иногда случались пыльные бури: ветер нес песок, забивая глаза, пытался сорвать и унести палатки, и Сайкан, раздвигая мягкие парусиновые двери, забирался внутрь.

— Как же ты один будешь жить? Сможешь, а? — спрашивал Марк, поглаживая жесткую шерсть сайгака. Сайкан тыкался в темноте своим большим мягким носом в плечо человека и тихонько похрюкивал.

Но вот наступил день отъезда. В лагере было необычно шумно, оживленно, а ночью пылал огромный костер, на котором по традиции сжигали старые, никому ненужные вещи, специально сохраняемые для этого случая. Долго не смолкали смех, песни...

Сайкан ушел на вершину холма и оттуда наблюдал за лагерем, где металось оранжевое пламя костра, выхватывая из темноты черные фигуры людей.

Невдалеке виднелись полуразрушенные мавзолеи давно заброшенного степного кладбища. Оттуда разносились крики сычей, да изредка слышался протяжный вой волка. Лунный свет заливал мертвое однообразие степи, и Сайкан, замерший на вершине, словно выточенная ветром и солнцем статуя, придавал законченность этой сказочной картине. Здесь была его родина, здесь миллионы поколений древних животных жили и умирали, еще в те далекие времена, когда на земле не было ни одного разумного существа.

Утром все пришло в движение: люди суетились, бегали, грузили на машину вещи. С недоумением смотрел Сайкан, как в одно мгновение исчезли палатки, в которых так хорошо было прятаться от ветра.

И вот все погружено, упаковано, перетянуто веревка-

ми. На месте лагеря стояли теперь только машина и маленький, по сравнению с ней, тонконогий сайгак со своим несуразно большим мясистым носом.

— Ну что ж, старик, прощай,— подошел к нему Марк.— Мы уезжаем. Да, да... я тоже. Семья, брат, в городе... Будь здоров, Сайкан!

— Ищи своих, Сайкан!— добавил шофер Костя.— Они здесь недалеко. Найдешь!..

Костя влез в кабину, и машина, выбросив из выхлопной трубы сизый клубок дыма, тронулась. Сайгак побежал следом. Глаза его лукаво блестели. Он уже не раз совершал такие пробеги и знал, что где-то в другом месте машина остановится и снова появятся палатки.

Но на этот раз получилось иначе. Машина вышла на накатанную дорогу и прибавила скорость. Сайгак, опустив голову к земле, побежал быстрее, изо всех сил, но машина уходила все дальше и дальше, несмотря на его отчаянные усилия.

Сайкан бежал долго. Но сердце животного не могло соперничать с железным мотором. Бег сайгака становился все медленнее, наконец, он перешел на шаг, потом остановился и огляделся. Машины уже не было видно, только пыль висела в воздухе. После утомительного пробега захотелось пить. И Сайкан, отдохнув, пошел к месту бывшего лагеря. Легкий стук копыт раздавался в мертвенной тишине, да маленькая птичка-чекан попискивала на горячем камне, как когда-то, давным-давно, в день его рождения...

Таз с водой стоял на прежнем месте и был полон до краев, Сайкан напился и, тяжело дыша, лег. Дикая степь простиралась вокруг, что-то тревожное заставляло сайгака неожиданно вскакивать, вслушиваться и принюхиваться к запахам, что приносил ветер. В страхе и одиночестве прошла его первая ночь на свободе.

На следующее утро он, по обыкновению, отправился пастись. Под ногами шмыгали ящерицы, суслики посвис-

тывали у нор. В небе кружили хищные птицы: орлы, грифы — ни один из них не решился бы теперь напасть на подросшего сайгачонка. Когда солнце стало припекать и тени сделались короткими и густыми, он опять пришел к стану, где уже почти ничто не напоминало о людях, разве что таз, в котором еще оставалось немного воды. Волки обходили пока это место, где они в течение долгого времени чуяли людей, поэтому сайгачонок был в безопасности. Люди не возвращались, вода кончилась.

Осенью стада антилоп откочевывают в теплые области, и инстинкт подсказал Сайкану это направление. Несколько раз ему встречались следы сородичей, все они вели в том же направлении. А однажды чуткие ноздри сайгака уловили что-то очень знакомое, так могло пахнуть только жилье человека, и Сайкан решительно повернул в его сторону, ведь он всю свою короткую жизнь провел с людьми. Вдали увидел несколько круглых юрт. Все это было так похоже на лагерь геологов, и Сайкан смело рванулся вперед. Когда до крайней юрты оставалось несколько десятков метров, навстречу с лаем выскочила большая одноухая собака. Сайкан не встречал еще подобных животных, но оно очень напоминало волка. Еще несколько собак устремились к сайгаку. Тогда он круто развернулся и вихрем умчался в пустыню.

Сайкан нашел впадину, в которой сохранилась с весны талая вода, и долго пил, упав на колени. Около воды еще росла трава, и он пасся несколько дней, пока новая опасность не погнала его дальше. Молодой сайгак и не подозревал, что вода привлекает и хищников, и ему пришлось встретиться со своим самым страшным врагом — волком. Он шел к воде, когда ударил в нос резкий опасный запах. От ужаса у Сайкана подогнулись ноги, он попятился и вспрыгнул на глинистый бугор, едва не обвалившийся под ним. Серая тень метнулась следом, но сайгак уже летел во весь дух, дробно постукивая копытами. Волк заходил правее, чтобы нагнать сайгака на остав-

шуюся в засаде волчицу. Сайгаки обычно уходят от погони по кругу, и это помогает волкам успешно охотиться на них. Но Сайкан уносился к юртам, так он спасался когда-то в своей прежней жизни, и это был единственно знакомый ему способ. Волк отстал, и Сайкан остановился.

Долго бродил он по пустыне. Жить одному было странно, трудно, опасно. Животные не способны думать о будущем, у них нет понятия о смерти, только врожденная осторожность, страх перед неизвестным дает им возможность выжить самим и сохранить свое потомство. Этот страх владел Сайканом так сильно, что он почти не мог спать, был в постоянном напряжении.

И вот однажды далеко, у самого горизонта, увидел он стадо рыжих животных, запах которых давно тревожил и манил его. Животные, растянувшись по склону пологого холма, медленно поднимались к его вершине. Да, это были его сородичи. Сайкан пустился догонять пасущееся стадо.

Сайгаки, повернув головы, следили за приближением пришельца. Узнав сородича, они равнодушно отвернулись, продолжая щипать траву. Лишь один сильный рогач-вожак направился к Сайкану, который подрагивал от робости и каждую секунду готов был пуститься наутек. Старик сморщил огромный горбатый нос, и Сайкан быстро отбежал в сторону. Вожак повернулся и пошел к стаду. Молодой самец не был ему соперником и потому не представлял интереса.

Сайкан остался в стаде. Теперь он ходил со всеми, старался быть в самой гуще стада, безмятежно спал, пока все животные не вскакивали от тревожных криков старых рогачей. Была уже поздняя осень, самцы ожесточенно сражались между собой. Бывало, что на месте боя оставался один из поверженных противников: из-за тяжелых ран он не мог следовать за здоровыми животными и был обречен умирать в одиночестве. Раненых добивали хищники, следующие за стадом...

Пришла зима с холодами и снежными метелями. Зимой не надо было искать воду — снег всегда под ногами, не донимали жгучие слепни. Но труднее было с кормом, волки шли по пятам и не всегда удавалось убежать от них. Однажды стая голодных хищников ворвалась в стадо. Страшнее этого Сайкан ничего не видел. Он бестолково носился кругами, везде натыкаясь на пораненных или испуганных, как он сам, животных. Пробежал волк, морда зверя была в крови по самые уши. Он преследовал крупного рогача и не обратил внимания на молодого сайгака. В ужасе Сайкан побежал, сам не зная куда. Остановился он посредине белой равнины, не запятнанной ни единым следом. Только к вечеру он отыскал сильно поредевшее стадо. Вот так и шли из века в век антилопы, преследуемые хищниками, страдая от суровых ветров и морозов, с единственной заботой — найти пищу. Шли, умирали и обновляли стада новыми поколениями.

В одно холодное ясное утро Сайкан снова почуял уже полузабытые, но волнующие запахи... Вбежав на высокий бархан, он огляделся и увидел вдали на снегу черные пятна домиков нового поселка. Как он был изнурен сейчас, как устал в этом долгом походе к югу!.. И тут эти домики...

Медленно, нерешительно шел он к жилью, оставляя в снегу глубокую борозду. Сайгаки проводили его недоумевающими взглядами. Никто не последовал за ним. А Сайкан уже бежал, ровно, без прыжков, словно скользил по снегу.

Из крайнего домика вышел человек и, приставив ладонь ко лбу, посмотрел в степь, затем поспешно скрылся в доме и через несколько секунд появился снова. В руках его было что-то длинное, блестящее. Человек шел к Сайкану, как-то странно сутулясь, пригибаясь к земле. Это насторожило сайгака, и он остановился. Человек опустился на одно колено и приложил к плечу длинный предмет. Сайгак смотрел на все это с любопытством. Вдруг он под-

прыгнул от сильной боли и уж потом услышал грохот выстрела. Этот звук догнал его, когда он бежал к стаду; ухо висело мокрой, смятой тряпкой, темные капли падали в рыхлый снег...

Больше он не искал встреч с людьми. Он шел со стадом, разделяя вместе со всеми трудности и лишения, ел жесткую траву и мерзлые ветки кустарников, убегал от волков и дрожал от холода в морозы.

У сайгаков, обитающих в разных областях, свои маршруты. Те, что жили в Тургае, уходили с наступлением холодов к Сырдарье и дальше — в Кызылкумы, другие поворачивали к Телекульским озерам; сайгаки, проводившие лето у Алакуля, двигались через границу в Синцзянь и пустыню Такла-макан. Маршруты эти менялись в зависимости от погодных условий, в теплые малоснежные зимы они были короче, в суровые — длиннее... Стадо сайгаков, в котором находился Сайкан, направлялось из Бетпакдалы через Чу в пески Муюнкум. Стадо пересекло железнодорожную линию у северо-западного побережья Балхаша. Кругом, куда ни глянь, лежал глубокий снег. Снегом завалило не только травы, но и невысокие пустынные кустарнички. Животные голодали. Много их погибло у озера Балхаш, где круглый год дуют пронизывающие ветры.

... Но живые продолжали свой путь на юг. Уже виднелись впереди горные хребты Тянь-Шаня с синими склонами. По-прежнему кругом лежал глубокий снег, и идти с каждым днем становилось трудней и трудней. Чаще стали попадаться на пути населенные пункты. Сайгаки от голода и истощения забывали осторожность и заходили прямо в поселки. Кое-где в полях стояли стога сена. Люди пытались помочь животным: расчищали машинами снег, чтобы они могли добраться до травы, разбрасывали по полям сено охапками. Но сайгаки недоверчиво относились к таким дарам: было для них в этом что-то противоестественное и непонятное. Сайкан же

первым подходил к сену, начинал есть, и все стадо следовало его примеру...

Уже не за горами была весна. Снег потерял свою мертвенно-белую пушистость, стал радостно-колючим, ноздреватым, то алел, то голубел, каждой своей крупинкой отражая небо. Солнце выкатывалось из-за горизонта, желтое и ясное, и чудилось, с той стороны, откуда оно встает, наплывают теплые ветры, пахнущие землей, и скоро грянут с обрывов и косогоров веселые весенние ручьи.

Вслед за весной спешило лето... И сайгаки, повинуясь инстинкту, устремились на север, чтобы набираться сил и растить новое поколение. Желтыми лавинами проносились их стада по холмам и равнинам, и стелилась за ними тонкая белесая пыль...

И снова осень в пустыне Бетпакдала. Холодный ветер раскачивает причудливые стволы саксаула, со свистом прорывается сквозь редкие ветки, катится дальше, ничем не сдерживаемый, по гладким такырам, несется вслед за быстрыми антилопами, которые опять где-то в пути...

Сайкан теперь трехлетний сильный самец с красивыми длинными, похожими на лиру, рогами. Все его стадо удобно расположилось на отдых. Кто знает, что снится сайгакам, когда они ложатся после трудного пути... Они и понятия не имеют, что предки их были современниками мамонтов, что едва не вымерли, преследуемые человеком за вкусное мясо и целебные рога. Правда, люди потом опомнились и прекратили на время охоту за сайгаками. И снова появились тысячные стада.

Проснулся Сайкан от какого-то жужжания, словно жук запутался в траве и никак не может выбраться. Он поднял голову, всхрапнул — сразу заколыхалось, поднимаясь, стадо. В той стороне, откуда доносились странные звуки, двигался столб света, то упираясь в заросшие кустами курганы, то чертя звездное небо. Словно гигантское

белое щупальце, луч приблизился и охватил стадо. В глаза ударил яркий свет. Он ослеплял, околдовывал, вызывал ужас, но животные стояли, не шелохнувшись. Глаза их горели зеленым огнем и издали казались огнями далекого города...

Машина приближалась, а стадо будто окаменело. Ужас животных передался Сайкану. Он рванулся вперед, стоящие за ним антилопы устремились следом...

Сайгаки бежали в кругу света, сбившись плотным косяком. Фарщик на машине был опытный, умело держал сайгаков, заставляя их бегать вокруг машины. Там, за светлым кругом, стояла тьма, плотная, как стена, и повернуть туда было так же страшно, как прыгнуть в пропасть. После первых выстрелов несколько сайгаков осталось на такыре. Остальные побежали быстрее — миллионы лет сайгаки спасались от врагов бегством, и этот способ был самым верным в борьбе за существование, благодаря ему сайгаки сохранились со времен глубокой древности до наших дней.

...Охотники таились в темноте, неслышно крались наперерез, мелькали огоньки, хлопали выстрелы. Стадо рассеивалось, сайгаки выходили из смертельного круга, неслись, безумные, ослепшие, натыкались на кусты, выпутывались и вновь бежали...

Сайкан мчался по буграм и сухим травам. Осколок того страшного враждебного света разгорался в нем все жарче и жарче, становился невыносимым. Ничего больше не чувствуя, кроме заполнившей его боли, ткнулся он со всего бега в колючий, как проволока, куст. Он долго лежал с открытыми глазами, но ничего не видел, кроме вздрагивающей перед зрачками сухой веточки. Опять, как когда-то, уныло и монотонно гудел ветер, пошевеливал длинную шерсть на боках сайгака, унося с собой его последнее тепло. Медленно выплывала большая красная луна, вынутываясь из цепких пальцев саксаула...

II. ВСТРЕЧИ

МАСТЕРСКАЯ ЗВОНКИХ КАПЕЛЬ

День солнечный и ветер слабый, но такой пронзительный, дунет — словно уколет холодом.

В тени обрыва на стеблях и корнях травы повисли сизые бугристые сосульки: большие и маленькие, одни длиннее, другие короче. Ветер легко шевелит их, будто настраивает ледяные гусли...

А на солнечной стороне — ручеек, даже не ручеек, а струйка бежит, торопится среди плотного, видавшего и морозы, и оттепели, снега. Бежит, позванивает тревожно и весело. А снег — берег этого ручейка — колюч и тверд, и будто даже угрюм. Не тает, не отвечает на звонкий призыв воды.

Где же родился бесстрашный маленький ручеек? Чтобы узнать, лучше всего пройти по нему вверх.

...Вот она — мастерская звонких капель. Нужно не раз нагнуться и отвести руками голые ветки, чтобы войти в нее. Она окружена с одной стороны кустами и невысокими деревьями, а с другой и вовсе хода нет, там золотистым полукругом навис глиняный обрыв.

Ветер сюда не проникает, а солнца много, поэтому от голой земли обрыва струится теплый воздух. Все здесь наполнено движением и звоном. С сосулек стекает вода. Клинг-кланг, клинг-кланг — постукивают крошечные мо-

лоточки, без устали кующие этот маленький весенний ручеек.

Тинь-пинь, тинь-пинь — это уже не капли, а синицы на ветках торопят весну...

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВЕСНЫ

За окном в рассветной мути кто-то шагал прямо по лужам.Тонкий лед ломался и звучал: крупные льдины раскатывались и шуршали, мелкие позванивали тоненько и печально...

Я заторопился. Быстрей, быстрей!

Зарождающийся день был полон звуков. Где-то вблизи тенькал маленький колокольчик — синица. Над путанными узловатыми ветками груш неслась громкая чистая песня черного дрозда. Горло маленького певца, одетого в черное оперение, дрожало от напряжения. А дальше, очень далеко, сквозь прозрачный туман холодно синели горные пики.

Солнце катится вверх и наливает горное ущелье теплом и блеском. Вода в речке булькает и пенится. Лед местами провалился, открылись прозрачные оконца. Солнечные зайчики пляшут по разноцветной гальке. Там, где стаял снег, яркими пятнами проступает зелень. По зелени — подснежники, будто кто-то недавно прошел с дырявым ведром, наполненным известью или белой краской.

На цветок звонко опускается пчела — наверное, это ее первый вылет. Сколько сегодня такого первого: в норе проснулся барсук, на пригорке распустился цветок, под прогретым камнем шевельнулся жук...

Ворона сидит на ветке, вытягивает шею, тужится, а крика не слышно. Может быть, застудила горло? Вот еще напряглась, раздалось едва слышное «крук», потом

щелчок и вдруг негромкая трель полилась над набухшими водой сугробами. Это она, ворона, поет!

Вторая ворона выделывает что-то непонятное — летит, летит, вдруг камнем падает к земле и снова взмывает ввысь. Птица все ближе, и уже видно — что-то держит в клюве. Бросает то, что несет, но догоняет, ловко подхватывает в воздухе и снова летит. Опять бросает, догоняет и так повторяется раз за разом. Но вот ворона промахнулась и даже вскрикнула от досады. Та штука, которую бросала и ловила, падает на снег.

Подхожу, поднимаю... Это не кость, не съедобный кусочек, а гладкая белая палочка. Игрушка! Вот что значит — первый день весны!

К вечеру все угомонились. Пропали краски. Сквозь путаницу ветвей засветились желтые окна. Под крышами домов стук и плеск весенних капель...

ПРИЛЕТЕЛИ ОГАРИ

Ганг, ганг, ганг!— раздалось в вышине и полетел над хребтами, одетыми темным еловым лесом, над мокрыми сугробами трубный крик. Возникла в памяти строчка из Багрицкого: «...над миром плыла труба...»

Ганг, ганг, ганг!— отозвались коричневые скалы, и все четыре пестро-красных огаря услышали зов и повернули к ним...

Была середина апреля, кругом еще холодно, сыро, неуютно. На солнцепеках, на едва прогретых камнях уже можно увидеть кое-где жука, ящерицу-гологлаза, бабочку. Все самое раннее, нетерпеливое выкарабкалось из своих зимних щелей, грелось, порхало, быть может, удивлялось и по-своему радовалось приходу весны, но нередко и погибало от внезапного похолодания.

Огари сделали круг над хмурыми елями, над озером, у

берегов еще скованным льдом и открывшемся посредине, опустились на рыжие скалы, слились с ними и потерялись.

Здесь огари, по-видимому, и собирались гнездиться.

Один из них слетел со скалы и опустился на лед озера. Среди огромных утесов он был такой маленький и одинокий — яркая желто-красная точка на голубоватом льду. Так долго он летел сюда.

Огарь, будто в задумчивости, прошелся по кромке льда, спрыгнул в воду, поплыл, посмотрел на свое отражение, снова выбрался на лед, отряхнулся.

Ганг, ганг, ганг!— крикнул он и взлетел. И на скалах трепыхнули яркие крылья. И опять огари закружили над неуютной, по-весеннему голой землей, на которой родились и выросли.

В унылом, протяжном крике звучала надежда на будущие радости.

В ПОЛОВОДЬЕ

Весна дождливая... Чардаринское водохранилище вышло из берегов. Вода залила часть степи, затопила полосу кустарников, и они теперь словно бредут по колено в воде.

Ветерок колышет над степью весенние запахи: пахнет молодой полынью, прелью и влажной распаренной землей. Холмистая степь ровно зеленеет низкой, точно подстриженной травкой, и только головастые ферулы успели вымахать на полметра, набрали цвет — стоят желтые, круглые, облепленные жуками и мухами.

По отмели ходят, что-то выискивая, болотные птицы — кулики. Особняком держатся яркие черно-белые ходулочники с длинными красными ногами. Подойдешь поближе, ходулочники разом взлетают, свесив под углом

свои до нелепости длинные ноги, делают над заливом и кустарником круг и опускаются подальше от берега.

Но вот наступает вечер, некоторое время небо на западе светится, зажигает розовым огнем воду залива и разбросанные по мелкой воде кочки и куртинки прошлогодней травы, но краски все тускнеют и постепенно становятся неразличимыми и дальний остров с желтыми обрывами, и кусты, что залило половодьем.

У берега сильно всплеснуло, жалобный плач кулика метнулся и растаял в ночном небе. И снова тишина навевает неторопливые тихие мысли... Вот так же сидел у огня наш далекий предок, вздрагивал и оглядывался, слыша всплески в темной воде, и в его тусклых зрачках мерцал страх... Но любопытство было сильнее страха, он выходил на берег и напряженно смотрел в ночную воду, истыканную блестками звезд.

Мне хочется хоть несколько минут побыть первобытным человеком. Я натягиваю высокие резиновые сапоги, иду на берег и вхожу в воду. Дно мягкое, кое-где неожиданные ямы, коряги... То здесь плеснет рыба, то там.

— Бу-ахх!— раздается совсем рядом. Вода вздувается бугром, блестят и расходятся круги, качаются звезды. С тревожным писком срывается с невидимых ветвей стайка птиц и, шурша маленькими крыльями, уносится в ночь.

Новый взрыв и хлесткий удар по воде! Шорох и плеск...

Рыба трется у кустов и водной растительности, чтобы выпустить в воду новую жизнь. Так было испокон веков так есть, так будет, пока жива планета...

ВЕСНОЙ НА КЕЛЕСЕ

Долго держалась непогода. То туман, то мелкий моросящий дождь — не верилось, что это середина апреля на самом юге Казахстана.

Но вот наступил теплый солнечный день: яркий, сверкающий, как бывает всегда после дождя, когда кругом мокро, а на траве и кустах горят разноцветные капли.

В этот день часов в одиннадцать я присел отдохнуть на сухом бугорке. Долина реки Келес лежала внизу и далеко просматривалась. Река буйно несла свою мутную воду, но отсюда с высоты казалась гладкой желтой лентой, прихотливым полукольцом, расстеленной по зелени травы. Вдоль русла, у самой воды, и по всей долине росли кусты тамариска. Тамариск был еще гол, холодная погода задержала цветение, но кисти его уже налились розовым соком. И от этого река казалась окутанной легким розовым туманом.

Было тихо и только в колючих кустах, что росли по крутому склону бугра, что-то время от времени шуршало, потрескивало. Я думал — растет трава, пробивается сквозь старый валежник, но очень уж живой был этот шорох...

Что-то шевельнулось в ветвях ближнего куста, блеснуло жидким металлом, и я узнал в блестящем существе желтопузика. Того самого желтопузика, который по форме тела очень похож на змею, но не змея, а всего лишь безногая ящерица.

Никогда мне не доводилось видеть желтопузика так высоко от земли, никогда не слышал, что он может забраться на куст или на дерево. Но не это меня удивило и взволновало, а то, что он смотрел, не шевелясь, туда же, куда и я...

То ли он охранял свою территорию от возможного посягательства других желтопузиков, то ли грелся, а может, как и я, смотрел на воду, кусты и обрывы, на уступах которых трепетали красные маки?

Меня взволновала одна очень простая мысль: «Что он чувствует, глядя на эту прекрасную долину?»

...Я поднялся, подошел поближе. Желтопузик помигал веком, открывая и закрывая желтый глаз с острым темным зрачком,— забеспокоился, быстро скользнул вниз, прошуршал по сухим листьям... И вот уж нет его, только где-то в траве еще раз возник и затаился вкрадчивый шелест...

ПЕРЕОДЕЛСЯ

На теплом бугорке у воды грелся уж. Я наклонился и увидел, что вместо глаз у него голубовато-белые пятна. Похоже, что уж слепой.

Я без труда поймал его и посадил в полотняный мешочек. Дня через два развязал мешок и не узнал ужа. Чешуя его блестела вороненой сталью, на голове яркой короной горели оранжевые пятна и, что самое удивительное, он смотрел на меня ясными, неподвижными зрачками. Уж прозрел, к тому же выглядел таким щеголем, словно собрался на большой ужиный праздник. В углу мешка отыскался и старый костюм — тонкая, полупрозрачная кожа, похожая на капроновый чулок...

Уж и не был слепым, он готовился к линьке. Старая кожа мешает расти, вот и приходится время от времени переодеваться. Вместе с кожей при линьке отделяются прозрачные пленки с глаз, и от этого глаза кажутся мутными, как бы незрячими.

Обычно на воле перед линькой змеи забираются в трещины или густой кустарник, где, пролезая сквозь узкое отверстие, освобождаются от старой шкуры, которая после линьки сохраняет форму сбросившей ее змеи. Если змея вполне здорова, то ей необязательно пролезать сквозь узкие щели, она может перелинять везде. Переоделся ведь уж в полотняном мешочке.

МАЙНЫ

Апрель. Дождь то льет, то моросит совсем не по-весеннему. Река Келес превратилась в пять стремительных потоков жидкой глины. Трудно поверить, что летом эта река смиренно течет в одном русле, что вода в ней светла и прозрачна, а глубина, как говорится, воробью по колено.

Выйдешь из палатки — сизая дымка висит над долиной, сырость, грязь... В лужах, растопырив зеленые лапки, дремлют лягушки; жалко и холодно на них смотреть. Постоишь, поежишься, глядя на низкие облака, плывущие над мокрыми обрывами, и подумаешь с тоской и досадой о запаздывающей весне: «Ну когда же, когда же...»

А над обрывами кричат птицы! Дождь, непогода, а они носятся туда-сюда, суетятся, хлопочут. Пришла пора гнездиться! Тут и воробьи, и скворцы, и галки. Но живее всех и громче всех — майны! Голоса их своеобразные и сложные: в них резкий скрип и приглушенный звон металла. Вскрикнет птица и смолкнет, а кажется, все дрожит в воздухе негромкий медный отзвук...

Майны уже разбились на пары. Изредка бросая взгляды на обрыв, я вижу, как то одна, то другая птица подлетает к норе и, оглядевшись, ныряет в черное отверстие. Слишком откровенно следить за ними нельзя, птицы замечают и не любят этого. Подхожу ближе. Майны с криком улетают куда-то за обрыв. Подан сигнал тревоги! И вот уже целая стая, мелькая пестрыми крыльями, кружит надо мной, кричит, предупреждает по-своему: заметили, что-то поняли и что-то готовы предпринять!

Второй день на моих глазах ведется самая настоящая война между семьей майн и семьей галок из-за норы в обрыве. Ни майны, ни галки сами нор не роют. Их выкапывают щурки и сизоворонки и, наверное, им приходится делать это каждый год, потому что, когда вернутся из теплых стран, жилища оказываются занятыми. Сейчас

свободных нор в обрыве достаточно, занимай любую — и все же идет борьба!

Вот майна вылетела из норы, и в ту же секунду в нее устремляется галка, что сидела на обрыве, и, как видно, ждала этого момента. И начинается! У норы собирается с десяток майн, все возбуждены, громко кричат. Галка терпеливо держит осаду. Одна из майн в азарте влетает в нору, но после короткой схватки вновь оказывается снаружи...

Целый день идет борьба с переменным успехом. Наконец, то ли галки проявили большую настойчивость, то ли майнам надоела потасовка,— они перелетели в другую нору.

На следующий день галки, видимо, решили, что допустили большую оплошность и опять принялись выживать майн, совершенно охладев к отвоеванной с таким напряжением норе. Снова весь день шум и крик! Галки и на этот раз одерживают победу, а майны перебираются в свое первое жилище.

После этого, как будто, все успокоилось. Началась мирная жизнь. Теперь можно было видеть, как галка или майна садилась на пасущегося у обрыва ишачка и, надергав из его спины полный клюв шерсти, летела к своему гнезду. Ослик спокойно пасся, помахивая от удовольствия хвостом.

Однажды, был уже солнечный день, кто-то положил у палатки подсушить большой смятый лист кальки. Подул ветер и лист с шорохом пополз по траве. Майны на обрыве подняли крик. Не от страха, а, скорее, из любопытства.

Через несколько минут кальку унесло метров на двадцать от палатки. Около нее по зеленой траве удивленно прыгают майны. Двинется лист и птицы испуганно взлетают. Будто кто-то живой ползет, а вдруг схватит! Но лист только шуршит, и это уже не страшно. Майны ловят кальку клювом, дергают, пытаются удержать.

Подлетает и опускается на лужайку сорока — ей тоже интересно знать, в чем тут дело, почему шум. Но майны дружной стаей набрасываются на сороку — не мешай!

Вот две майны удачно подхватывают кальку за углы и взлетают! Какой гомон поднимается! В небе плывет белый ковер-самолет в окружении охрипших от крика птиц. Майны едва справляются со своей необыкновенной ношей, порывами ветра их поднимает все выше и выше. Наконец, лист вырывается и, медленно кружась, опускается на траву.

И, словно поняв тщетность каких-то своих намерений, все разом улетают майны.

ПОДЕНКИ

Кайнарское водохранилище с его темной неподвижной водой и могучими, в два обхвата, ивами, склонившимся над берегами, очень напоминает уголок Средней России. Но на лужайке пасется привязанный длинным арканом ослик, чуть дальше — развалины глинобитых сооружений, а если посмотреть левее — возвышаются на холме облитые белым солнцем мазары с полумесяцами над куполами. Посмотришь — и будто тягучая азиатская мелодия разольется, зазвучит...

Однажды утром, в апреле, выглянул я из палатки, а на черной воде словно белые цветы расцвели. Да так много цветов, все движутся и трепещут своими белыми лепестками! Вчера еще ничего такого не было. Вышел я из палатки. Ведь это поденки! Крупные белые поденки, похожие на больших красивых бабочек... Плавают по воде, пытаются взлететь, только все напрасно — не получается!

Одни изо всех сил бьют крыльями, разбегаются, раскатываются по гладкой поверхности, даже отрываются от воды и секунду-другую порхают в воздухе, но снова

падают в изнеможении. Поднимают вверх крылья и теперь уже плывут, гонимые ветром, как маленькие парусные лодочки...

Досадно, что поздно проснулся, может, удалось бы увидеть, встань я пораньше, как они летали, кружились белым вихрем над водой. Но вряд ли — брачный танец обычно совершается ночью, а теперь все это позади, яички отложены в воду — и вот финал...

А сколько тут охотников до легкой добычи. Лягушки, распуская волны, гоняются за поденками, гулко шлепая по воде своим мягким брюхом. Из прибрежных тростников то и дело вылетает дроздовидная камышевка и, ловко подхватив добычу, снова летит к берегу. В тростниках у нее гнездо с птенцами и поденки оказались кстати. По воде расходится широкий круг и поденка исчезает — кто-то утаскивает ее в глубину.

Сорокопут-жулан, этот известный разбойник, сидит на самой верхушке дерева, на голом сучке и бойким глазом следит за плавающими насекомыми. Слетит, пронесется низко над водой и снова — на свой высокий пост, уже с добычей... Тут же и воробьи — им тоже кое-что перепадает.

Поденок все меньше. Грустно смотреть на них. Только появились, первый раз увидели небо, покружились в танце — и жизнь прошла!

Часа через два на воде ни единого белого пятнышка. Чирикают довольные воробьи, сыто квакают лягушки, плещется, играя, рыба. И не верится, что вот только что плавали по воде живые существа — поденки, похожие на белые водяные лилии.

ЗМЕИНОЕ ДЕРЕВО

Крошечное водохранилище на юге Казахстана. Скорее, даже пруд. Вдоль берега — узкая полоска тростника, на воде плавают ряска, листья рдеста и водяной гречихи.

Ничего особенного, примечательного здесь нет. Разве что — водяные ужи...

Палатки наши стояли в двух шагах от воды и частенько приходилось видеть, как живая, «синусоида» устремлялась то к прибрежным тростникам, то к середине водоема. Через некоторое время все мы научились различать ужей «в лицо», проплывали чаще всего одни и те же.

— Вон чужак плывет! — говорил кто-нибудь, если у нашего берега появлялся незнакомец.

Все ужи были, конечно, очень похожи, но один чуть светлее, другой темнее, у какого-то ярко-пестрая спина... Один был красноватый, его назвали Медник. Был Толстяк, этот отличался от остальных ужей тем, что плохо нырял, вода почему-то выталкивала его на поверхность. Самого крупного полутораметрового ужа называли Старшиной. Этот был очень серьезен и осторожен, и при малейшей опасности надолго уходил под воду...

В верхней части пруда прямо из воды, торчало сухое разлапистое дерево. Когда-то оно росло на берегу, но построили плотину и оказалось в воде, может, от этого и усохло...

Однажды утром в девятом часу кто-то заметил — то с одного конца водоема, то с другого бегут треугольником мелкие волны, бегут прямо к сухому дереву и там волнение стихает...

Я сел на резиновую лодку и погреб туда же. Подплывал очень осторожно, надеялся увидеть нечто необычное, интересное, старался не шлепать веслами, потом и вовсе перестал грести. Я всматривался и видел сучки, лохмотья коры, выбеленные солнцем голые кривые ветки, похожие на тонкие узловатые пальцы... А вот — змеи! Лодка все еще двигалась по инерции, приближаясь к дереву. Чтобы остановить ее и не спугнуть змей, пришлось потихоньку опустить кирпич на веревке вместо якоря.

Ствол дерева над водой раздваивался, образуя широ-

кую плоскую седловину. Здесь и собрались ужи полежать и погреться. В центре лежал Старшина, обвив ствол своим толстым, как канат, телом. Был здесь и красноватый Медник, были и другие, и даже мелкие, сантиметров по двадцать в длину, ужата. В седловине, по-видимому, всем места не хватило, некоторые ужи забрались повыше и свисали вниз, как извитые сучья или обрывки веревок.

Иногда какая-нибудь змея шевелилась, тогда другие поднимали головы, и со всех сторон раздавалось чуть слышное шипение.

Не один раз подплывал я к змеиному дереву, знал их «расписание». Как только начинало припекать солнце, все ужи сползали вниз к воде, и треугольные волны разбегались в разные стороны...

Однажды поднесло к дереву кусок доски, на котором сидела зеленая лягушка. Выпучив глаза, словно удивляясь, она смотрела на свисающих с веток ужей и ни один из них не попытался ее поймать. Я решил, что змеиное дерево — это такое место, где не охотятся, где царит мир...

Сейчас, когда я вспоминаю змеиное дерево и тихое, похожее на шепот, шипение, мне кажется, я чего-то не понял, не смог разглядеть... Почему они сплывались именно в это место? Только ли потому, что здесь было удобно погреться на солнце? Может, была и другая причина? Очень похоже все это на какой-то непонятный, тайный ритуал...

ХОЗЯИН

Когда я остановился на этой маленькой лужайке, окруженной почти со всех сторон колючими кустами чингила, подумал только об одном — какое уютное мес-

течко, какая свежая зеленая трава и совсем неплохо бы здесь отдохнуть и позавтракать. Даже и мысли не мелькнуло, что этот участок кому-то принадлежит и этот кто-то, возможно, вовсе не желает, чтобы я тут задерживался.

Я скинул рюкзак, трава здесь была замечательная, как на футбольном поле, вытащил провизию, нож, фляжку с водой. Потом еще раз огляделся и... встретился с сердитым взглядом чернолобого сорокопута. «Ах, вот оно что, здесь есть хозяин...» — подумал я. Он сидел на сухой веточке чингила и, втянув голову в плечи, хмуро разглядывал меня. Однажды точно такой же сорокопут очень бурно атаковал меня у своего гнезда и «выдворил» за пределы территории; тогда я убедился на собственном опыте, что чернолобый сорокопут — смелая, решительная птица. Этот же пока ограничивался недобрым взглядом.

Мне было очень приятно сидеть, и завтракать на зеленой лужайке, и рассматривать сорокопута. Видимо, и он вполне смирился с моим присутствием, потому что вдруг круто взлетел, упал на траву, что-то схватил перелетел на другую ветку, чуть подальше. Теперь мы, изредка обмениваясь взглядами, занимались каждый своим делом.

Сорокопут часто взлетал и падал в траву, кого-то все ловил. Один раз я заметил в его клюве крупное зеленое насекомое, он улетел с ним, но скоро вернулся и уселся на прежнем месте все с тем же насупленным и недовольным видом. Я решил, что он наколол свою жертву на колючку,— таким образом сорокопуты запасают корм,— потому и вернулся так быстро.

Вот сорокопут снова бросился в траву, но на этот раз взлетел как-то тяжело и шумно. Низко над землей пересек поляну, сел на ветку чингила, в тени и спиной ко мне, так что разглядеть его добычу было непросто. Но чувствовалось, что он поймал нечто крупное. Ему было неловко сидеть, и он повернулся в мою сторону. В клюве

висела, извиваясь тонким телом, небольшая змейка — водяной ужонок или молодая стрелка... Я вскочил, мне казалось — он бросит змею, и я разгляжу ее поближе. Но сорокопут перелетел на другой куст вместе со своей добычей. Я опять бросился за ним. Вряд ли он сможет долго перелетать с такой тяжестью, думал я. Но сорокопут снова взлетел и опустился теперь не на вершину, а куда-то за куст. «Устал,— думал я,— не может дотянуть до вершины». Мне очень хотелось отобрать у него змейку. Я с трудом пролез сквозь колючки, но сорокопут и на этот раз взлетел, и опять в его клюве поблескивала живая серебристая струйка.

Сорокопут оказался сообразительней, чем я предполагал. Теперь он опустился со своей добычей в такой чащобе, куда я не рискнул пробираться сквозь колючие и жесткие, как проволока, кусты чингила...

Делать нечего, я вернулся на свое место и стал собирать рюзак, удивляясь и досадуя, что этот маленький разбойник сумел так ловко провести меня. Пока я собирался, прошло несколько минут. Из-за кустов вылетел сорокопут и с тем же невозмутимым видом утвердился на своем наблюдательном пункте. Значит, и змею наколол на колючку.

— Быстро это, однако, у тебя получается. Прямо профессиональный палач...— пробормотал я, с неприязнью поглядывая на удачливого, но бессердечного охотника. Вот бы, подумалось мне, найти то место, где он хранит свои охотничьи трофеи. Чего там, наверное, только нет? Да, взглянуть было бы любопытно...

Я шагнул к кустам, но прохода нигде не было, всюду торчали ветки в длинных крепких иголках... Из зарослей вдруг быстро низом метнулась серая птица, и мой знакомый сорокопут стремительно полетел за ней. В развилке чингила было устроено небольшое гнездышко, в нем лежало одно яичко.

Все понятно! Это, конечно, была самочка, и охотник-

сорокопут устремился за ней, чтобы задать трепку за то, что она покинула гнездо. По-видимому, он считал, что серьезных оснований для этого не было.

Я почувствовал себя лишним, вскинул на спину рюкзак и пошел своей дорогой.

УДОД

В полдень, когда солнце как-будто остановилось в зените, идти стало невыносимо. Ноги подгибались от усталости, не хотелось смотреть на белесую, твердую, как камень, землю в щетине желтоватых былинок, что простиралась далеко вокруг. Все будто выцвело от зноя, побелело и потускнело, и только небо оставалось удивительно синим, густым...

Я решил отдохнуть у развалин какого-то нехитрого сооружения, попавшегося на пути. От него остались только неровные саманные стены, да и те уже наполовину обрушились. Чтобы спрятаться от солнца, надо было сидеть, плотно прижавшись спиной к шершавой стене. Но это было намного приятней, чем шагать по раскаленной степи. Я сидел усталый, тупо поглядывая по сторонам, в голове путались вялые, невеселые мысли: «Где только не носит меня, и есть ли этому смысл и оправдание?»

— Худо тут! — сказали за моей спиной раз, другой и третий.

Так кричал удод. И я, как бы включившись в игру, то мысленно соглашался, то возражал ему.

— Худо тут! — говорил удод.

— Да, — соглашался я, — скучно, пыльно и жара нестерпимая...

Он снова произносил кратко, твердо и точно:

— Худо тут!

— А впрочем,— возражал я.— Небо синее... И речка близко, можно искупаться. Ты уж не прибедняйся...

Но удод усердно повторял одно и то же. Я подвинулся к краю стены и осторожно высунул голову. Удод сидел метрах в десяти на обломке стены, сверху круглом, как купол. Перед тем, как сказать свое «худо тут», он наклонял голову вниз, его тонкий изогнутый клюв почти касался лапок. В этот момент едва заметная волна прокатывалась от груди к горлу, и негромкий звук вырывался на волю, после чего голова снова вскидывалась вверх.

Удод токовал, призывал самку. По-разному токуют разные птицы. Очень бурно проходят брачные игры у тетеревов. Захлебываясь от азарта, косачи раздувают шеи, чертят крыльями по земле, сшибаются на виду у самок... Здесь же совсем не виделось страсти, призывы совершались в какой-то тщательной деловитостью, будто главное заключалось в том, чтобы правильно исполнить ритуал, не сбиться, а остальное — не так уж важно.

Неожиданно он замолчал. Я ждал, думал, что вот-вот возобновятся крики, но удод упорно молчал.

«Что же ты замолчал?» — обратился я мысленно к нему, ожидая продолжения песни. Но было тихо.

Я снова выглянул из-за стены... На куполе сидели две птицы. Пышные хохолки на головах, пронизанные солнцем, сияли как короны!

ЦАРСТВО КИСЕРТКЕ[1]

Полоса белого песка тянется среди глинистой равнины мимо поселка Акеспе к самому морю. Это пустыня Малые Барсуки!

Теплым солнечным утром я иду по пескам. В руках у

[1] Кисертке — по-казахски, ящерица.

меня крючок на случай, если придется ловить змею, и длинный полотняный мешочек, куда ее можно посадить, на шее фотоаппарат — вид довольно необычный для этих мест. Наверное, по этой причине в отдалении идут, поглядывают на меня и перешептываются местные мальчишки. Объясняться мне с ними трудно — я плохо знаю казахский язык, они — русский. Им любопытно знать, с какой целью я иду по пескам, мне несколько неловко идти под обстрелом десятка пар внимательных глаз.

Вот я присел у куста астрагала — интересно, что это за комарики облепили его листья? Галлицы! Мой эскорт, замечаю краем глаза, устремляется галопом вперед и вот уже все сидят на бархане, переговариваются, усмехаются, обсуждая между собой мое поведение.

Вдруг один из них вскакивает и бежит по песку, размахивая руками:

— Кисертке! — несется крик. Так же неожиданно он останавливается и что-то рассматривает под ногами.

Теперь уже я в роли любопытного, подхожу, смотрю в то место, куда тычет пальцем паренек, повторяя незнакомое для меня слово:

— Кисертке!

На песке вижу следы крупной ящерицы, внезапно пропадающие у треугольного углубления.

— Кисертке!

Я все равно ничего не могу понять. Тогда мальчишка сует в песок два пальца и вытаскивает за хвост крупную ящерицу. Агама? Нет! Ушастая круглоголовка! Но такая большая и толстая, каких мне видеть не доводилось.

— Дай мне? — прошу его и раскрываю свой мешок. Он кивает головой и бросает в мешок ящерицу.

Что тут началось! Все вскочили и бросились врассыпную! Мальчишки стремглав бегут по барханам, круто поворачивают, бросаются в стороны, сталкиваются... Че-

рез минуту-другую один за другим они возвращаются обратно. У каждого в руке ушастая круглоголовка.

— Кисертке! — протягивают ящериц мне. Я беру двух, больше мне нужно.

— Хватит,— говорю.— Болды...

На лицах мальчишек разочарование.

— Ладно, давайте,— соглашаюсь я, и ящерицы с шорохом сыплются в мешок. Интересно, сколько их можно поймать на таком небольшом участке? Ловцы снова разбегаются и опять несут круглоголовок.

— Болды!

Они, наконец, успокаиваются.

— Зачем? — спрашивает самый старший паренек, кивая на мешок. Я объясняю, как могу — надо фотографировать!

— Давай, фотографируй! — просит он и показывает на песок.

— Ну что ж, можно и здесь...

Я выпускаю ящерицу. Она не убегает, агрессивно распускает малиновые складки у рта, и вся голова ее превращается в страшную кровавую пасть. Она пугает и высоко подпрыгивает, стараясь схватить за палец. Ребята смеются. Был бы на месте круглоголовки безобидный водяной уж,— они бы разбежались. Уж — змея! Ящерица же, хоть и кусается побольнее ужа, им не страшна. Кисертке!

Любопытство ребят удовлетворено, и я больше не представляю для них интереса. Они разбредаются понемногу, некоторые вытаскивают из карманов рогатки и начинают охотиться за ящерицами. По уверенным движениям нетрудно догадаться, что такие развлечения для них привычны. Это меня очень огорчает. Уголок тут уникальный, вряд ли еще где водится столько ушастых круглоговок. Я, по крайней мере, не видел. Но если вот

так с рогатками прогуливаться каждый день, то можно всех истребить.

— Не надо! — говорю я старшему. — Не надо стрелять ящериц! Кисертке!

Запас слов, понятных обеим сторонам, иссякает, и я только развожу руками.

Но он понимает меня, что-то кричит охотникам, те прячут рогатки.

Ребята уходят, и, когда они далеко и не могут видеть, я развязываю мешок, выбираю для съемок двух круглоголовок, остальных выпускаю. Одни из них бегут, задрав хвост, другие зарываются в песок, вибрируя телом, третьи принимают угрожающую позу и страшные «уши» их наливаются малиновым огнем. Но, наконец, все разбегаются, а я иду дальше. Уже довольно жарко и нигде не видно ни одной ящерицы. Но повсюду их следы. Много следов в песчаном царстве Кисертке.

КУПАНИЕ

Налетела стайка золотистых щурок и закружила над ущельем со своим характерным не то фырканьем, не то хрюканьем. Голоса щурок очень своеобразные, одни считают их приятными, другие — отвратительными, это, так сказать, дело вкуса. А вот окрашены эти птицы прямо-таки роскошно. В их оперении и желтый, и коричневый, и зеленый цвета.

Щурки покружились и полетели вниз по ручью.

И когда я уже забыл про них, сзади раздался плеск воды...

Оглядываюсь... Солнце висит низко, вот-вот скроется за пологой вершиной горы. Но все — и деревья, и трава, и глинистые обрывы — выглядит в этом вечернем освещении необычно. Над венчиками цветов сияют золотис-

тые полукружья. Вода в ручье отливает тяжелым тусклым блеском, словно ртуть. И в этот ручей одна за другой, как яркие тропические бабочки, падают щурки. Ударившись о воду, они тяжело поднимаются, садятся на прибрежные кусты и отряхивают свое роскошное оперение. Потом снова бросаются в воду...

Там, где они купались, вспыхивала и гасла причудливой формы радуга. Я смотрел на щурок, на радугу и не мог наглядеться. Накупавшись вдоволь, они в последний раз отряхнулись и всей стаей полетели куда-то...

Я подошел к ручью и поднял забытое на траве изумрудно-зеленое перо...

КРЫЛАТЫЕ ТЕНИ

Над зеленью курчавых ив и серебристой джиды виднеется верх кирпичного строения. Это старая, давно брошенная насосная станция. Давно уже умолкли, износились и устарели ее насосы, не найти сейчас в зарослях тростника и кустарника тех полей или, может быть, огородов, на которые подавалась вода по проржавевшим трубам, а здание все стоит, как памятник добротности и прочности.

Берег реки покрыт невысоким тугайным лесом, далеко не девственным, а даже напротив, довольно жалким, изломанным, замусоренным. Но если смотреть издали с возвышенности, то лес вроде бы и прекрасен, и дик. Среди деревьев течет желтая река в желтых обрывистых берегах. А насосная похожа на замок или дворец...

Уже вечер, небо безоблачное, как почти всегда в этих местах. Закат сначала пылает ярко, потом тлеет, тускнеет, будто медленно покрывается сизым пеплом. Тишина... Славно так в этот вечерний час, хочется долго смотреть в гаснущее небо и неторопливо думать. И если бы не поломанные деревья, не обилие мусора на берегу

реки, то был бы здесь благословенный край! Храм природы!

Появилась летучая мышь, прочертила кривую ломаную линию, упала и возникла вновь. Вот и вторая, и третья. И уже много их, стремительных призраков, внезапно устремляющихся то вверх, то вниз. Это остроухие ночницы. «Неужели,— приходит мысль,— все эти движения, что так радуют меня и волнуют, совершаются ночницами только для того, чтобы насытиться? И они даже не подозревают, как прекрасны их стремительные зигзаги в густокрасном небе?»

Ничего таинственного, в общем-то, нет. Все давно понятно и разгадано вплоть до известный каждому школьнику способности летучих мышей к эхолокации. И все-таки трепещущие в вечернем небе силуэты вызывают странные и волнующие мысли. Каждый раз смотрю на это, казалось бы, самое обычное для южных сумерек явление как на чудо. Вот живут же на свете необыкновенные существа: кружатся, мелькают, как тени, посылают тонкие, как уколы, звуки. И непонятно, почему так радостно видеть и слышать это...

А утром подходит Петр Егорыч.

— Ты мне поможешь? — говорит он.— Надо отловить и окольцевать остроухих ночниц.

Петр Егорыч специалист по летучим мышам, я ему немножко завидую. Очень интересная специальность.

— Конечно, помогу. С большим удовольствием!

Тогда Петр Егорыч поворачивается к чабану Максуту — юрта его стоит в полукилометре от нашего лагеря, и он частенько заезжает к нам на лошади.

— Вон тот унгур,— показывает Максут камчой на каменистый склон по ту сторону реки Боролдай.— Видишь? У входа дерево растет.

Говорит он на смешанном русско-казахском наречии.

— Вижу, вижу,— кивает Петр Егорыч.

— Я знаю пять унгуров,— продолжает Максут.— В

каждом много тысяч жаргапат! Что будешь с ними делать?

— Окольцуем и выпустим.

— Почему выпустишь? Лучше убей!

— Зачем убивать?

— Старики говорит — какое место брызнет жарганат[1], будет ала — белый пятно, нехороший болезнь!

— Лишай, что ли?

Максут утвердительно кивает головой, лицо его выражает отвращение, брезгливость.

— Нет,— возражает Петр Егорыч,— не может такого быть!

Наш шофер Филипп Иванович тоже морщится.

— Только сюда их не приносите...— хмуро бросает он.

— А что такое?

— Не надо! На них клопы, клещи и всякая нечисть. Расползутся, как тут жить потом...

— Это верно, есть на них кое-что,— соглашается Петр Егорыч.

Мы берем с собой легкий фанерный ящик, сачок с длинной ручкой.

— Возьми вот это,— протягивает Петр Егорыч очки с простыми стеклами.

— Зачем они мне?

— Пригодятся... Берет тоже не забудь!

Вброд переходим горную речку и начинаем подниматься по каменистому склону — пещера довольно высоко. Отдыхаем и, когда высыхает пот на лбу, идем дальше. Вот и пещера. У входа растет высокое шелковичное дерево. Из темного входа, хлопая крыльями, вылетает стая голубей.

В пещере густой полумрак, откуда-то сверху падает, как сквозь окно, поток мягкого света. С потолка капает. Сыро и прохладно. Петр Егорыч вытаскивает карманный

[1] Жарганат — летучая мышь.

фонарик. Слабый желтый свет скользит и каменным стенам, трещинам и уступам. Прямо перед нами в центре пещеры сыпучая горка, по форме напоминающая маленький вулкан,— это помет летучих мышей. Слышится тонкий скрипучий писк. В слабом свете уже мелькают бесшумные крылья, проносятся быстрые тени, обдавая ветром. А на потолке шевелится живая и какая-то клочковатая масса.

— Высоковато! — говорит Петр Егорыч.— Пожалуй, не достать.

То, что на потолке,— никакая не масса и вовсе не клочки. Это головы шевелятся с раскрытыми белозубыми пастями. Летучие мыши.

Мы выходим на несколько минут из пещеры. Петр Егорыч находит сухую палку, привязывает к ручке сачка.

— Ну, теперь достанет... Очки надень.

Я поддерживаю его, он взбирается на скользкую каменную глыбину и поднимает сачок... Застойный воздух содрогается от взмахов сотен крыльев. Мелкие острые капельки сынятся сверху и, как иголки, вонзаются в лицо, руки. Вот зачем очки...

— Что это? — спрашиваю Егорыча.

— Что?

— Капает.

— Моча,— спокойно отвечает он.— Ты уж извини...

Я молчу. Выходим из пещеры, высыпаем из сачка в ящик крылатых мышей.

— Маловато, надо бы повторить,— смотрит на меня Петр Егорыч.

Повторяем... Кажется, достаточно. Теперь быстрее вниз, к реке — эти острые капли сверлят тело, кусают и жгут. Спускаемся медленно, по камням не разбежишься. Но вот — зеленая лужайка у воды. Предусмотрительный Петр Егорыч захватил с собой мыло и мочалку. Я прыгаю в холодный поток и моюсь с таким остервенением, что Петр Егорыч замечает со смехом:

— Полегче! Кожу сотрешь! Можно подумать, что ты никогда не имел с ними дела, а?

— Имел, да не при таких обстоятельствах,— отвечаю я, вылезая на берег.

Я помню летучих мышей с детства. Они появлялись с наступлением сумерек и зигзагами носились над крышами низеньких глинобитых домиков, над нашими головами. Говорили, что они могут вцепиться в голову, особенно в пышную прическу или белый платок. Поэтому нам, мальчишкам, было страшновато — а вдруг вцепятся! Это были самые загадочные для нас существа, какие-то ночные призраки. Никто не знал, где они живут, куда исчезают утром и откуда берутся с наступлением темноты.

Помнится и такой случай. По базару, пропахшему пылью и спелыми дынями, шел мальчишка с железным прутом, на конце которого дергалось, трепыхалось что-то живое. Я подошел и обомлел. Это была летучая мышь! Пасть ее была раскрыта в беззвучном крике, тонкие перепонки крыльев, пронзенные проволокой, дрожали. Я взял прут и стал освобождать мышь, и она куснула меня острыми, как шило, зубами. Я освободил ее, она улетела на своих продырявленных крыльях...

Заглядываю в фанерный ящик. Все летучие мыши крепко держатся за стенки ящика, все мелко дрожат. Дрожь передается от одного тельца к другому, и от этого все их скопище пульсирует, как единый организм. Тут же и детеныши.

— А малышей зачем взял?

— Окольцую и их,— отвечает Петр Егорыч.

— А найдут их родители?

— Выпущу в пещере. Думаю, что найдут...

Пожалуй, мы не успеем закончить работу дотемна. Ведь окольцевать — не только надеть колечки, а еще и сделать записи в журнале, указать возраст, пол и т. п.

Поэтому, к превеликому неудовольствию Филиппа Ивановича, мы заявляемся в лагерь с летучими мышами.

Начинается долгая работа. Петр Егорыч записывает в тетради, я кольцую мышей и выпускаю. А время идет, близятся сумерки. Филипп разводит костер, включает подфарники, рискуя разрядить свой аккумулятор. Он готов сделать все, только бы быстрей закончить с этими неприятными для него существами и не оставлять их в лагере на ночь.

— Ну скоро вы там?— то и дело повторяет он с нетерпением и досадой.

— Скоро, почти одна молодежь осталась,— отвечает Петр Егорыч.

Над нами вьются летучие мыши, пролетают низко, едва не задевая крыльями пламя костра. То одна, то другая посылает в пространство тонкий колючий писк и такой же ответ слышится из ящика.

— Кыш! Кыш! Подите вы!— машет руками Филипп Иванович.

Но мыши продолжают кружиться над нами. Одна из них вдруг ныряет в приоткрытый ящик... С минуту все молчат, поглядывая друг на друга...

— Это она за детенышем,— спокойно говорит Филипп Иванович.

— Что ты там говоришь? Ерунда какая-то...— отчего-то сердится Петр Егорыч. Тем не менее, он придвигается к ящику и не спускает с него глаз. Вдруг тяжело вылетает мышь с прицепившимся снизу детенышем и пропадает в темноте...

От удивления все как будто немеют. Напряженная тишина повисает в воздухе. Слышится только негромкий писк, похожий на скрип.

Даже Петр Егорыч, большой специалист по летучим мышам, не ожидал такого.

— Вот это да...— произносит он растерянно.

— Да...— повторяет Филипп Иванович. Глаза его делаются блестящими и круглыми.

В свете фар продолжают виться летучие мыши, делая неожиданные зигзаги и посылая в темноту пронзительные сигналы...

СУШИЛКА

Можно бы не называть ни времени, ни места, где это произошло, случай сам по себе незначительный, но чтобы читатель представил себе, как сочно зеленели горные склоны и каким ярким огнем горели огромные красные тюльпаны, скажу — было это в начале мая вблизи горного хребта Боролдайтау.

Поставив у подножья сопки палатки, мы с рабочим экспедиции Александром Матвеичем решили забраться на гору и осмотреть окрестности. Я слышал о красоте здешних мест, но все оказалось лучше, чем ожидалось. Горы были сложены из известняка, выветренные и округлые. Обычно в таких горах много трещин, провалов, пещер. Так и здесь. Странно видеть где-нибудь у самой вершины стекающую по камням блестящую полоску воды, хотя снежников на горах и нет вовсе. Это на большой высоте выбиваются грунтовые воды.

Внизу сходились два ущелья и сливались две реки, обе стремительные, как все горные реки. Боролдай голубовато-светлый в белой пене, и я невольно сравнил его с седым умудренным старцем, с правой стороны к нему торопливо бежала, прыгая по камням, резвая мутно-коричневая Кошкарата, по-молодому озорная и буйная.

Пока я разглядывал ущелья, Александр Матвеич опередил меня и теперь сидел, покуривая, высоко на уступе скалы. Он что-то кричал и махал рукой. Когда я поднялся к нему, он молча показал рукой в круглую каменную нишу — в ней лежали грибы, лежали не кучей, не как попало, а аккуратно разложенные на расстоянии

один от другого, все шляпками вниз и ножками вверх. Я не очень-то разбираюсь в грибах, но, судя по их виду, принимая во внимание наше местонахождение и время года, я решил, что это белые степные грибы. Было их ровно одиннадцать штук.

— Так сушат грибы, кто знает в этом толк,— сказал усмехнувшись, Александр Матвеич.— Лежат они по всем правилам — шляпками вниз, место выбрано, будто специально для сушки — дождем не намочит, солнце попадает только косое, не жаркое, ветром обдуваются. Настоящая сушилка. Только вот, кто же ей пользуется?

Грибы эти, конечно, принес не человек — нет никакого смысла сушить их так далеко от жилья, даже если бы грибов было намного больше. Скорее всего, сушилкой пользовался какой-нибудь зверек. Я перебрал в памяти всех обитателей этого края и остановился на пищухе. Этого зверька называют еще сеноставкой, за то, что он сушит траву и заготовливает на зиму «сено». Почему бы пищухе не запастись впрок и грибами? Я высказал свои соображения Александру Матвеичу.

— Пищуха,— категорически заявил он.— Больше некому.

Мы недолго прожили около сушилки, всего четыре дня. Перед отъездом я все же забрался на гору и заглянул в нишу. Грибы оставались на прежнем месте, они еще не высохли, но уже хорошо провялились.

Никакого зверька не увидел я поблизости и на этот раз. Тайна сушилки так и осталась неразгаданной, но мы с Александром Матвеичем нисколько не сомневались в отношении ее хозяина.

БОГОМОЛ

В Кзыл-Орде задержались дней на десять. Ждали машину, чтобы отправиться вниз по Сырдарье на полевые работы. Машины все не было. Наш начальник каждый

день ходил справляться о ней, а мы, в ту пору студенты, были предоставлены самим себе: читали или слонялись по городу.

Горячая, прокаленная южным солнцем пыль лежала на улицах и длинных глинобитых заборах, на узких листьях и блеклых цветках чахлых кустарничков, посаженных вдоль улиц. Казалось, что белесое безоблачное небо всей тяжестью навалилось на низкие крыши домов и от этого трудно дышать.

В один из таких знойных дней я шел по аллее пустого городского парка. По асфальту навстречу мне двигалось что-то живое. Подойдя поближе, я увидел богомола. Он неуклюже раскачивался на ходу, и тень его на асфальте проделывала такие же странные движения. Богомол бежал прямо на меня и, кажется, не намерен был уступить дорогу. Я остановился и склонился над ним. Богомол ответил угрожающим движением — приподнялся на второй паре ножек, а передние, сложенные наподобие рук молящегося человека, расставил и вытянул в мою сторону. Я продолжал стоять, а он все грозил, размахивал передними ногами, вертел своей треугольной головой, расправлял и снова складывал крылья.

Я решил взять его с собой. Вытряхнул из коробки спички, посадил в нее богомола.

Так уж получилось, что я вспомнил о нем только на следующий день и решил, что он, наверное, погиб от голода и неудобств. Но он был жив. Из щели показалась сначала лапа, вооруженная острыми коготками, а потом и голова с большими глазами, но настолько бледными и невыразительными, что они казались незрячими.

Лаборантка Валя посадила богомола в стеклянную банку и принялась ловить для него мух.

— Богомол — непростое насекомое,— восторженно говорила она.— Мне кажется — он думает... Посмотрите, сколько в его жестах смысла, важности, как у какого-нибудь крошечного эмира...

Богомол тем временем, как заправский боксер, резко выбросил вперед передние ноги, и муха оказалось зажатой между бедром и голенью одной из них. Не спеша, как будто даже смакуя, богомол съел свою добычу. Ел он немного. За весь день едва управился с пятью мухами. Кто-то подбросил в банку круглого и плоского, как черепаха, растительного клопа, но богомол брезгливо отшвырнул его в сторону. В еде он был довольно разборчив.

В банке было тесновато и Валя установила ветку таким образом, что она поднималась высоко над ее краями. Богомол мог взбираться на самую вершину, а, опускаясь, снова оказывался за стеклом. У него были и крылья, большие, прозрачные, с сине-фиолетовыми пятнами, но он почему-то не улетал. Может, тому причиной было толстое и на вид тяжелое брюшко. Валя подозревала, что это самка, и в скором времени следует ожидать потомства, но, кто знает, может, богомол просто полнел на легких хлебах.

Он то настойчиво скреб передними лапами по стеклу, то разгуливал вверх и вниз, но чаще всего неподвижно сидел, похожий то ли на подсохший листок, то ли на кусочек отставшей от ветки коры. И только треугольная голова его поворачивалась равномерно и бесстрастно, как какой-нибудь механизм. Бывало, что он подолгу сидел головой вниз, ему, видимо, было совершенно безразлично, как сидеть...

Однажды в комнату влетела оса, покружилась, постукалась в стекло, полазила по подоконнику и, наконец, уселась на ветку, на которой застыл богомол в своей молитвенной позе. Он слегка шевельнулся, будто ветром качнуло листок, и начал наводить на осу свой глазастый треугольник. Ловкачом он отнюдь не выглядел, но бросок его и на этот раз был удивительно точен. Оса зажужжала и забилась, схваченная поперек туловища мертвой хваткой. Оса — серьезный и опасный противник! Но богомолу или очень повезло, или он действительно был

мастером своего дела. Левая его нога вошла между головой и грудью осы, правая зажала брюшко, и страшные челюсти осы оказались в таком положении, что никак не могли достать богомола. Не мешкая, он срезал осиную голову, обезвредил ее. Таким образом, опасная оса превратилась в «освежеванную тушу».

И вот однажды, не помню точно в какой именно день, в развилке ветки появилось нечто похожее на маленький выпуклый домик с ребристыми стенками. Это была капсула — оотека, наполненная яйцами богомола, которым предстояло долгое созревание.

В тот день начальник отряда объявил, чтобы все подготовились к переезду на новое место.

На следующее утро разбили лагерь на берегу тихого степного озера с громким, каким-то рокочущим названием — Карарым. На нашем рабочем столе опять появилась знакомая всем банка с богомолом, прибывшая на новое место в Валином чемодане. В экспедиции всегда много дел, но разве трудно поймать для богомола несколько насекомых? К тому же аппетит его заметно ухудшился, одного маленького, кузнечика хватало ему теперь на весь день. Богомол присмирел, стал меньше передвигаться, можно было подумать, что он крепко затосковал. И вот однажды утром мы нашли его мертвым. Это был вполне естественный конец, ведь после откладки яиц самки богомолов погибают.

Ветка с капсулой перекочевала в Валин чемодан, а по окончании полевых работ — в нашу лабораторию, где и перезимовала на подоконнике среди склянок и цветных горшков.

Наступили теплые дни. Валя время от времени доставала ветку и внимательно разглядывала капсулу, но та выглядела сухой и мертвой.

— Пора бы выкинуть это сокровище,— говорил кто-нибудь, поливая цветы.— Вряд ли что из нее появится.

Яйца должны развиваться в естественной среде, а не на подоконнике.

— Разве вам мешает ветка?— спрашивала Валя в таких случаях, и ее оставляли в покое.

Время шло. Земля покрылась свежей зеленью, появились цветы, потом трава выросла по колено, а вот уж и лепестки яблонь посыпались на землю. Наш отряд готовился к новой поездке.

— Идите сюда!— позвала однажды Валя.— Смотрите! Богомолы вылупляются...

Жизнь, скрытая в маленьком жестком кусочке, похожем на обломок коры, все же проявила себя. Через маленькое отверстие в крыше капсулы вылезла личинка, одетая в буроватую оболочку. Как долго пробивалась она к миру, полному света, красок и запахов. Она делала это бессознательно, не подозревая даже, что ждет ее в этом прекрасном и беспощадном мире. Могла прилететь птица, если бы это происходило на воле, и склюнуть личинку. Тем бы и закончился долгий и трудный путь развития... Но она выбралась, оболочка лопнула, и мы увидели настоящего нежно-прозрачного богомола длиной чуть больше половины сантиметра. Как заботливые акушеры мы приняли из чрева капсулы трех молодых богомолов, еще два запутались в тонкой оболочке и погибли, так и не увидев солнечного света. Видимо, комнатные условия все же сказались на богомольем потомстве.

Зато эти трое росли быстро, благополучно линяли, и мы решили выпустить их на свободу.

Странные и хрупкие, но уже грозные для всякой мелочи, молодые богомолы быстро исчезли в путанице травы. По земле бегали муравьи, ползли яркие божьи коровки, жуки, клопы-солдатики. Громко стрекотали кузнечики. И наши маленькие богомолы в одно мгновение стали частицей этой стрекочущей, суетливой жизни...

СОМ

— Никто на свете не знает этого озера! — с волнением говорит мой товарищ по работе Колосков.— Только мы с тобой да рыбаки!

Места здесь действительно дикие. Озеро, о котором говорит Колосков, называется Кундус. За ним следует другое большое озеро, дальше третье, водоемы соединяются между собой большими и малыми протоками, и неизвестно, где кончаются. Вода, поступающая из мутной Сырдарьи, отстаивается и становится прозрачной, как голубоватое стекло. Но вечером цвет воды меняется: она приобретает фиолетовую, оранжевую окраску, а то становится желтой под цвет закатного неба.

— Эй, наука! — слышится хриповатый голос.— Примите тараса!

— Какого тараса?

— Ха-ха! — в лодке стоит рыбак Миша, одна нога на носу лодки, вторая на корме, и держит в руке пудового сома.

— Такого, наверное, и не видели?

— Не видели...

Миша выходит на берег. Рыбак — настоящий гигант, ростом около двух метров. Лицо его обветренное, красное и слегка оплывшее. С появлением Миши в воздухе завился острый спиртовый запах.

— Почему — тарас? — спрашивает Колосков, кивая на сома.

— А посмотри... Он на запорожца похож...

Действительно, пара длинных вислых усов и широкий, как бы ухмыляющийся рот, придают сому какое-то добродушное человеческое выражение.

— В вентерь заскочил,— говорит Миша, усаживаясь у огня.— Вам такого не поймать. Это что, головастики,— небрежно сплевывает в сторону нашего улова.

Как только мы появились на Кундусе, Миша зачастил

в гости, иногда остается ночевать, несмотря на то, что его глинобитый домик стоит совсем рядом, в каких-то двух сотнях метрах. Он любит поговорить, рассказывает нам о рыбацкой жизни, а Колосков растравляет его своими городскими романтическими похождениями.

— Тут крупные сомы водятся?

Миша некоторое время молчит, не отвечает на вопрос Колоскова, потом говорит почти с обидой:

— Какие хочешь, такие и есть... Вот привез — это тебе не крупный?

— Но ведь бывают по сто, а то и по двести килограммов?

— Есть и такие... В прошлом году чабаны с отарами проходили. Переправлялись через узяк на пароме, а собака по воде плыла. Доплыла до середины... Булькнуло — и нет собаки!

— Сом утащил?

— А то кто же? Запросто! Знаю я одну яму, там сом живет, килограммов на двести потянет.

Колосков привскочил.

— Покажи, Миша!

— Все равно тебе не поймать! Это же надо невод заводить...

— Эх, взглянуть бы хоть!

Миша молчал, как бы обдумывая, стоит Колоскову показывать яму, где живет сом или не стоит?

А сом-то, наверное, был. Самка весной, когда прогреется вода, откладывает икру в травяное гнездо, а самец охраняет... Вот такой сом, наверное, и стоял в яме.

— Одного рыбака сом чуть было не утопил,— продолжает Миша.— Купался он возле камышей, да вон там, отсюда видно, и уцепил его соменок за ногу! А зубы у него, хоть и мелкие, но частые, как щетка... Если что возьмет, так не выпустит. Хорошо — камыш близко. Ухватился тот рыбак, выбрался и сома за собой выволок.

Небольшой оказался — шестнадцать килограммов, а чуть не утопил...

Миша поставил на стол локоть, поднял вверх кисть руки.

— Давай, Колосок, на спор! Положишь меня — покажу сома, не положишь — не обижайся.

— Да ладно... Уж лучше не показывай.

— Давай, Колосок! — Мише очень хотелось помериться силами, такой на него спортивный азарт накатил. Колосков колебался.

— У меня есть крючок кованый. Привяжешь к сарычку — как раз для того сома! Ну?

Колосков решился, подошел к столу, сел напротив Миши. Рука его утонула в ручище рыбака.

— Раз, два, начали!

Судьба распорядилась не в пользу Миши. Лицо его напряглось, покраснело и через несколько минут рука коснулась стола, а Колосков, морщась, потряхивал пальцами.

— Ладно, выиграл, — мрачно проговорил Миша. Несмотря на свой тренадерский рост, он оказался слабоват, по-видимому, по причине злоупотребления алкоголем. Поражение произвело на него удручающее впечатление.

— Позорником оказался, — мрачно и долго повторял он сквозь зубы.

...Каждый вечер Колосков садился в рыбацкую смоленую лодочку и отправлялся ловить сома. Так продолжалось несколько вечеров подряд. Колосков неизменно возвращался пустым. Чего только не насаживал он на крючок, больше похожий на багор из пожарного инвентаря, но сом не брал наживку, кидался на нее и отпихивал мордой. Но Колосков не сдавался.

— Ты на лягушку попробуй, сомы любят лягушек, — советовал Миша.

...Мы с Мишей сидели на берегу. Вечер был тихий, теплый. Вода в озере отливала золотом. По гладкой по-

верхности двигалась маленькая головка змеи, наверное, переплывал озеро водяной уж. Вдруг на том месте разошлись круги и змейки не стало.

— Вот так же исчезла собака,— проговорил Миша, глядя на воду озера.— Ты вот сюда взгляни-ка,— он показал рукой под обрыв.

На топком илистом дне увидел я небольшого сомика, почти занесенного илом. Если бы Миша не показал на него, я бы и не увидел.

— Он мертвый!

— Кто? Это он плотву подкарауливает! Усы выставил, шевелит и ждет. Подойдет глупая плотвичка, он и проглотит.

Сомик не двигался и не походил на живого. Я не мог поверить, что он так долго выжидает добычу, даже илом весь покрылся.

— Он мертвый!

— Спорим — живой!— Миша бросил в воду камень. В том месте, где лежал сомик, поднялось облако ила, «мертвый» воскрес и, вильнув хвостом, скрылся в зарослях водной растительности...

В этот момент на блестящей полоске воды появилась лодка Колоскова. Миша взглянул из-под руки и стал медленно подниматься.

— Колосок поймал большую рыбу!

— Откуда ты знаешь?

— Лодка огрузла, не видишь?

Видно было, что Колосков торопится. Он часто шлепал веслами, плескал в лодку. Ему оставалось проплыть метров двести.

— Эй, на галоше!— закричал Миша, приставив ладони ко рту.— Есть улов?

И тут произошло непонятное. Над лодкой Колоскова поднялось нечто, похожее на толстое бревно, сам Колосков взмахнул руками и взлетел в воздух... Там, где только что плыла лодка, теперь поблескивало на солнце

мокрое днище. Несколько секунд мы с Мишей смотрели друг на друга, потом разом спохватились и побежали к моторке.

Колосков плавал около перевернутой лодки и что-то кричал нам. Мы втащили его в казанку.

— Там рыба!— глаза Колоскова сияли, что вовсе не вязалось с его бедственным положением. Огромный сом, едва в агонии не утопивший Колоскова, совсем обессилел и едва шевелил плавниками...

На берегу Колосков курил сигареты и рассказывал, сбиваясь, подыскивая слова и помогая себе жестами.

— Сначала было так... Он ходил внизу, отбрасывал головой приманку. Я боялся его, ей-богу! Как он там ворочался — чудовище! И вот он схватил! Лодку рвануло! Почему я не вылетел — не знаю... Он поволок по протокам и плесам! Таскал долго. Потом стал уставать. Вынырнул у борта лодки! Я ударил... багром! Он нырнул и потащил! Длинный он был, как лодка! Он перестал тянуть и не шевелился. И я устал... Думал, не втащу его. Но справился. Очень просто... Голову приподнял на борт, нажал, навалился и он стал скользить в лодку. Голова была на корме, а хвост на носу лодки. Как он ожил? Непонятно...

— Непонятно...— проворчал Миша.— Ожил бы он раньше, подальше от берега, могли бы и не встретиться. Там дно плохое... Ну да ладно, пропустим по сто за то, что обошлось.

Выпили. Колосков рассказывал, но уже не с таким темпераментом, все больше мрачнел, как-то скис и вдруг заявил:

— А он меня очень расстроил.

— Кто?— Миша рот приоткрыл от удивления.

— Сом!

— Ха-ха! Если расстраиваться из-за каждого сома, то на озере делать нечего...

— Я думал, буду гордиться,— продолжал Колосков монотонным голосом.— Нет, не буду...

— Да брось ты гундеть,— засмеялся Миша, хлопая Колоскова по плечу.— Такой сом — это ящик водки! Завтра приедут знакомые кореша — заберут!

— Я его боялся,— сказал Колосков.— А теперь там пусто...

— Где пусто?

— В той яме!

Миша промолчал, покачал головой и сплюнул сквозь зубы.

Я подошел к берегу. Сом лежал на траве и еще шевелил жабрами, огромный, не меньше двух метров в длину, и, как потом оказалось, весом в девяносто пять килограммов.

ЗЕЛЁНЫЕ ЧАЙКИ

Бурджарское водохранилище, когда плывешь на лодке, не очень привлекательно, даже наоброт — вода мутновата, по всей поверхности плавают какие-то ошметки, а берег усыпан круглыми орешками овечьего помета. Купаться в такой воде неприятно, кроме всего прочего, здесь водятся крупные пиявки с оранжевыми полосками по бокам.

Но стоит забраться на высокий обрыв и взглянуть оттуда, как сразу все меняется. Перед вами дивное озеро с изумрудной водой, прихотливо извивающееся между крутыми желтыми берегами. В обрывах, истыканных норами, гнездятся ярко окрашенные птицы: сизоворонки, щурки, удоды. Но самое удивительное на этом водоеме — зеленые чайки! Будто обрызгало их изумрудной Бурджарской водой, да так и осталось. Сначала думали — летит чайка над водой, а на оперении зеленоватые от-

блески или что-то в этом роде. Но когда она летела над берегом, было точно так же...

Чайки не могут быть зелеными, это всем известно. Получалось, что хоть не верь своим глазам!

Первым увидел зеленых чаек молодой лаборант Сева. Ему очень хотелось добыть хотя бы одну, чтобы рассмотреть поближе. Но как ее добудешь, да и ружья у нас не было. Однако Сева не унимался.

— Вот и дежурный с насосной станции говорит, что здесь зеленые чайки,— сказал он однажды за обедом, а сам, кажется, что-то задумал.

Так оно и было. Через некоторое время в верховье водохранилища раздался выстрел, а спустя час появился Сева и радостно сообщил:

— Можете не сомневаться — чайки зеленые!

С этими словами он вытащил из сумки убитую птицу. Чайка, а если точнее,— речная крачка, была такой, какой и должна быть: снизу белая, сверху сероватая с темной шапочкой на голове.

Больше всех это поразило Севу, он прямо раскрыл рот от удивления.

— Она была зеленая! Я сам видел!

— Как ты ее добыл?

— Дежурный по насосной застрелил. Ведь зеленая была. Точно, как эта,— он показал рукой на летящую над водой зеленую чайку.

Так и уехали, не разобравшись с чайками, ничего не поняв, кроме того, что был во всем этом какой-то обман...

Я не раз вспоминал чаек, обращался к специалистам-орнитологам, но они пожимали плечами: каждый занимался своим вопросом, а метаморфозы с чайками никого особенно не заинтересовали.

Однажды попалась мне книжка, в которой был рассказ со странным названием «Розовые куропатки». Ведь розовых куропаток в природе тоже нет. Прочитал я этот рассказ и понял, что хоть наши южные чайки и куропатки

Колымы по окраске и по месту обитания очень далеки друг от друга, однако, есть в них нечто очень близкое и похожее.

Автор рассказа стрелял розовых куропаток, а когда дома высыпал их из рюкзака, они оказывались белыми. Это его, понятно, очень удивило. Через несколько лет он случайно наткнулся на статью ученого, который заинтересовался розовыми куропатками, изучил это явление и и объяснил его. Оказывается, окраска птицы зависит не только от пигмента, но и от структуры пера, то есть строения составляющих его щетинок, шипиков, бородавок, от прозрачности роговых пластинок и их расположения. У одних птиц структура перьев, а значит, и цвет, сохраняется долго, даже если птица стала музейным чучелом, у других она разрушается сразу после смерти. К последним относятся розовые куропатки Колымы и зеленые чайки Бурджара.

Эти случаи как будто напоминают, что самое чудное, тонкое, неуловимое можно увидеть в природе, только когда она жива...

ФИЛИНЫ

Всякое строение в пустыне, будь то брошенный домик, кошара или могильный памятник, привлекают животных, особенно птиц, как нечто прочное и надежное в зыбком мире песков.

Утром по холодку иду к поселку, оставленному рыбаками, до которого от лагеря километра два. Долго брожу среди барханов, заросших джузгуном, тамариском и песчаной акацией, но поселка все нет, хоть я точно знаю, что он где-то здесь, совсем близко. Об этом говорит многое: круглые шарики лошадиного и верблюжьего помета, сухие коровьи лепешки, поплавки, обрывки сетей — все

это, казалось бы, должно быть погребенным под слоем песка, но песчинки легко приносятся ветром и с такой же легкостью уносятся...

Но вот, перевалив через крутой бархан, оказываюсь против большого деревянного дома, похожего на амбар. Крыша полуразобрана, в небо смотрит черная пасть чердака, перекрещенная остатками стропил. Дальше опять дома, приземистые, невысокие. В поселке много солнца, просторно и даже как-то уютно. В некоторых жилищах сохранились оконные стекла — отраженный солнечный блеск ударят в глаза; другие чернеют пустыми провалами. Заглядываю в окна, захожу, где можно, в двери — всюду птичьи гнезда: ласточкины, воробьиные, даже каменка поселилась в трещине стены. А вот очень интересное гнездо. На гвозде, вбитом в глиняную стену, висит оставленная когда-то матерчатая сумка. Эта сумка теперь забита всяким хламом, перьями, и пухом, а на ней хозяином сидит и громко чирикает воробей.

Иду дальше по поселку, наполовину погребенному под песком. Заглядываю еще в одно разбитое окно и... волосы на голове поднимаются дыбом. Прямо на меня смотрят несколько пар круглых горящих глаз, слышится костяной стук! Отшатываюсь от окна, но уже соображаю — филины! Испуг сменяется радостью — в доме семья филинов и птенцы совсем взрослые. Это удача! Надо сфотографировать. Дверь плотно закрыта, придавлена тяжестью песка, наметенного ветром. Разгребаю песок и протискиваюсь в узкую щель — филины выставляют навстречу клювы, как пики, и угрожающе щелкают. Ни одному из них я не желаю причинить вреда, но птицам это неведомо, для них я опасный враг и только. Один за другим филины бесшумно взлетают и исчезают в проеме окна. Их пять или шесть. Без всякого сомнения это семья, но где молодые и где старые птицы, отличить трудно. Один — это, конечно, молодой — замешкался в проеме за печкой, грозно топорщит перья... Я хватаю его. Филин

вонзает когти в мою штормовку. Я держу его, он — меня мертвой хваткой и стучит клювом. Какое-то время я стою в растерянности. Только что видел перед собой всю семью филинов, их уже нет, но один в руках и яростно дерет когтями мою одежду. Я не совсем доволен таким поворотом дела, лучше бы, конечно, оставаясь незамеченным, понаблюдать за семьей, но вернуть уже ничего нельзя...

Выбираюсь из тесного помещения, с трудом разжимаю крепко стиснутые когти хищника и бросаю его на песок. Филин распушил перья, распахнул метровые крылья и не сводит с меня пристального взгляда. В глазах его страх и жестокость, ничего хорошего он от меня не ждет и готов постоять за себя или умереть.

Щелкаю два раза затвором фотоаппарата — кончается пленка, как всегда в самый неподходящий момент. Надо перезаряжать, что я и делаю, повернувшись спиной к солнцу и поглядывая за филином. Пленка застревает, и я вижу краем глаза, что филин опускает крылья и, ссутулившись, неторопливо уходит за угол дома.

«Ничего,— думаю я, продолжая заниматься пленкой.— Никуда ты не денешься».

Все, готово. Фотоаппарат заряжен. Иду за угол дома — филина не видно. След на песке обрывается — улетел.

...Думаю, не прийти ли сюда ночью, может, удастся услышать, как они кричат? Кто-то наверняка скажет — глупо шагать по ночной пустыне несколько километров в надежде услышать крик филина, потом тащиться обратно, по скучной песчаной равнине. Может, и глупо, но ради этого можно пройти и большее расстояние...

С вечера взошла огромная красная луна, такая луна, что спать все равно нельзя — залит светом весь мир! Далеко видна кочковатая низина, совсем недавно бывшая дном моря, по которой то здесь, то там поднимаются и ползут, гонимые ветром, космы морской травы-чалана. И

гряда барханов тускло белеет вдали. Все равно не уснуть, будешь мучиться и томиться.

Я беру ружье, все же ночь, и волчьи следы видел на отмели, и иду в сторону белеющих барханов. Найду ли в темноте поселок? Чтобы не заблудиться в песках, отыскиваю в небе Большую Медведицу, потом Полярную звезду и держу прямо на юг-восток.

Иду долго. Вроде бы и светло при луне, но поселка все не видно. Не прошел ли мимо? Все вокруг одинаковое: белые бугры и черные кустарники...

Внезапно прямо передо мной вырастает дом. За ним другой... Ночью поселок лучше и чище, чем днем. Не видно ни обрывков сетей, ни поплавков, ни ржавых консервных банок. Стены домов и крыши в лунном свете кажутся голубыми, на белом песке лежат резкие квадратные тени. Из-за низкого глиняного забора-дувала бесшумно поднимаются две голубые птицы. Я вижу их не более двух секунд, в следующее мгновение они растворяются в белесом, от отраженного песками света, небе. Это филины! Если днем я случайно захватил их врасплох, то ночью такого случиться не может. Ночью филины не спят.

На песке в тени деревца стоит забытая старая железная кровать. Я сажусь на нее и, кажется, ночь облегченно вздыхает, избавившись от моего движения, от скрипа шагов по песку.

Тишина, покой, сияние... Из-под камышовой маты скользнула светлая волнистая струйка и пропала в черной квадратной тени. Это удавчик отправился на охоту.

— Ку-ить, ку-ить! — пронзительным голосом кричит домовой сыч и снова тишина...

Что-то колдовское в этих тенях, в этом безукоризненно чистом блеске ночи. Кажется, вот сейчас появится маленький горбатый джин с длинной бородой и совершит какое-нибудь чудо.

Долго сижу, глядя на луну и безмолвные полуразру-

шенные строения. Джин не появляется. Но что это? Легкий, почти незаметный топоток по песку. Сначала торопливо, а теперь медленно — шаг и остановка, будто кто-то крадется... Вот совсем стихло... Нет! Снова шаги. На светлом бугорке на мгновение возникает заяц, маленький заяц-песчанник, и снова катится в темноту, унося с собой легкое постукивание маленьких лапок.

Вдруг что-то косматое промелькнуло на фоне луны, и тонкий дрожащий крик просверлил тишину. И где-то далеко за поселком глухо раскатилось:

— Ух, ху, ха-а...

Я вскочил, бросился туда, где только что видел зайца. Включил фонарь. Рука дрожала, луч света плясал на песке, тыкался в кустарник и траву. Никаких следов! Ничего! Только песок, песок да колючие кусты чингила.

СТЕПНОЙ КОТ

На песке тонкий, едва проступающий следок. Его оставил дикий кот, животное смелое, осторожное. След пропадает на голых песчаных буграх, здесь его замело ветром, но вновь появляется и идет вдоль полосы джузгунов и селитрянок. Даже в этих диких безлюдных местах, где опасаться как-будто нечего и некого, кот держится вблизи кустарника, чтобы самому все видеть и оставаться незамеченным. Такая у него скрытная натура...

Я не собираюсь преследовать кота, хоть увидеть его и хотелось бы. Он может оказаться где-нибудь неподалеку, но может уйти и за десяток километров. Кота не застать врасплох, да и след его обязательно потеряется, ведь кругом пески...

Я уже прошел много километров, устал и сажусь на прогретый солнцем песок отдохнуть. Я думаю об этом небольшом скрытном хищнике, о его одинокой, тоскливой жизни среди песчаных бугров, поросших своеобразными

жилистыми растениями, ветки которых умеют так заунывно петь под ветром.

Передо мной лежит широкая ложбина, и со своего места я хорошо вижу, что вся она истыкана темными норами песчанок. Доносятся их пронзительные голоса. Желтоватые зверьки то выскакивают на поверхность земли и становятся столбиками, как суслики, то со всего разбега ныряют в норы, выбрасывая задними лапами фонтаны песка. Играют!

Видны только дальние норы. А ближнюю часть ложбины заслоняет ряд невысоких деревцев в темно-фиолетовых соцветиях. Это песчаные акации в весеннем наряде.

Со стороны брошенного рыбацкого поселка неожиданно прилетел молодой серый сорокопут. Он уселся на верхушку одной из акаций и сразу как-то возбудился, заволновался, завертелся, задергал хвостом, закричал странно, тревожно: «Трю-рю-рю-рю-черр...»

Такое спокойствие было вокруг, солнце садилось в редкую лиловую тучку, тихо угасал день, и только один сорокопут беспокоился непонятно почему. Я пошел посмотреть, чему удивляется эта так неожиданно прилетевшая птица. Когда я поравнялся с первой акацией, сорокопут взмахнул крыльями и улетел, а когда вышел за вторую — остановился как вкопанный. Пятнистый степной кот, наверное, только что сделал прыжок, над изрытой норами землей еще плыло пыльное облачко... В зубах кот держал песчанку...

Он первым опомнился и бросился бежать мягким скорым галопом. На моих глазах он пересек наискосок ложбину, сначала бежал по освещенной солнцем стороне, потом в длинной тени, отбрасываемой противоположным склоном, и совсем пропал среди низких солянок, где уже начали зарождаться сумерки.

Я все стоял и смотрел, угадывая, в каком месте он должен бежать в эту секунду и в следующую... Обидно было, что встреча эта так быстро прервалась.

МОРЕ

Море спокойно дремало под белесным знойным небом Азии, окаймленное желтыми берегами. Вода была густо-синего цвета. На мелководье, где мы купались, дно заросло густой морской водорослью-зостерой. Из-под ног стреляли мелкие рыбешки-бычки, стремительно пробегали два-три метра и затаивались в траве.

Километрах в полутора от берега покачивался на волнах «Лев Берг», похожий издали на большую белую птицу. Нам предстояло пересечь на нем Аральское море, чтобы высадиться на восточном берегу в песках Кызылкум. А пока мы ждали...

Город Аральск был налит зноем. Горячий ветер, обдавая горьким запахом полыни, стелил песок по асфальту улиц, поднимал в пыльных переулках крутящиеся вихри. Окна в домах были наглухо заклеены газетами и бумагой.

— Иначе не спастись от жары, будь она неладна,— ворчал наш сосед по бараку Петрович, третий помощник капитана на «Льве Берге».

Но вечера были хороши! Темнело поздно, сумерки длились невероятно долго. На западе все тлел и тлел закат, из розового превращался в малиновый, потом в темно-зеленый, наконец, воцарялась тьма... Зажигались звезды, маленькие и тусклые из-за висящей в воздухе мелкой пыли.

Однажды утром нас разбудил Петрович.

— Пора грузиться!

... На судне гремят якорные цепи, работает двигатель, сотрясая палубу, капитан кричит с мостика. «Лев Берг» разворачивается и берет курс на юго-восток. Большинство из нас впервые на Арале, все высыпали на палубу, мешают команде работать.

— Это что такое?— спрашивает молоденький лаборант Гена третьего помощника.

— Кнехты,— отвечает Петрович.

— А зачем?

Петрович терпеливо объсняет.

— А это?

— Мачта,— улыбается Петрович.

— Мачта? А зачем? Ведь это не парусное судно?

— Без мачты судна не бывает,— поясняет Петрович.— На ней блоки, антенна...

Гена вежливо благодарит и, посвистывая, отходит к борту.

— Эй, паренек,— окликает его Петрович.— На судне не свистят.

— Почему?— испуганно оглядывается Гена.

— Ветер насвистишь... Задует — тогда держись!

— Разыгрываете?— обиженно вспыхивает Гена и больше ни о чем не спрашивает...

Мы плывем уже часа четыре. Кругом вода, насколько хватает глаз. Никогда не подумаешь, глядя на этот простор, что Арал мелеет. Трудно передать словами цвет воды, прозрачной, зеленоватой, темной. Именно такой представлял я себе воду океана. На мелких острых волнах играют солнечные блики, миллионы бликов и каждый горит, как маленькое солнце.

Ночью поднялся ветер, насвистел-таки Гена. По крутому узкому трапу я выбрался из каюты на палубу, набив в темноте большую шишку на затылке. Судно, как живое существо, переваливалось с боку на бок и постанывало. С правого борта через всю палубу летели брызги, били в лицо, и я слизывал с губ горькую аральскую соль. В носу судна, укрывшись плащом, спал Петрович. В рубке крутил штурвал Абдильда. Он улыбнулся и махнул рукой.

— Сколько баллов?— крикнул я ему, застегивая на все пуговицы мокрую куртку. Он показал мне пять пальцев поморщился — это не ветер!

«Лев Берг» держал курс на одинокую яркую звезду,

низко висевшую над ночным морем. Крест мачты покачивался строго и значительно между звездами. Я подставлял ветру и волнам лицо, хотелось петь и кричать во все горло. Брызги казались ледяными, а в каждом порыве ветра была ласка, он приносил тепло недалекой, прокаленной солнцем земли.

Когда я вернулся в каюту, там еще не спали. Кто-то постанывал, страдая от морской болезни.

— Неужели оно совсем высохнет? — спрашивал голос Гены.

— Может, и не совсем,— отвечал другой голос.— Останется небольшое соленое озеро...

Я лег, но никак не мог уснуть. Вспоминалась первая моя встреча с морем... Мне было шестнадцать лет, я учился в школе. Жил в Алма-Ате, далеко от моря. Никто дома не мог понять, зачем мне море,— блажь, очередная глупость. Чтобы добыть деньги, в начале лета я устроился на завод временным рабочим. Два месяца трудился, страшно уставал, но шли дни и шум моря раздавался все ближе. По вечерам ходил на вокзал и смотрел на поезда, на уезжающих куда-то людей. Рельсы блестели, отражая розовое вечернее солнце, звали в дорогу. Я бродил у вокзала до сумерек...

Наконец он настал, мой день! Я купил билет и сел в поезд. Состав громыхал по мостам и туннелям, по степи... За окном — черная бездна, звезды. Теплый ветер врывался в окно, приносил незнакомые терпкие запахи. И вдруг — огонек... Далеко в ночной степи — огонек! И я думал с волнением, кто там в степи, зачем...

Рано утром я сошел на станции Аральское море. Прошел через город и увидел море! Оно было точно таким, каким я его представлял: темно-синяя вода уходила далеко за горизонт, тихие волны набегали на песок... На берегу сидели загорелые люди в пестрых тюбетейках, ели арбуз и бросали на песок зеленые корки. Тут же ходил

двугорбый верблюд, срывал губами колючую траву, поднимал голову, неторопливо жевал и смотрел куда-то далеко. Из-под ног брызгали в разные стороны мелкие ящерицы.

Долго-долго сидел я на крутом глинистом обрыве, смотрел в море и думал: «Какая большая, чудная и разная наша земля...»

...Не спалось. Я встал, вышел на палубу. Светало. Над серой водой стелилась утренняя дымка. У самого горизонта, почти касаясь крыльями воды, летели большие птицы — розовые фламинго...

БЕРЕГ

Утро. Судно стоит на якоре, покачивается на волнах. С левого борта виднеется желтая полоса берега. Капитан вылезает из рубки и смотрит в большой бинокль.

— Узун-каир!— отрывисто бросает он и жестом подзывает матроса, смуглого и мускулистого, как знаменитый боксер Стивенсон.

— Проход там,— показывает рукой.— Поселок, видишь? Держи правее...

— Поселок с людьми?

— Брошенный...

Я тоже смотрю в бинокль на желтые холмы Кызылкумов, на поселок, затерявшийся в песках.

— А что там, на бугре?

— Кладбище.

Странное кладбище. Обычно казахи строят могильные памятники из глины или кирпича, а здесь они выложены из толстых стволов саксаула. То ли это от недостатка нужного строительного материала, а может, местный обычай такой. Одни мазары представляют собой низкие округлые ограды, другие поднимаются ввысь острыми конусами.

На этот берег нам предстоит высадиться и поработать там дней пятнадцать.

— Палатки ставьте подальше от моря,— предупреждает капитан.— А то подует юго-восток, нагонит воды... Берег низкий, затопит...

Ну что ж, начинаем переправляться. Море в восточной части Арала мелкое и добраться до суши нелегко. Мешает водная растительность — листья рдеста плавают буро-зелеными поплавками по синей поверхности моря, а чуть глубже, у дна, качаются, как пышные зеленые волосы, водоросли вашерии. Трава наматывается на винт, и двигатель то и дело глохнет. За кормой поднимаются клубы черного ила, гребной винт цепляет дно. Оставляем лодку на якоре в море, а сами бредем по колено в воде к берегу — надо устраивать лагерь.

Много раз я бывал в пустыне, не в этой, так другой. И знаю — нового будет мало: такой же песок и те же растения. Но каждый раз при встрече с пустыней охватывает волнение...

Земля эта кажется мне живой, не в том смысле, что здесь много живности, а сама земля будто живая... Я смотрю на холмистую гряду барханов, что поднимается в полукилометре от моря, а эта живая песчаная цепь угрюмо смотрит на меня и наш лагерь.

Впечатление — не обман, земля действительно живая, и я постепенно постигаю это.

Низина, что лежит между морем и барханной грядой, совсем еще недавно была морским дном.

— Хруп, хруп, хруп,— раздается во время ходьбы, ломаются под ногами ракушки-сердцевидки, сплошным толстым слоем покрывшие землю. Путается в ногах, сухо шелестит морская трава-чалан, оставленная морем на суше. Бурая эта трава лежит большими горбатыми кочками по всей низине от моря до барханов. Подует сильный ветер и вдруг — что такое? Бегут один за другим круглые неу-

клюжие звери, похожие на медведей. Так ведет себя на суше морская трава-чалан...

Ветер властвует над морем. По его прихоти оно то отходит, далеко обнажая берег, то, наоборот, наступает на сушу. Поэтому вблизи от моря всегда мокрая земля. Все здесь истыкано острыми следами сайгаков и джейранов. И волки приходят сюда, прячась за кучами чалана, подкарауливать добычу. А дальше, куда не достают никакие волны, надуло песчаную рябь, и по ней уже принялись в рост пустынные травы и кустарнички: лебеда да кое-где молодые ростки тамариска.

Полуденные песчанки обживают «морское дно», выкопали себе норки в песке и с писком убегают в них при приближении человека.

Вот оно — живое движение земли! Пустыня наступает на море, постепенно, но уверенно покоряя его.

Еще дальше от воды высокая песчаная гряда, она неподвижна, но похожа на стремительный вал, катящийся на море. На гребнях барханов цепко держаться кривые узловатые кусты — джузгуны, увешанные, как елочными игрушками, красноватыми шариками плодов. Шарики отрываются от растения и наперегонки катятся по крутому склону бархана в низину. Тоже наступление пустыни.

По песку, то вверх, то вниз тянется двойной след, будто прошел миниатюрный гусеничный трактор. Черепаха! Забралась на высокий бархан и смотрит с высоты на открывшийся синий простор. Вытянула вперед морщинистую шею, по-старчески жует челюстями, будто размышляет... Постояла и повернула обратно. Дальше нельзя, не пришло время...

У КАМЕННЫХ СТОЛБОВ ЧАРЫНА

Много в Семиречье географических названий странных, волнующих, загадочных: Тасмурун, Кетмень, Хан-Тенгри, Алтынэмель...[1] А в слове Чарын есть что-то чарующее. В одном этом названии целый рассказ из намеков, предположений, догадок...

Река Чарын протянулась от истока до впадения в Или на триста пятьдесят километров, течет она среди горных ущелий, стиснутая отвесными скалами, потом выходит на просторы ровной глинисто-песчанной пустыни.

Не сразу, а может быть, и не всякого поразит своеобразная красота этой реки. Помнится, был я на Чарыне во время недолгой студенческой практики. Но тогда так весело и счастливо проходили дни, что сам Чарын отступил на второй план. Были вода и солнце, луна и звезды, но были так, как могли быть в любом другом месте.

Но Чарын не забылся... Где-то в глубинах памяти осталось беспокойство, связанное с именем этой реки, порой звучали в ушах плеск воды и гулкое эхо обвалившихся глинистых берегов. И все тянуло вернуться к Чарыну, посмотреть на него подольше и повнимательней, поразмышлять...

Время идет. Однажды я ехал по каким-то делам, дорога пересекала Чарын. Только на миг мелькнула река и пропала. С волнением смотрел я на буйную воду, сероватую от примеси ила. Стиснутая с двух сторон отвесными скалами, она неслась таким стремительным и мощным потоком, что почти не пенилась на перекатах. Автобус промчался по мосту, и река осталась позади, но перед глазами все мелькали искрящиеся волны и курчавые зеленые туранги на берегу Чарына.

[1] Тасмурун, Алтынэмель, Кетмень, Хан-Тегри — название горных хребтов.

Вот нашлись попутчики, и мы втроем решили добраться до реки и провести там хотя бы дня два-три.

— Мы говорим, Африка или там — Амазонка...— сказал между прочим один из них.— Разве не так же загадочен и неясен для нас Чарын?

Вышли из автобуса перед перевалом через невысокий хребет Турайгыр и направились по накатанной автомашинами дороге на восток через ровную, как асфальт, Сюгатинскую равнину, окаймленную двумя хребтами, один из которых был так далеко, что казался лиловым. Легкая дымка стелилась над равниной, случайный ветерок гулял, где ему вздумается. Такой был покой вокруг.

— Тают вдали синие дали Синьцзяня...— проговорил один из моих попутчиков и потом все повторял эту фразу. Не знаю, откуда эта фраза, из китайской поэзии или из песни, и по ошибке повторялось здесь «вдали» и «дали», или так надо было. Но эта строчка стала неотъемлевой частью настроения, которое не покидало нас во время похода.

Путь наш длинен и тяжел. Хребет Турайгыр, вдоль которого мы идем, понизился, припал к земле, как раненый зверь. Начинается узкий пологий коридор. Дорога ушла, вильнув в сторону. Едва заметная тропа ведет куда-то по распадку между обвалившимися глыбами красной глины, среди сказочного царства причудливых фигур, столбов и строений. Некоторые скульптуры, сотворенные ветром, дождем и солнцем, напоминают суровые человеческие лица.

Вот сфинкс лежит, высокомерно глядя перед собой, словно собирается задать коварный вопрос. Там собака, а еще дальше, голова верблюда на длинной шее. Здесь, кажется, и должно наступить то мгновение, когда так радостно осознавать себя малой песчинкой среди величавой природы.

— Стойте! Слушайте... Вода шумит.

Снизу, издалека, ветерок приносит шорох, похожий

на тот, с каким маленький жук выбирается из спичечного коробка.

Как тут хорошо! Но беспокоит неприятное ощущение — вдруг там, у реки, все истреблено, изломано, разрушено? Странное это чувство, но я не считаю его необычным для человека второй половины двадцатого века.

Река шумит все ближе и вот уже виден сверху ее серебристый излом в зелени деревьев и тростников. А когда мы спустились вниз, то попали в настоящие джунгли. У самой воды стоят на корявых стволах приземистые ивы и туранги. С одного дерева на другое свешиваются длинные гибкие лианы — ломонос. Растения помельче, более сухоустойчивые отодвинулись от реки подальше, среди них: саксаул, тамариск, чингил, барбарис, карагана...

Из-под джузгуна, очень близко от нас, выскакивают сразу два зайца и, удивленно косясь на людей, короткими прыжками убегают в заросли. Свежий след горного козла — тека уводит вверх по распадку. На плоских камнях под редкими стебельками трав журчат во всю мочь толстые короткие кузнечики — зичии. Возьмешь в руку пузатого музыканта, он весь содрогается, как будто от страха, но поет пуще прежнего. Отпустишь его, он уходит, неуклюжий и совершенно беспомощный...

Крошечный тугайчик, прилепившийся к берегу Чарына похож на заповедник. Мало людей бывало здесь — очень трудно добраться. За поворотом реки такой же девственный тугай. До него рукой подать, но река не пускает, она раздробила, изрезала берег, перемешала тугаи с неприступными скалами, будто для того, чтобы уберечь от опасности. В воду войти — унесет, расшибет о камни, а если пойти по берегу, наткнешься на отвесные стены, поднимающиеся прямо из воды. Нет, не люди сберегли эти дивные рощицы, а сама река, проложившая свой путь по таким неудобным местам.

Дойти до реки в изнурительную жару. Сесть устало

на теплую землю и прижаться спиной к шершавому стволу дерева. Окунуть руки в быструю холодную воду. Это ли не радость?

— Тают вдали синие дали Синьцзяня...

Блекнут яркие краски. То, что было зелеными кронами деревьев, синими и оранжевыми скалами, становится однотонным. Не зеленым, не синим и не оранжевым, а таким, чему и названия нет...

Вечером горит костер, бросая багряные блики на скалы, стиснувшие с двух сторон поляну, поют сверчки, летучая мышь вычерчивает зигзаги в темнеющем небе. Луна выпутывается из корявых веток...

Спасибо тебе, Чарын!

ГНЕЗДО РЕМЕЗА

На дне ущелья, перекатываясь по камням, бурлит поток... Над ручьем на тонкой ветке ивы раскачивается маленькое гнездышко, похожее на мягкий пушистый мячик. С одного края его загибается вниз «трубочка» — вход с таким узким отверстием внутри, что, кажется, не только птице, но и насекомому проникнуть туда не легко. Такие гнезда строит только одна птица — ремез.

Смотрю на это сооружение и удивляюсь его бесхитростному совершенству. Расположено оно на высоте пяти-шести метров от земли — никакой крупный зверь не достанет. Мелкий хищник тоже не подберется — слишком тонка и гибка ветка, на которой оно висит. В гнезде тепло, сухо, безопасно.

Пока я раздумываю, обитаемо ли гнездо или брошено, ремез с зеленой гусеницей в клюве со всего хода, не сбавляя скорости, точно влетел в раскачивающееся жилище.

Сначала казалось, что внутри пушистого шарика

птенцы. Затем стало ясно — там яйца, а насиживают их поочередно самец и самка.

Через две недели снова иду к ремезам. Беспокоюсь — как бы не разорили. Но гнездо цело, из него доносится громкий писк.

Наружу высовывается маленькая симпатичная головка с желтым клювом. В таком неудобном положении, вниз головой, птенец висит долго, разевает клюв и требовательно пищит. Прилетает один из родителей, сует в разинутый рот бабочку. Но этого мало, птенец просит еще.

В последний раз я пришел к гнезду, когда птенцы стали взрослыми. Сразу я этого не понял. Они по-прежнему висели вниз головой, выпрашивая поесть, а родители носили им насекомых. Вдруг один из птенцов «выпал» из гнезда и... уверенно перелетел на соседнее дерево. Вслед за ним вылетел второй, потом третий. Я насчитал шесть птенцов, но может, их было и больше...

К вечеру разлетевшееся семейство стало собираться. Молодые ремезы облепили свой дом, каждый из них, сталкивая другого, стремился влезть внутрь первым. В конце концов — все дома. Гнездо шевелилось, словно живое, и все больше «раздувалось»...

Солнце закатывалось. Последние лучи догорали на вершинах деревьев. Гнездо было уже в тени. Его, словно маленькое суденышко в бурю, раскачивало ветром из стороны в сторону. Ремезы засыпали под убаюкивающий шелест листьев...

БЕСПОКОЙНЫЙ СОСЕД

На приемном пункте кто-то из рыбаков рассказывал про енота, а его собеседник возражал:

— Ты, Винни-Пух, что-то путаешь, в Казахстане и

Средней Азии нет и никогда не было енотов. Они водятся в других местах.

— Не было?— повернулся рассказчик.— Не было для тех, кто спит на ходу и дальше своего носа ничего не видит...

Другие рыбаки в спор не вмешивались, а только покачивали в сомнении головами. Я знал, что попытки акклиматизации енота и енотовидной собаки на юге Казахстана были, правда, закончились неудачей. То, что я услышал, показалось мне вполне достоверным и даже, в какой-то степени, дополняющим сведения о судьбе некогда выпущенных зверьков. Единственно, в чем я сомневался — о ком шла речь, о еноте или енотовидной собаке? Последнюю рыбаки и охотники часто называют енотом. Но, как говорится, за что купил, за то и продаю, все равно мне уж больших подробностей не раздобыть. Предлагаю этот рассказ в том виде, в каком услышал и запомнил.

Было это в шестидесятых годах на одном из озер в среднем течении реки Сырдарьи.

— Смотри-ка, опять он рыбу стащил,— ругался утром один из рыбаков по фамилии Лобанов, перебирая в лодке мокрые сети.— И это уже не в первый раз. Не кажется ли тебе, что этому пора положить конец?

— Каким образом?— спросил маленький толстенький Винников, по прозвищу Винни-Пух.

— А таким... Зарядить ружье картечью, посидеть ночью под кустом и расчитаться с ним раз и навсегда.

— Я не хочу иметь дело с инспекцией,— возразил Винни-Пух.— Это запретный зверь. Его когда-то здесь выпускали, чтобы он размножался.

— Ты знаешь, что это за зверь?

— Приблизительно... Приходилось видеть такие следы на Дальнем Востоке. Это енот!

Лобанов присвистнул и покачал головой.

— Ну и ну... Раз так — стоит потерпеть. Придется

привязывать продукты на дереве. Как делали золотоискатели в рассказах Джека Лондона. А может, он и по деревьям лазает?

— А черт его знает. Вроде бы нет...

— Я слышал — лазают. А еду полощут в воде. Такие чистоплотные...

Вечером Винни-Пух увидел среди тростников два светлых глаза. Он устроился около палатки и затих. Зверь, шлепая по грязи, прошелся по берегу, обнюхал все ведра и ящики, что-то перевернул, потом забрался в лодку и долго там возился и пыхтел. Недовольно поворчав, ушел в тростники.

Через несколько дней зверь опять пришел к палатке. Когда рыбаки приставали к берегу, он высунул из тростников остроносую в бакенбардах голову и фыркнул. Лобанов запустил в него веслом, и зверь исчез, огрызаясь.

Но через час Винников обнаружил его в лодке. Енот убежал очень неохотно. Когда Винни-Пух собрал в мешок улов, услышал в зарослях недовольное ворчание Винни-Пух подумал и оставил две рыбины.

— Такого нахала я еще не встречал,— заключил он, рассказав Лобанову о происшедшем.

— Я бы на твоем месте огрел его веслом. Не нравятся мне такие соседи. Он нам, еще погоди, что-нибудь да устроит...

На озере вдруг раскричались чайки, гнездившиеся колонией на одном из островков.

— Это он их пугает,— проговорил, прислушиваясь, Лобанов.

На седующий день он не нашел своих сандалий из свиной кожи, и это воровство, хоть и не доказанное, было приписано еноту.

Поэтому, увидев утром бегущего по берегу зверя, Лобанов закричал:

— Дай ружье! Скорее!

Но Винни-Пух был сдержанным человеком.

— Ты не имеешь права этого делать,— ответил он.— Хоть бы он стащил у тебя кошелек с деньгами.

Рыбаки сели в лодку и отправились «трясти сети». Проплывая вдоль небольшого узкого островка, они заметили, как стая крачек с криком то взмывала вверх, то падала вниз, как будто на кого-то нападая.

— Держу пари, что там наш сосед,— Лобанов кивнул в сторону островка.— Ну и вредная тварь. Он, пожалуй, разгонит на озере все живое. Возьми правей, я поучу его шестом, как надо беречь природу!

По островку метался хорошо знакомый обоим зверек. Морда его была вымазана желтком, перемешанным с кровью. Лобанов привстал, приготовил шест. Нос лодки ткнулся в берег. Лобанов прыгнул, но попал в кучу плавника и провалился по грудь в воду. Пока он, чертыхаясь, выбирался из воды, енот спокойно переплыл залив и скрылся в прибрежной траве.

После этого случая енота долго не видели. Он как будто понял, что проделки его зашли слишком далеко, и опасался попасть под горячую руку...

Наступили осенние дни. Подсохла трава, вода сделалась холодной и прозрачной, птицы сбивались в плотные стаи. Уже изредка постреливали в тростниках охотники.

— Что-то не видно нашего соседа,— говорил иногда Винни-Пух.

— Я по нему не скучаю,— отзывался Лобанов.— Лазает где-то в другом месте. И там крадет и разоряет...

— Значит, так надо... Не мы с тобой его придумали. Только мне кажется, он долго не проживет, имея такой неважный характер...

Любознательный Винни-Пух все же выследил енота. После дождя он увидел свежий след на мокрой тропе, приведший его к небольшой копне скошенного тростника. Здесь было много следов. Рыбак несколько раз обошел вокруг копны, как вдруг тростник зашевелился, и оттуда

выскочил енот, задрал вверх хвост и защелкал зубами. Винни-Пух отступил, покачал головой и ушел.

...В один из воскресных дней к домику рыбаков подошел охотник, очевидно городской, присел отдохнуть и поговорить и положил на землю убитого зверя с пушистым плосатым хвостом.

— Смотри, Винни-Пух! — крикнул Лобанов.— Конец пришел нашему соседу! Так я и предполагал.

Подошел Винников.

— Зачем же вы так? Убили редкого зверя,— хмуро проговорил он.

— Что вы? — растерялся охотник.— Я не хотел его убивать. Так получилось... Подхожу к стожку, хотел там посидеть, как вдруг он выскочил — и на меня! Я выстрелил...

— Мы все лето терпели его, хоть он был и не очень симпатичным соседом... Ну, да что уж там...

С тех пор ни Винни-Пух, ни Лобанов енотов не встречали.

ВОДЯНОЙ

И в этот раз был немалый путь, прежде чем мы увидели впереди синий изломанный силуэт одного из хребтов Джунгарского Алатау. Восемь километров от шоссе до прилавков, а потом несчитанные трудные версты вверх к снежникам. Издали горы выглядели пустынными: четко очерченный каменистый контур хребта и серые крутые склоны. Не доходя до прилавков, мы оказались на берегу небольшой речушки, в густых зарослях облепихи.

Борис вынул из рюкзака стеклянную поллитровую банку и предложил нарвать немного ягод. Потом повыше попались два куста барбариса. Ягоды были крупные,

плотные, туго налитые кислющим фиолетовым соком. И опять немножко набрали в банку. Еще дальше на каменистой осыпи рос колючий шиповник с продолговатыми ярко-красными плодами.

Банка наша наполнилась разноцветными плодами Джунгарских гор.

От речки шли по узкой каменистой тропе. Шли очень долго и уже мучились от жажды. И вот за одним из поворотов открылась словно иная страна — синие островерхие елки стояли по склону густо, как богатырская рать в шлемах, кое-где виднелись березы и краснеющие осинки. А далеко внизу, на дне ущелья, белела извилистая полоска — речка. Нижний конец белой полоски пропадал в зелени кустарника, а верхний уводил к снежникам.

Солнце уже покраснело и обещало скоро спрятаться за дальними горами, в ущельях лежали глубокие тени. Ноги подрагивали от усталости. Поэтому мы жадно смотрели туда, где заканчивалась лесная зона, и река делала крутой поворот. Там решили остановиться и заночевать. Оставалось пройти километра два.

...И вот горит костер в ущелье, а над огнем в большой жестяной банке закипает вода из той самой речки, что виделась нам белой кипящей струйкой.

В банку высыпали разноцветные ягоды и положили пучок душицы. И только когда все это хорошо прокипело, бросили заварку и насыпали сахару. Что это был за чай — рассказать невозможно! У него был темно-вишневый цвет. Он был сладок, душист и целебен. И усталости нашей как не бывало.Можно было подниматься и шагать дальше. Но мы не спешили. Был вечер, пылал костер, красные блики плясали в неспокойной верткой воде горной речки было очень хорошо сидеть, разговаривать и вспоминать прошедший день. В этот день мы спугнули стаю куропаток, видели след небольшого медведя, и улар, свистя крыльями, пролетел над головами.

А теперь наступала ночь. И все, что окружало нас: камни, елки, утесы, поросшие курчавым можжевельником, обволакивалось тьмой, вырастало до гигантских размеров, теснило...

Ночь чуть слышно шумела и пахла зеленью. Слышалось, как негромко, плавно и мягко поет вода в речке, булькает приятно и однообразно. Красные блики все играли с речными струями, появлялись и исчезали то яркие, то робкие, едва заметные, и не проходило желание смотреть на эту черно-красную воду.

— Слышишь? Рыба сыграла!

— Рыба? В этом-то ручейке?

— А что? Здесь может быть осман или голец.

— В такой-то холоднющей воде?

— Смотри! Вот он!

— Кто?

Во все глаза смотрели мы на странное темное существо, медленно выбирающееся на плоский камень. У существа была маленькая головка и длинный мясистый хвост. Оно сверкало так, будто состояло из блестящих бородавок.

— Водяной!

— По-моему — это лягушкозуб,— сосредоточенно и монотонно промолвил Борис и добавил: — Такая редкость...

Семиреченский лягушкозуб — редчайшее земноводное и встретить его можно только здесь, в Джунгарии.

Мы потянулись поближе, интересно взглянуть на животное, живущее в ледяной воде, среди суровой и угрюмой природы гор, там, где даже мы — люди, испытывали какую-то смутную тревогу.

— Какое печальное существо,— сказал Борис.— Конечно... амфибия слишком примитивна, чтобы быть печальной. Она плещется в воде, добывает свой корм, жует... и хлопает глазами... И все же — какое печальное существо...

Лягушкозуб, возникший из плеска воды и темноты, лежал на плоском камне и сверкал на наш огонь крошечными искорками глаз.

Потом он ушел в воду. И наши руки потянулись за ним шарили по дну, по песку и гальке, и что-то скользкое коснулось руки и ушло в трещину...

Утром вспомнили лягушкозуба. Подняли несколько камней, под одним был он. Теперь он казался обычней, проще, маленькая головка как бы говорила о примитивном мозге. Он был не очень проворен, а скорее, медлителен. Не мог выносить солнечного света и все время сползал в воду. Уходил от наших рук, от нашего любопытства, от дневного блеска в свой темный, холодный мир.

Он перестал быть загадкой, и все же осталось чувство, будто в ту ночь была сказка, было маленькое блестящее чудо с крошечными искорками глаз.

ОШИБКА

Скопу мы увидели часов в пять вечера, когда весь отряд сидел за ужином на берегу реки. Она летела невысоко, в каких-нибудь десяти метрах от воды. И ничего такого особенного в ней не было, просто летела над водой хищная птица, лениво пошевеливая длинными крыльями.

— Скопа!— сказал кто-то из нас.

— Неужели скопа?

Пролетая над нами, птица поднялась повыше, по-видимому, из предосторожности. У нее была светлая грудь, крючковатый клюв, хорошо были видны глаза, острые, пронзительные, как у всех хищников, время от времени она поворачивала на лету свою маленькую изящную головку.

Скопа миновала наш лагерь, пролетела чуть дальше

и вдруг сложила крылья и упала в воду. По глади разбежались и успокоились волны, и скопа все не появлялась.

— Утонула!— раздался возглас.

Прошло не меньше минуты, показавшейся нам очень долгой, прежде чем птица вынырнула. Еще с полминуты она лежала на воде, распластав крылья, вертела головой, оглядывалась кругом. И опять кто-то произнес:

— Расшиблась... Такой удар!

Но она взмахнула крыльями — раз, другой, третий, и тяжело взлетела. В когтях поблескивала рыба. Скопа круто повернула вправо и пропала со своей добычей за высоким тростником, покрывшем противоположный берег реки.

Это была первая встреча с крылатым рыболовом, но, разумеется, о скопе я читал и слышал не однажды. Эта птица хоть и обитает почти по всему земному шару, но везде считается редкой. Я немало путешествовал по Казахстану, Средней Азии, а в этот раз увидел ее впервые. Что скопа ловит рыбу, я, конечно, знал, но как это делается, понял только сейчас. Очень нелегко вот так, с лету, бросаться в воду, а нужно сделать много бросков, чтобы схватить рыбу, которая тоже не стоит на месте. Какой риск для птицы, ведь она может покалечиться при ударе о воду, может в азарте вонзить когти в крупную рыбину, которую ей не поднять в воздух, и тогда — гибель. Уж не потому ли, что жизнь этой птицы полна трудностей и опасностей, мы так редко ее встречаем? Но скопа приспособилась именно к такому способу существования, это то единственное, что она может, чем живет...

Мы и потом видели пролетающую над рекой скопу, но в воду она больше не бросалась. А посмотреть, как она охотиться, очень хотелось.

Проснулся на рассвете... Поеживаясь, натянул холодные, как ледышки, сапоги и вышел. Палатки, влажные от утреннего тумана, провисли, трава согнулась от тя-

желых капель. Река Большая Узень, перекрытая глинобитной плотиной, курится, парит, как будто только что прошел большой пароход и дым никак не рассеется... Пробежал легкий ветерок, и тростники на противоположном берегу разом зашевелились, закивали рыжими пушистыми головками. Пересвистываясь, в мокрые тростники нападает подвижная стайка усатых синиц. Вблизи берега распускают по воде круги большие поганки-чомги, ныряют за мелкой рыбешкой.

А вот и скопа. Спокойно, уверенно скользит в утреннем свете, вертит головой, посматривает то одним глазом, то другим вниз, словно любуется своим отражением. Ни суеты, ни торопливости в движениях.

...Все ближе, ближе. Вижу белую грудь, светлую «шапочку» на голове. Вот он, бросок! Смелый, неожиданный! Захватывающее зрелище.

Птица врезается в холодную воду. Брызги фейерверком! Фонтаны воды!

Взлетает, отряхивается. В когтях отчаянно трепещет... речной рак!

Мне кажется, скопа ошиблась и теперь только поняла это. Она вдруг забеспокоилась, завилась кругами, встряхивая лапой, поднималась все выше и выше. Но рак держался цепко и от страха сильнее сжимал свои клешни. Скопа забиралась все выше, превратилась в темную точку и растворилась в небе...

Чем закончится эта схватка? Вернее всего, скопа придет в себя, сядет на дерево и, пустив в ход клюв, расправится с неожиданной добычей... А может быть, рак разожмет клешни, упадет в другой водоем и станет родоначальником нового рачьего племени. Ведь и такое бывает...

ПАУТИНКИ

Декабрь на себя не похож. Тепло — дожди и туман. А снег, что выпал раньше, почти весь растаял. По горной дороге, что круто поднимается вверх, грязь и слякоть. Прислушаешься — журчат в тишине крошечные ручейки, тоненькими ниточками сходятся к дороге и по узкой промоине дружно устремляются к речке. Так похоже на весну...

Но посмотришь на хмурое небо, на голые, без живого трепета ветки и становится ясно — временное это тепло, обманчивое и коварное. И птицы это чувствуют — кричат, но не поют. Вон чернозобые дрозды на ветках боярышника громко ссорятся из-за ягод. Дрозды — гости временные, как прилетели, так и улетят с наступлением холода. Дальше за теплом потянутся...

Небо проясняется, голубеет, и вот уже солнце блестит из-за легких облачков. Вдруг вспыхивают длинные паутинки, протянувшиеся от стебля к стеблю, свисающие откуда-то сверху. Теперь уже не весна вспоминается, а погожая осень — бабье лето. Паутинки плывут в воздухе, мерцают, переливаются, догоняют одна другую, то становятся невидимыми, то вновь появляются. Это идет переселение в другие места молодых паучков, они маленькие и легкие — летят, прицепившись к концу паутины. По правилам переселяются паучки в конце лета, осенью или весной, а сейчас зима, и уже морозы были, и снег ложился. Значит, не все успели улететь и вот, пользуясь случайными теплыми днями, распустили свои парашюты и пустились в опасное воздушное путешествие. Куда ветер — туда и летят. Не все долетят благополучно — кого птица склюнет, а кто в воду угодит. Но как же не путешествовать, если такая погода!

Одна паутинка прицепилась к ветке груши, повисает в воздухе крошечный восьмирукий парашютист. Быстро мелькают длинные тонкие лапки — паучок лезет вверх.

Вот уж он на ветке, и на серой коре становится совсем незаметным. Сидит, отдыхает и даже не шелохнется. Что же будет делать? Останется здесь или полетит дальше? Паучок, будто сидит и размышляет: «Поживем — увидим...»

НОЧНОЙ КОНЦЕРТ

Дерево как дерево. Обыкновенный карагач с узкими рубчатыми листьями. И стоит посреди города в шумном районе у кинотеатра. Дерево ухоженное, подстриженное; ножницы и пила обрабатывали его крону не раз и придали ей вид большого пушистого шара. Несмотря на то, что давно лег снег и наступили холода, листья почему-то не облетели и висят скрюченные, твердые, будто жестяные. А если налетит ветер, то они сыпятся вперемешку со снегом и льдинками и гремят.

В сумерки на дерево прилетают воробьи устраиваться на ночлег. Пошумят немного из-за лучшего места и постепенно затихают. Пора отдохнуть после дневной суеты...

Но вот над деревом зажигается уличный фонарь, пронизывая густую сеть веток голубоватым светом.

Тут-то все и начинается. Один воробей подает голос, за ним другой, пробуждается вся стая и звенит, не умолкая, импровизированный ночной концерт. Начинается возня. Птицы перепрыгивают с ветки на ветку, дерутся, обиженно вскрикивают. Улететь бы отсюда, да страшно — ночь. И только в кроне дерева светло как днем.

Бывает, что дерево пустует. День, два... Но однажды наступает вечер, прилетают воробьи. Потом зажигается фонарь. И начинается все сначала...

САДЖИ

Погода была неустойчивая. Солнечные дни сменялись хмурыми, туманными. В субботу с утра пошел снег, и холодный ветер носил по тротуарам снежные вихри. Во второй половине дня потеплело, солнце стало проглядывать белым подмороженным шаром сквозь тяжелое небо.

Маленькие серые птички с красными пятнышками на головах — королевские вьюрки, пролетали, негромко, мелодично тренькая, садились на березы и принимались потрошить сережки, распуская по ветру похожие на опилки семена.

Но вот протянула наискосок со стороны гор необычная для города стая птиц. Летели птицы легко, будто ветром несло их над многоэтажными зданиями. Стая разделилась на две группы, будто два легких длинных коромысла проносились по серому небу.

Летели саджи. Промелькнули над городом, придерживаясь нужного им направления, и пропали.

Живут саджи в пустынях и полупустынях. Не так уж часто увидишь их над городом. Но, оказывается, есть у этих птиц интересные странности. Иногда они собираются в стаи и улетают далеко за пределы своих исконных мест обитания. Можно подумать, что им надоедают однообразные пустынные равнины и они отправляются повидать свет. Дух бродяжничества овладевает ими — иные стаи заканчивают свои путешествия у берегов океанов и морей: на западе — у Атлантического, на востоке — у Тихого, а на юге — у Черного моря.

Вот так и странствуют саджи по свету. Никто не знает, что гонит их в такую даль. Известно, что саджи пытались даже гнездиться на чужбине: в Дании, Маньчжурии и других местах. Но в конце концов погибали. Раскаленная земля пустынь для них самая благодатная.

И все же они улетают. Одни на время, другие — навсегда. Вот и стая, что растаяла в зимнем неласковом небе, тоже куда-то летит, чего-то ищет...

ОБМОРОК

Утром крепко подморозило, а ночью выпал снег. От его тяжести согнулись и напряглись деревья. Тишина вокруг. Попряталось все живое — холодно.

Вдруг прозвучал тоненький, похожий на мышиный, писк: «ци-и-ци-и-и.» Два желтоголовых королька, наверное, самец и самочка, вертелись вокруг трещины на стволе старой ивы, как заводные. Они бы остались незамеченными, если бы работали молча, такие они были маленькие. Но птицы о чем-то громко переговаривались. Там, где только что был хвост, через мгновение появлялась голова. Закончив обследование дупла, они в том же стремительном темпе, двигаясь по спирали, начали подниматься по ветке. Вот парочка добралась до вершины — с веткой покончено. Не отдохнув и секунды, корольки принимаются за следующую. Я не мог видеть, какую добычу вынимали они из трещин, но без сомнения, это были какие-то мелкие насекомые или паучки.

Минут за двадцать корольки осмотрели и обработали все дерево и сразу же принялись за другое. Их слабый, но бодрый писк раздавался то внизу, у самой земли, то у вершины. На меня они не обращали никакого внимания, поэтому удалось приблизиться к ним на расстояние вытянутой руки. Подвижность и доверчивость этих милых птиц поразительны. По-видимому, одно с другим связано. Ведь даже ловкому пернатому хищнику схватить такого непоседу — нелегкая задача. Бросившись на королька, он в следующее мгновение обнаружит на этом

месте лишь голый сук. Вот корольки и ведут себя беспечно.

Такие выводы делал я, неподвижно стоя в тени глубокого оврага. А корольки тем временем продолжали суетиться.

То, что случилось несколькими секундами позже, казалось невероятным. Низко над белыми деревьями метнулись крылья пустельги. Она остановилась на мгновение в воздухе и вдруг упала на корольков. Взметнулись и поплыли вниз пушистые искры снега. Пустельга запуталась крыльями в тонких ветках, раскрыла клюв и хищно блестела глазами. Корольков на дереве не было. Но один из них лежал в снегу, только хвостик торчал. Пустельга взлетела, а я подошел к упавшему, непонятно отчего, корольку. Вот он на ладони — маленькая теплая птичка с задернутыми пленкой глазами. Что это — обморок, разрыв сердца? Выходит, я ошибся, поверив в неуязвимость корольков...

Положил крошку в карман и пошел своей дорогой. Сто, может, двести шагов прошел, когда королек в кармане зашевелился. Не без труда я отыскал его. Теперь он осмелел: нетерпеливо косил глазом, дергался, пытался вырваться. Я выпустил его — он так быстро растаял в небе, будто его и не было вовсе...

ЗИМОВЬЕ СОВ

В ботаническом саду среди других деревьев стояли три сосны, ничем особенно не примечательные. Вечнозеленые, как и положено, после снегопада — белые. Но была у этих трех сосен тайна, что и делало их совершенно особенными.

Узнал я тайну случайно. Возвращался с работы рано утром, в сумерки. Небо на востоке уже слег-

ка розовело, но еще светились звезды, крупные и зеленеватые. Утром было холодное, крепкое, под ногами похрустывали льдинки, а по тому как розовело небо, угадывалось, что будет оттепель — вот встанет солнце и поплывет снег, загуляют среди деревьев теплые ветры.

В полной тишине проплыла над головой широкая крылатая тень, снизилась и пропала где-то у трех сосен. Пока я стоял, высматривая, что это такое, еще две птицы четко, спокойно и без всякого шума вошли в кроны деревьев.

В другой раз я остановился здесь днем и долго стоял, разглядывал, ощупывал взглядом каждую ветку. Увидел все-таки... Сначала одну, потом вторую. Ушастые совы дремали, тесно прижавшись к стволу дерева. Как оказалось, на соснах дневало шесть или семь сов — целая стая, может быть, семья. Под соснами была тропа, каждый день по ней шли на работу и с работы люди, и никто не догадывался, что над головой дремлют совы.

Совы всегда сидели на одних и тех же ветках, изредка бросая в снег плотные комочки-погадки, состоящие из косточек, перьев и шерсти съеденных животных. Были совы круглые и добродушные на вид.

Как-то раз прилетели синицы и принялись, позванивая, прыгать по веткам, выискивать насекомых. Синицы осматривали дерево не как попало, а в определенной последовательности. Сначала ветка обследовалась от верхушки до основания, после чего птица делала оборот вокруг дерева и начинала двигаться по другой ветке уже от основания к верхушке.

«Чр-чр-чр»,— вдруг заверещала одна синица и отпрянула: в бесформенном сучке она признала круглую совиную физиономию. Сова невозмутимо хлопнула веком, и синица чуть не свалилась замертво — так напугалась!

Никто не видел сов ночью. Однажды я шел через сад поздним вечером, когда на вершинах тополей, усталые и молчаливые, отдыхают вороны и галки. Вдруг ни с того

ли с сего птицы разом взмыли вверх, и долго трепетали крылья в темнеющем небе, и не стихал, похожий на тонкий отрывистый лай, крик галок. Тогда я подумал о совах, не они ли разбойничают?

Были и вещественные доказательства ночной охоты. Плотные комочки, что отрыгивали птицы днем, сплошь состояли из шерсти и косточек грызунов, лишь изредка попадались в них птичьи перышки. А если походить по снежному полю, то можно было увидеть такое: где-нибудь на открытом месте внезапно обрывался кружевной мышиный следок, и тут же на снегу отпечатки больших крыльев — значит, мышь улетела в небо, подхваченная пернатым охотником...

ИСТОРИЯ ШЕСТИ ГНЕЗД

Если посмотреть на карту южного Прибалхашья — вся она испещрена мелкими коричневыми точками. Пески... Огромная пустыня Сарыесикатырау лежит между крупнейшими реками Семиречья — Или и Караталом. С севера голубой дугой изогнулось озеро Балхаш. У здешних песков множество наименований: Ирижар, Бестас, Жалкум, Жаманкум и Люккум. Последнее происходит от казахского улуккум, что означает бескрайние пески.

Ранним утром мы выезжаем из города Уштобе. Сначала машина легко бежит по асфальту, потом начинается трясучий щебнистый грейдер. Мелкая белесая пыль застилает горизонт, набивается в глаза, рот, уши... Некуда деться от пыли. Лица людей, сидящих в машине, становятся серыми, а брови и ресницы рыжими и пушистыми.

С правой стороны от дороги тянется зеленая полоска тугайной растительности, иногда неожиданно откроется и сверкнет расплавленным золотом крутая излучина Кара-

тала или заблестит на солнце болотце, заросшее осокой и тростником.

А слева мелькают один за другим низенькие барханы, то голые, в извитых ветряных полосках, то поросшие редкой пустынной растительностью. Песчаные акации покачивают голыми, пепельного цвета, ветками, да в отдалении виднеются невысокие кустарнички астрагала, усыпанные фиолетово-розовыми крапинами бутонов. Вот такая пустыня в начале мая...

Это пески Жаманкум, то есть Плохие пески. Откуда появилось такое название, никто не знает. Пески как пески. И здесь, как в других пустынях, зацветают белые эремурусы, поднимаются голубоватые свечи заразихи. Пасется скот, стоят юрты, да кое-где белеют голые еще рощицы саксаула.

За Жаманкумами начинается пустыня Бестас — Пять камней. Но меняется только название, а местность точно такая же... И вряд ли кто отыщет здесь пять камней, давших название сотням квадратных километров песчаного пространства.

...В голубом небе, распластав крылья, легко кружит большая сильная птица, орлан-белохвост...

Много километров пройдено по Прибалхашью: пешком, на машине, в лодке. Много всякого довелось увидеть, но сейчас я хочу рассказать об орланах-белохвостах. Я не занимался специально поисками этих птиц. Не хватало времени — вечно подгоняла работа, иные задания и цели. Орланы встречались по пути. Сколько их было? Не знаю. Может, и не очень много. Удалось узнать только о судьбе шести гнезд.

В мае у орланов уже взрослые птенцы, поэтому в гнездо можно заглянуть без всяких неприятных последствий для птиц. Родители птенцов не бросят. Они могут бросить кладку... Но яйца откладываются очень рано, чаще всего во второй половине февраля, еще до начала весны. И, наверное, поэтому среди местных стариков-казахов

ходит интересное, но, конечно, наивное, поверье. Они рассказывают, что орланы, отложив яйца, на некоторое время покидают гнездо. Ведь совершенно необходимо по их словам, чтобы яйца прихватило морозом и скорлупа треснула, иначе птенец никак не сможет выбраться из яйца.

Первое гнездо, судьба которого, как и многих других, сложилась драматично, я увидел у реки Каратал.

Очень своеобразны азиатские реки. Мутные, неудобные для любого судна и даже опасные. На весельной лодке по ним можно плыть только вниз, а вверх не выгрести из-за сильного течения.

Я вышел ма моторной лодке. И на первом же перекате сел па мель. Пришлось раздеться и лезть в воду. Кое-как, упираясь в песчаное, ползущее под ногами дно, удалось столкнуть лодку. Течение сразу подхватило ее, рвануло и понесло! Я едва успел ухватиться на борт. Неспокойная вода в Каратале. Нужно быть внимательным. Я направляю лодку то к левому берегу, то к правому, стараясь держаться поближе к обрывам и подальше от пологих участков суши. По фарватеру вода пенится, бурлит, ходит кругами. Близко к берегу тоже плыть опасно, там может оказаться затопленное и невидимое сверху дерево.

И все-таки хороши эти реки! Сейчас часа три, почти полдень. Там, где мелко, вода покрыта рябью и вся искрится. Огоньки вспыхивают и снова гаснут... Миллион солнечных зайчиков!

Позабыв, что надо следить за фарватером и мелями, я засмотрелся на игру света. За каждым поворотом открывается что-то новое: длинные песчаные отмели, густые тальники, широкие, как шатры, ивы. А вот и туранги появились. Крона у туранги широкая как-бы приплюснутая, ствол странным образом изогнут, наклонен или разветвлен. Редко увидишь две одинаковые туранги. В

каждом дереве что-то свое, особенное и неповторимое...

Лодка неожиданно тычется носом в какое-то препятствие и резко останавливается. Я едва не вылетаю в воду. Мель! Длинная песчаная коса тянется от островка почти до середины реки. На отмели, у самой воды, лежит похожее на огромную кучу мусора, гнездо... Оставив лодку на косе, я бреду к нему по колено в воде. Оказывается, одна из туранг разломилась надвое, и вершина вместе с гнездом упала на землю. Видно, вода в Каратале поднималась высоко, в гнездо нанесло ила и грязи. Само гнездо прочное и надежное и, не повались дерево, еще долгие годы служило бы какой-то крупной хищной птице.

Напротив островка вижу маленькую землянку и причаленную лодку.

Из землянки выходит щуплый старик и, заслонившись ладонью от солнце, разглядывает меня.

— Здравствуй,— отвечает он на мое приветствие и прищуривается.— Лодка, вижу, егерская, а тебя что-то не признаю.

Я называю себя, он представляется коротко:

— Яков!

— А по отчеству?

— Зови Яков,— отвечает он.— Я так привык...

Яков — колхозный сторож. Под его наблюдением кое-какой сельскохозяйственный инвентарь, скирды сена и зимовочные домики чабанов. На лугу пасется спутанная лошадка низкорослой степной породы. Лодка тоже его. И сеть, конечно, имеется...

Яков разводит огонь в небольшой печурке, ставит на плиту закопченный котелок, а я отправляюсь за хвостом. Когда я возвращаюсь, Яков разделывает рыбу и опускает в котелок. На столе появляются банка с сахаром, сухари и чайник с отбитым носиком. Лицо Якова в седой короткой щетине улыбается... Спешить ему некуда, и он рад гостю. Ведь гость в этих местах редок.

Я показываю ему на упавшее дерево и спрашиваю, знает ли он что-нибудь о гнезде.

Яков долго роется в пачке «Памира», достает сигарету и закуривает.

— Гнездо свалилось в прошлом году,— наконец говорит он.— В мае месяце. Да... А жил в нем орлан-белохвост...

Я уже предчувствую, что услышу нечто интересное об орланах. Ведь Яков живет у реки не один год и кое-что видел.

По выражению его лица нетрудно понять, что он предпочел бы поговорить о чем-нибудь другом. Что орланы? Дело прошлое...

— Раз уж тебе так хочется...— бормочет он и начинает рассказывать.

Гнездо построено давно, сколько он помнит, оно здесь и было. Каждый год орланы подновляли его, подстраивали. Гнездо становилось все больше и тяжелее. А дерево старело, кто знает, сколько лет этому дереву.

Яков не трогал орланов. Зачем? Ловят рыбу? Ну и пусть... Да, рыболовы они умелые. Ему приходилось это видеть не раз. Летит, летит, вдруг упадет в воду и поднимается с рыбой в когтях... Интересно наблюдать за ними. Иной раз так неуютно на душе, скучно, холодно. А увидишь орлана — и все как-будто хорошо, и жить хочется...

Один раз Якову случилось наблюдать крупную охоту. Такое редко увидишь. Произошло это у переката, километрах в пяти отсюда, ниже по течению.

Орлан упал в воду, вонзил в рыбью спину когти, но взлететь не мог. Рыба оказалось тяжелой. Это был настоящий бой двух равных по силе противников. Схватка длилась, наверное, целый час, не меньше. Иногда перевес был на стороне орлана, он пытался вывести рыбу на мелководье, но и рыба не сдавалась — тянула на середину реки, где глубина... Орлан устал, крылья намокли, отя-

желели... Яков решил, что пернатому хищнику пришел конец. Лодки близко не было, и он ничем не мог ему помочь. Но орлан собрался с силами и вывел-таки свою добычу к перекату у самого берега. Яков увидел гладкую рыбью спину. Это был сом! Сом не сдавался, старался уйти с мелководья, бил хвостом, окатывая орлана водой... Да, схватка была не из легких... Еще все могло быть, но орлан вдруг освободил одну лапу и ухватился за тростник. Вот тогда Яков понял, что орлан победил... Так оно и случилось. А сом, как считает Яков, был весом не меньше пяти килограммов...

Турангу с гнездом сломало ветром.

В здешних местах ветер не редкость, но в ту ночь поднялась настоящая буря. Темень, ни одной звезды в небе, а кругом скрип и скрежет. Якову не спалось, все казалось, какое-нибудь старое дерево не выдержит и обрушится на землянку. Он поднимался, выходил на берег реки, стоял и слушал, как свистит ветер и хлещут о берег волны. Ветер дул навстречу течению, и вода в реке поднималась.

Во второй половине ночи на острове раздался громкий треск, и с шумом упало дерево. Закричали орланы и грачи...

К утру буря стихла, но наделала беды. Гнездо лежало в воде, на нем сидели два крупных птенца.

Орланы кружили над островом, кричали, иногда присаживались на вершину дерева и хмуро смотрели вниз. Непонятно почему, но они так и не решились слететь к своим птенцам. И на следующий день птенцы все так же сидели на краю гнезда, разевали рты и пронзительно пищали.

Ловить рыбу было запрещено, по реке туда-сюда носилась инспекторская «казанка». Но Якову стало не по себе от унылых криков орлят. Он решил рискнуть и бросить сплавную сеть. С первого заплыва попалось несколь-

ко лещей. Весь улов он скормил птенцам. Первое время орланы прилетали, — покричат, покружат,— да дня через три-четыре перестали появляться. Пришлось Якову выхаживать молодых. Кормил почти что одной рыбой. Сазан им больше по вкусу был, а леща, если не слишком голодные, не брали.

Выросли, прошло время, летать стали хорошо. Сядут на борт лодки и кричат — есть просят. Им бы пора самим охотиться, а они сидят и пищат. Большие стали, тяжелые и красивые. Но от старых птиц отличались. У старых хвосты белые, у этих — черные.

Да вот кончилось все плохо. Приезжал тут какой-то человек из города, рыбачил, отдыхал. Привязался — отдай птенцов, очень нужны. Все равно, мол, придет зима — куда ты с ними? Кормить чем будешь, а они к охоте не привыкли... Подумал Яков и отдал, даже не спросил, зачем ему орланы? Надо человеку, значит надо... А потом случайно узнал, что тот из них чучела сделал.

— Вот такой собачий сын оказался... Зачем ему чучела? Не надо было отдавать, да кто его знал. Зря, одним словом, пропали...— закончил Яков свой рассказ.

За беседой время прошло незаметно. Солнце уже висит низко, а нужно добраться до егерского кордона засветло, чтобы не напороться в потемках на мель или корягу. Яков идет проводить меня...

Отгребаюсь от берега, завожу мотор. У первого поворота оглядываюсь назад. На золотистой от вечернего солнца отмели вижу упавшую турангу с гнездом, а на другой стороне реки — одинокую фигуру Якова...

Егерь мне сказал, что по дороге на Аксу я увижу еще одно гнездо орлана. Он уверял, что гнездо жилое, что он сам видел птенцов с неделю назад. Но жилье орланов оказалось пустым. Из каждой щели постройки торчали рыжие космы сухой травы — воробьиные поселения. С полсотни воробьев подняли такой шум, что хоть затыкай уши, один старался перекричать другого...

Под деревом валялись окурки, на песке четко отпечатались следы подошв и колес автомашины. Птенцов забрали люди, которые недавно здесь останавливались. Больше некому. Ведь других врагов у орланов нет...

Казалось бы, нет ничего проще для орланов, чем гнездиться на самых высоких и толстых деревьях. По берегам Аксу нередко попадаются ивы толщиной в два обхвата. Но местный егерь Сеит ведет меня мимо огромных деревьев к озеру, заросшему по краям густым тростником. Он показыват на низенькую приземистую турангу, верхушка которой едва выглядывает из-за метелок тростника. Зато какая роскошная папаха красуется на туранге-коротышке.

— Сейчас там птенцы,— говорит Сеит и прикладывает палец к губам.

Мы молча бредем по протоке к дереву. Вот уже близко туранга, до нее остается не больше двадцати шагов, почему же не вылетают взрослые птицы? На лице Сеита намечается беспокойство, потом в глазах его появляются растерянность и разочарование...

— Нет, нету,— бормочет Сеит.— Тут жили сакманщики... Они взяли птенцов... Больше никого не было... Я же предупреждал...

Сеит стискивает зубы, ноздри его раздуваются и бледнеют от злости.

— Я им покажу!— грозится он.— Я же предупреждал...

— Может, кто другой?— говорю я.

— Других здесь не было,— отвечает Сеит.

— Но зачем они разорили?

— Зачем?— смотрит на меня Сеит.— Они увидели, что белохвостый ловит рыбу. И разорили...

Другого объяснения он не находит. Чтобы доказать, что орлан был, Сеит ведет меня по тростнику и осоке к

озеру. Мы выходим на пологий берег, усыпанный крупной сазаньей чешуей.

— Вот тут,— говорит Сеит,— он убивал рыбу.

Мы возвращаемся к кордону...

— Я знаю еще гнездо,— произносит Сеит.— Покажу, когда поедем к Бакланьим озерам.

Опять едем по пустыне... Высокие барханы розовеют в утреннем свете. Солнце поднимается выше и пески становятся ярко-желтыми. Неожиданно впереди открывается синее озеро. В воде, как в огромном зеркале, медленно плывут белые облака. Из всех сочетаний цветов, пожалуй, самое лучшее желтое с синим.

В этом краю немало озер. И соленых, и пресных. Пресные озера — в зеленой кайме тростников, а соленые окружены белыми ободками соли. Пресные озера богаты рыбой. С высокого берега видно, как в прозрачной воде неторопливо проплывают крупные сазаны. Еще утро и пока нежарко. Кажется, что над песками проносится прохладное дыхание Балхаша.

Дорога наша петляет, круто поворачивает то на восток, то на запад, то на север... Но Сеит рядом, а он-то отлично знает местность.

— Вон за тем барханом живет белохвостый,— показывает он вперед.

Машина с разгона вылетает на бугор! И среди желтой равнины мы видим зеленый островок деревьев. Туранги...

Взмахивая тяжелыми крыльями, над рощицей поднимается большая птица с белым хвостом.

— Здесь есть,— говорит Сеит.

Но мне не верится. Почему-то кажется, что все гнезда разорены и пусты. Около рощицы проходит дорога, хоть и нелегкая эта дорога, все же люди здесь бывают.

Кто-то мог полюбопытствовать и взять птенцов. Так, на всякий случай...

На одном из деревьев чернеет сквозь зелень листвы гнездо. Я лезу по скрипящему стволу туранги. Все выше и выше. Гнездо, как крыша дома, заслоняет все небо. Весит оно, наверное, не меньше центнера! И я уже понимаю, что не смогу дотянуться до его края, тем более, заглянуть внутрь. Гнездо неприступно... Очень жаль, хотелось бы сфотографировать его сверху.

А Сеит кричит:

— Птенец там! Большой! Шевелится... Встает!

Но я ничего не вижу, кроме торчащих перед глазами сучьев и веток. Делать нечего, спускаюсь вниз... Но Сеит не сдается. Он уверяет, что сделает так, что можно будет снимать.

— Ремень есть?— спрашивает он.

Я отдаю ему свой ремень. Сеит обхватывает руками и ногами ствол дерева и быстро добирается до первой развилки.

— Подай вон ту палку!— командует он сверху. Я с трудом поднимаю здоровенный обломок дерева. Один конец его Сеит упирает в развилку, а второй поднимает выше гнезда, привязывает ремнем к туранге. Пробует свое сооружение на прочность и лезет вверх. Вот голова его приподнимается над гнездом. С земли видно, как птенец встает и делает выпад в сторону человека.

— Ойбой!— отшатывается Сеит. Втянув голову в плечи, он смотрит вниз. Глаза его сияют.

— Вот он,— говорит Сеит.— Хорошо видно!

Но снимать все равно нельзя. Сеит сбрасывает вниз обломок дерева и спускается сам. Птенец внимательно следит за нами из своей крепости.

Несмотря на неудачу, я радуюсь, что это гнездо оказалось таким надежным и неприступным...

Самым необыкновенным было пятое гнездо.

В низовьях Каратала немало тугаев, есть в них и высокие деревья. Но гнездо орлана обнаружилось километрах в пяти от реки, в пустыне Бестас, и вовсе не на дереве.

Ехали по пескам... Неожиданно впереди показалась ослепительно-белая, как будто покрытая снегом, равнина. Это был овальной формы солончак длиною километра в два и около полутора шириной. Посередине солончака темнело нечто, похожее на шалаш или старую копну сена.

На этот раз моим спутником был егерь Александр Петрович.

Александр Петрович смотрит в бинокль и говорит:

— Орланы... На гнезде две птицы.

— Орланы гнездятся на деревьях,— замечаю я, так как знаю это и по своему опыту, и по литературным сведениям.

— Нет, не только на деревьях,— возражает егерь.— Я наблюдаю за этим гнездом не первый год. Есть и другое, на солончаке. Да в этом нетрудно убедиться... Птицы-то на гнезде...

Переобуваемся в резиновые сапоги и спускаемся с бархана к солончаку. На белой поверхности четко отпечатываются рубчатые следы подошв. Соль держит крепко, можно было идти даже в ботинках.

Обе птицы взлетают когда мы приближаемся метров на пятьдесят. Да, это орланы-белохвосты. Распластав широкие, растопыренные на концах в виде пальцев, крылья, хищники кружат над ним. «Ки-ки-ки-ки» — дрожит в небе унылый крик...

Куда ни глянь — ослепительный блеск плещет в глаза! Над головой яркое синее небо, под ногами белая соль, а вокруг огнистые бока барханов...

Гнездо очень большое. Меряю шагами его основание — приблизительно три метра. Рассматриваю, из чего

оно сложено... Ветки тамариска, джузгуна, песчаной акации. У самого основания — ствол белого саксаула толщиной в человеческую руку! Как могли орланы принести его, ведь саксаул очень тяжелый... Кругом валяются рыбьи кости, скелеты, выбеленные солнцем, головы судаков и сазанов. Здесь же лежат три лысухи и лапа зайца-толая. Но где птенцы.

— Тут птенец!— слышится голос Александра Петровича.

Да, за гнездом на солончаке лежит птенец. Он мертв... Глаза задернуты бледными веками. По разлохмаченной груди и раскинутым крыльям бродят зеленые мухи. Произошла какая-то трагедия!

Александр Петрович что-то внимательно разглядывает на солончаке.

— Волки были. Два волка...

Изучая волчьи следы, егерь уходит в сторону барханов. Я фотографирую гнездо, птенца и возвращаюсь к машине. У края солончака песок взрыт, здесь прошли две лошади. Мелькает догадка... Наверное, гнездо разорено не волками, а чабанскими собаками. Они бежали за наездниками, а потом повернули к солончаку.

Когда Александр Петрович возвращается, я показываю ему следы лошадей и высказываю свои соображения. Но он не соглашается со мной. Настаивает, что птенцов погубили волки, ведь следы повели в глухие пески, где на много километров нет никаких чабанов. Каждый зверь тащил по одному орленку. Выходит их в гнезде было три... Третьего волки загрызли, но унести не смогли.

— Это произошло ночью,— говорит егерь.— Днем бы орланы не подпустили к гнезду даже волков.

Почему орланы загнездились на голом солончаке? Ведь это очень опасно. К тому же, совсем недалеко растут высокие деревья...

Мы приходим к такому выводу. Орланы построили

свое гнездо очень давно. Тогда здесь было озеро, а не солончак. Наверное, из воды торчала кочка, на которой и начиналась постройка. Потом вода ушла, осталась одна соль, но орланы по привычке продолжали жить на своем месте. Прежде по воде добраться до гнезда было не так-то просто, а теперь по твердому солончаку свободно мог подойти любой зверь.

— На следующий год они сюда не прилетят...— заключает егерь.

Шестое гнездо тоже оказалось пустым и рассказывать о нем нечего.

Итак, из шести гнезд, в каждое из которых в среднем откладывается два яйца, благополучно вывелся один птенец. Всего один! И в большинстве случаев причиной их гибели оказался человек...

В последние годы много говорится об охране животных, особенно редких. Когда я слышу или сам говорю слова: «Не трогайте орланов, не стреляйте, не разоряйте...», мне как-то неловко. Ведь это прописные истины, кто их не знает. Но иногда приходится слышать в ответ: «А зачем нужен орлан? Это не заяц, которого можно, по крайней мере, съесть, не фазан, не курица... Зачем вообще орлан?»

Такие вопросы ставят в тупик. Как объяснить, зачем нужен орлан? Редкая птица! Только и всего? Или нечто большее?

Вот я стою на высоком бархане. Желтая волнистая равнина тянется до самого горизонта. Вокруг меня небо — и вверху, и даже внизу.

Вдруг словно иголкой укалывает пронзительный крик: «Ки-ки-ки-ки». Я поднимаю голову и слежу за полетом большой хищной птицы. Она ходит широкими кругами, как по невидимой спирали ввинчивается в синеву. На

каком-то витке, под каким-то углом к солнцу сверкает белизной хвост птицы. Это орлан-белохвост!

И как бы ты не устал, как бы не был огорчен и подавлен, тебя наполняет острое чувство жизни, ты возродился, прогнал прочь отчаяние и тоску, ты снова полон сил!

Уж не в этом ли назначение всех высоких птиц?

СОДЕРЖАНИЕ

За синей горою

Встречи

Для детей среднего школьного возраста

ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ МОСОЛОВ

У КАМЕННЫХ СТОЛБОВ ЧАРЫНА

Рассказы

Редактор *А. Соловьев*
Мл. редактор *П. Испулова*
Худ. редактор *С. Макаренко*
Художник *В. Тихоненко*
Техн. редактор *Р. Винокурова*
Корректор *Н. Жолумбетова*

ИБ № 2849

Сдано в набор 6.11.84. Подписано в печать 16.08.85. УГ 03353. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 3. Гарнитура «обыкновенно-новая». Печать высокая. Усл. п. л. 9,8. Уч.-изд. л. 9,2. Усл. кр.-отт. 10,2. Тираж 50 000 экз. Заказ № 524. Цена 25 коп.

Издательство «Жалын» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124 г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.

М 81 У каменных столбов Чарына: Рассказы.— Алма-Ата: Жалын, 1985.—208 с.

Эта книга об удивительной и разнообразной жизни природы. Читатель узнает о напряженной, иногда складывающейся драматично, жизни многих животных: оленей, бобров, дикобразов, медведей, волков, сайгаков и др. Все это не просто пересказ фактов, а личное восприятие природы автором, раздумья о судьбе каждого живого существа. Книга учит понимать и чувствовать природу, видеть ее красоту, идти к ней с добром.

М $\frac{4803010102-172}{408\ (05)\ 85}$ 159—85 28.088

Уважаемые читатели!

Ваши отзывы и замечания о прочитанной книге просим присылать по адресу: г. Алма-Ата, 480124, пр. Абая, 143.

25 к.

ВИКТОР МОСОЛОВ